

УБИЙСТВО В СТИЛЕ

Гилберт Адэр
Убийство в стиле
М.: АСТ, Астрель, 2011

Содержание:

- Гилберт Адэр. Убийство в стиле (роман, перевод И. Гуровой)

Гилберт Адэр

Убийство в стиле

Кино — это не кусок жизни, а кусок торта.

Альфред Хичкок

Моему редактору Уолтеру Донохью

Дорогой Уолтер!

Когда в восхищении от «Хода Роджера Мургатройда» вы пожелали, чтобы я написал продолжение, я тут же отверг такую идею, сославшись на то, что всегда считал делом чести никогда не повторяться. Позднее, однако, мне пришло в голову, что я ни разу еще не писал продолжений (во всяком случае, собственных книг), а потому, согласно — признаю, несколько передернутому логическому выводу, — продолжение, написанное сейчас, знаменует для меня абсолютно новое направление. И если, перефразируя метафору Хичкока, беллетристика тоже может быть куском торта, надеюсь, вы оставили местечко для второго куска.

Гилберт

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

— Черти полосатые в клеточку!

Этот голос...

Старший инспектор Трабшо (или, если быть педантично точным — старший инспектор Трабшо в отставке, прежде подвизавшийся в Скотленд-Ярде) только что вошел в чайную комнату отеля «Ритц», взыскуя отдыха ногам и освежения нёбу, а пока он тщился привлечь взгляд какой-нибудь официантки, и раздался голос, заставивший его окаменеть на месте. Сказать правду, «Ритц» не был тем заведением, которое он удостоивал своими посещениями при обычных обстоятельствах, и, уж во всяком случае, не ради исходящей паром чашки с чаем, которой он жаждал вот уже час. Он никогда не любил швыряться деньгами, и еще меньше с тех пор, как вынужден был научиться существовать на пенсию старшего полицейского инспектора, да и какое-нибудь кафе-кондитерская «Лайонз» куда больше отвечало бы его заведомо плебейским вкусам, которых он и не думал стыдиться. Но волею случая он оказался в наиболее фешенебельном конце Пиккадилли, где единственное заурядное кафе заполняли секретарши и стенографистки, громогласно делившиеся друг с другом тяготами и треволнениями своих служебных дней, которые все завершались одновременно. Следовательно, кроме «Ритца», выбирать было не из чего. И он подумал, поймав себя на переоценке ценностей: а почему бы и нет? В бурю — любой старый порт!

И вот он оказался в этой корректно-элегантной зале — зале, где мелодичное жужжание разговоров высших классов гармонично диссонировало (если такой оксюморон допустим) с серебряным перезвоном безупречных столовых приборов, в зале, где в жизни своей не бывал и не думал бывать — и не успел он сориентироваться, как наткнулся на кого-то из своего прошлого.

Окликнувшая его особа сидела в одиночестве за столиком вблизи двери, и ее лицо еле выглядывало из-за неустойчивой стопки зеленых (цвет детективного чтива) книжек в мягкой обложке издательства «Пингвин». Едва он повернул к ней голову, как ее голос снова прогремел:

— Чтоб мне пусто было! Неужто мои слезящиеся глаза меня обманывают, или это правда мой старый партнер по розыску, инспектор Копушинг?

Теперь Трабшо посмотрел прямо на нее.

— Ну-ну-ну! — воскликнул он с удивлением. Затем кивнул, и в его голосе почти незаметно появилась нотка сарказма. — О да, это и правда Копушинг. Копушинг, он же Трабшо.

— Так это вы! — сказала Эвадна Маунт, известнейшая создательница детективных тайн, игнорируя легкое, но многозначительное изменение его тона. — И вы действительно помните меня после стольких лет?

— А как же иначе? Это ведь существеннейшая часть моей работы — не забывать ни единого лица, — засмеялся Трабшо.

— Ох! — сказала слегка осекшаяся романистка.

— Однако, — добавил он тактично, — мы с вами познакомились после того, как я вышел на пенсию, не так ли? Из чего следует, что в данном случае воспоминание это личное, а не профессиональное. Собственно говоря, — закончил он, — напоминанием был голос. — Вновь прозвучала та же саркастическая нотка: — И эта неуважительная кличка.

— О, вы должны извинить мою шутиливость. «Она говорит так только потому, что знает, как это щекочет», э? Боже мой, это и правда вы!

— Да, много воды утекло, верно? — сказал Трабшо ошеломленно, пожимая ей руку. — Очень-очень много!

— Так садитесь же, садитесь. Дайте облегчение своим мозгам, ха-ха-ха! Потолкуем о старых временах, да и о новых временах тоже, если предпочтете. Конечно, если только, — сказала она, подчеркнуто понижая голос до театрального шепота, — если только у вас тут не назначено романтическое свидание. Если так, вы меня знаете, я никак не хочу быть *de trop*¹.

Трабшо опустился на стул напротив Эвадны Маунт, и его широкие боксерские плечи всколыхнулись, когда он одернул брюки на коленях.

— Никаких романтических свиданий в моей жизни не бывало, — сказал он без малейшего видимого сожаления. — Я познакомился с моей покойной хозяйшкой, Энни ее звали, когда мы учились в одном классе. Я женился на ней, едва нам перевалило за двадцать, желторотым констеблем. Свадьбу мы сыграли — очень даже шикарную — в зале железнодорожного отеля в Биконсфилде. И до самой ее кончины, теперь тому уже десять лет, я ни разу назад не смотрел. Да и по сторонам тоже, если вы понимаете, о чем я.

Эвадна Маунт откинулась на спинку стула и по-дружески оценила старшего инспектора.

— Какую очаровательную, какую уютную, какую завидно обыденную жизнь вы, по-видимому, ведете, — вздохнула она, и, возможно, вовсе не хотела, чтобы ее одобрение этой жизни прозвучало снисходительным, пусть оно и прозвучало так. — Да, совершенно верно, я теперь вспомнила. В последний раз, когда мы встречались, ну, из-за убийства в ффолкс-Мэноре², вы как раз овдовели. И вы говорите, это было десять лет назад? Просто не верится.

— И какие же это были десять лет, э? И война вам, и блиц, и День победы над Германией, и День победы над Японией, а теперь вот этот, так называемый послевоенный мир. Не знаю, как вы, мисс Маунт, но я нахожу, что Лондон изменился до неузнаваемости, и отнюдь не к лучшему. Только сплошь спекулянты, как я погляжу, вышибалы, воротилы черного рынка, автобандиты и шайки по контрабанде нейлона, о которых все время читаешь. А нищие! Нищие прямо здесь, на Пиккадилли! Последние полчаса я прогуливался по Грин-парк, но более не вытерпел! Меня непрерывно допекали чумазные уличные оборвыши, клянча пенни, а затем они обозвали меня «недопесок Гиммлер»... виноват, «недопесок Имле», когда ничего не выклянчили. И сюда я зашел главным образом в поисках тишины и покоя.

— М-м-м, — согласилась романистка. — Должна сказать, это место у меня с вами не ассоциируется.

— Так и есть. Я выглядывал какой-нибудь простой, обычный, всегда-вам-рады кафетерий. Вы же, как погляжу, здесь как у себя дома.

— Так и есть. Я каждый день заглядываю сюда в это время выпить чаю.

Их непринужденную беседу прервала седовласая официантка в белой наколке, выжидательно зависшая над Трабшо.

— Только чаю, мисс. И скажите, чтобы заварили покрепче.

— Обязательно, сэр. Не желаете к чаю хлеба с маслом? Огуречные сэндвичи, может быть?

— Большое спасибо, нет. Только чаю.

— Сию минуту, сэр.

Обозрев соседние столики, главным образом оккупированные пухлыми, упитанными и титулованными вдовицами, чьи боа дремотно обвивали шеи, будто столь же пухлые, упитанные, одомашненные лисицы, Трабшо вновь повернулся к Эвадне Маунт.

— Сейчас столько говорят о воздержанности. А здесь никаких признаков оной что-то не видно. Романистка благосклонно ему улыбнулась.

— Я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду, — ответила она голосом, звучание которого обычно было столь зычным, что скажи она всего лишь: «пожалуйста, передайте мне сахарницу», все равно даже через четыре столика головы оборачивались бы к ним. — Война все усложнила. Изменился не только Лондон, изменилась вся страна, да, наверное, и весь мир. Ни хороших манер, ни уважительности, ни почтения. Не то, что в наши дни.

Но ведь знаете, Трабшо, эти чумазные беспризорники, которых вы упомянули, эти маленькие оборвыши с впалыми щеками? Не забывайте, что всего пару лет назад бомбы Люфтваффе выгоняли их из дома, лишали родного крова. Когда они оскорбляют вас, называя «недопесок

¹ Здесь: лишней (фр.).

² См. «Ход Роджера Мургатройда». — Примеч. автора.

Имле», это же для них не просто фамилия. Вполне возможно, что наци повинны в смерти их матерей или отцов, или десятка их школьных приятелей. В эти страшные, испытующие времена нам всем, я убеждена, следует быть терпимее обычного.

Трабшо понял ее намек.

— Вы, разумеется, правы. Я просто антисоциальный ворчащий брюзга, закоснелый старый хрыч.

— Чушь! — сказала Эвадна Маунт. — Последний раз я вас видела десять лет назад, и вы ничуть не постарели, просто поразительно.

— Теперь, когда я пригляделся, то вижу, что и вы несколько не постарели. И, бьюсь об заклад, если я встречу вас еще через десять лет, вы все равно не постареете ни на йоту. Время-таки просто остановилось, во всяком случае — для вас. Ну, и для меня тоже, если вы так говорите. И, конечно, для Алексы Бэддели. Она тоже вроде бы несколько не стареет.

— Алекса Бэддели, э? Мое альтер-эго, или мне следует сказать, моя альтер-эгоистка? Да неужели, Трабшо, вы стали одним из моих читателей? Одним, как я люблю выражаться, из счастливого множества?

— Именно так. Правду сказать, с тех самых пор, как мы... э... сотрудничали в мерзком деле Роджера Мургатройда, я прочел все до единого ваши «Ищи убийцу!». Только на той неделе я дочитал последний. Как бишь он называется? «Смерть. Руководство для пользователя». Да, верно. Я докончил его в прошлую... в прошлую среду.

Последовала не такая уж краткая пауза. Эвадна Маунт явно начинала все больше чувствовать, что со стороны старшего инспектора было не слишком-то вежливо упомянуть название ее последнего романа, признаться, что он его читал, и остановиться на этом. Хотя она была склонна к беспардонности в своих отношениях с издателями и читателями, поклонниками и критиками, тем не менее не в ее стиле было первой открывать своего рода переговоры о похвалах. Она заявила бы, что у нее никогда не возникает подобной надобности — тем не менее такая неопределенность Трабшо настолько ее обескуражила, что в конце концов она спросила:

— И это все?

— Что все?

— Все, что вы можете сказать о моей новой книге? Ничего, кроме, что вы дочитали ее в прошлую среду?

— Ну, я...

— Вы не думаете, что вам полагалось бы сказать мне ваше мнение о ней?

Именно в эту секунду Трабшо был подан не просто чай, который он заказал, но и увенчанная глазированной вишней тарталетка, которую он не заказывал. Но прежде чем он успел исправить ошибку официантки, Эвадна Маунт подняла бокал (только теперь он заметил, что она пила двойную дозу розового джина, которому не полагалось бы присутствовать в меню чайной комнаты) и предложила тост:

— За преступления.

Хотя он не привык пить за гнусные деяния, войне с которыми посвятил свою профессиональную жизнь, Трабшо решил, что отказаться было бы с его стороны демонстрацией надутости и отсутствия чувства юмора.

— За преступления, — сказал он, поднимая чашку с чаем.

Он сделал большой глоток и, поскольку официантка уже скрылась, с неожиданной прожорливостью надкусил тарталетку.

— Правду сказать, — продолжал он, — должен признаться, разумеется, это всего лишь, как вы понимаете, мнение одного человека, но, должен признаться, мне не кажется, что ваш новый «Ищи убийцу!» когда-либо станет одной из моих любимых книг.

— Да? — Рысьеглазая романистка впиалась в него взглядом коршуна. — Это почему же, могу я спросить?

— Ну-у, все очень умно и прочее, напряжение нарастает очень мило, как всегда, так что, читая, я все больше увлекался, чего, полагаю, вы от меня и хотели.

— Интересно, что вы говорите так, — немедленно перебила она. — Видите ли, согласно моей теории, напряжение, подлинное напряжение, подлинно захватывающий интерес «Ищи убийцу!» — и особенно последних нескольких страниц «Ищи убийцу!» — связаны не столько, скажем, с

открытием личности убийцы, или с распутывание руководивших им побуждений, или вообще с чем-либо сочиненным автором, сколько с нарастающим опасением в уме самого читателя, что развязка, после того, как он потратил столько времени и энергии на книгу, может вновь оказаться разочаровывающей. Иными словами, напряжение, которое вы упомянули, порождается не страхом читателя, что сыщик потерпит неудачу — он же знает, что этого никогда не произойдет, — но, что неудачу потерпит автор.

— Но в том-то и дело, — заявил Трабшо, воспользовавшись случаем перебить в свою очередь. Он был необычайно терпим к ней, учитывая, что в конце-то концов она сама искала его мнения, но, хорошо помня ее прежние привычки, прекрасно сознавал, что, позволив ей отклоняться от темы в обычной ее манере, он так никогда и не получит возможности сообщить ей, что, собственно, он думает о ее книге. — Напряжение, говорю я, нарастало очень мило вплоть до эпизода, в котором ваша дама-сыщица Алекса Бэддели не начинает заново рассматривать алиби подозреваемых, и тут возникает вычурная ситуация с пьяным франтом, который имеет обыкновение вдруг выскакивать по ходу действия и... и, ну, откровенно говоря, я утратил интерес. Извините, но вы же спросили.

— И все же это в сущности очень просто, — не отступала Эвадна Маунт.

— Да? Должен сказать, я...

— Вы ведь знаете, что такое проходной трюк, верно?

— Проходной трюк? Да-а, — ответил старший инспектор с некоторым сомнением.

— Ну конечно, знаете. Не могли же вы не видеть хотя бы одну из этих голливудских комедий (они, по-моему, называют их «чокнутыми»), в которых проходной трюк заключается в том, что какой-то франт в цилиндре все время, как вы выразились, выскакивает в самые неподходящие моменты и заплетающимся языком спрашивает героя: «А разве я вас уже не видел где-то еще?» Я права?

— Угу, — сказал он столь же осмотрительно, как и раньше.

— А потому, когда читатель встречает персонаж того же типа в «Смерть. Руководство для пользователя», он думает: ага, комический прием для снятия напряжения, как в фильмах. Но нет, Трабшо, в моей книге франт действительно уже видел героя где-то еще. Где? Да уходящим с места преступления, разумеется. Но так как он в окосении, никто ни малейшего внимания на него не обращает. Кроме Алексы Бэддели, которая настаивает, что пьян он или нет, но он — свидетель, как всякий другой, и, следовательно, его следует выслушать, как всякого другого свидетеля. Мне нравится рассматривать это как вариацию «Человека-невидимки» из рассказа об отце Брауне, знаете ли.

Выслушав ее аргументы с не меньшим терпением, чем они ему втолковывались, Трабшо покачал тяжелой головой:

— Нет-нет, сожалею, мисс Маунт, это не пройдет.

— Не пройдет?

— Не спорю, теперь, когда вы мне ее истолковали, я более или менее уловил вашу идею. Но этого мало.

Эвадна Маунт приготовилась ошетиниться.

— Как так?

— Я к этому времени прочел достаточно «Ищи убийцу!» — главным образом, ваших, должен я сказать, хотя, когда исчерпал их все, то обнаружил, что это вошло в привычку, и даже заглянул в один-два триллера школы «дай в ухо». Джеймс Хедли Чейз, Питер Чейни...

— Приключения Лемми Кошина, хотите вы сказать? Фу, более, чем не мое.

— И не мое. В любом случае, как я сказал, я прочел их достаточно и знаю, что в лучших, в наиболее впечатляющих, не требуется перечитывать фразу, абзац, а то и целую страницу дважды, чтобы понять, к чему клонит автор, как иногда, знаете ли, приходится с классиками. И это вовсе не принижает «Ищи убийцу!», ваши или чьи-нибудь еще. Я только хочу сказать, когда открытия начинают сыпаться одно на другое, впечатление читатель должен получать мгновенно. Они должны хлестать вас по лицу в буквальном смысле слова.

Это как шутка. Если вы не засмеялись сразу, то вообще не засмеетесь ей. Никогда. И вот я подумал: разве не это подразумевается под Безупречным Преступлением, во всяком случае в «Ищи убийцу!»? Не преступление, когда преступник остается неизвестным... то есть, когда убийца

остаётся неизвестным, потому что нынче люди до того кровожадны, что, думается, никакое преступление, кроме убийства, их не удовлетворит. Так вот, не преступление, когда убийца остаётся неизвестным — конечно, такую книгу вы написать не можете, читатели потребуют деньги обратно, — но преступление, в котором все пригнано безупречно одно к другому, в котором улики не больше и не меньше, чем требуется переварить, и в котором установление личности убийцы оказывается столь же неизбежным, как и неожиданным. Это же не мог быть он, говорите вы себе, и тем не менее это не мог быть кто-то ещё. Вот, конечно же, Безупречное Преступление.

Трабшо завершил свои рассуждения почти виновато, словно осознав свою наглость. Подробно рассуждать о жанре «Ищи убийцу!» в назидание самой Вдовствующей Герцогине Криминала! Когда он наконец закурил трубку, выбив пепел в стеклянную пепельницу, которую тут же умыкнула с их столика прежде невидимая официантка, заменив на точно такую же, но девственно чистую, он осторожно покосился на романистку.

Секунду она выглядела ошарашенной. Затем, к его изумлению, взорвалась неудержимым смехом.

Детектив вопросительно наклонил голову.

— Я сказал что-то смешное?

— Нет, — ответила она, когда поуспокоилась настолько, что обрела дар речи. — Вы ничего смешного не сказали, вы сказали нечто честное. Вот что заставило меня захохотать, захохотать так сильно, что, по-моему, у меня лопнул чулок.

Я стала такой знаменитостью, такой звездой, что больше никто не осмеливается быть со мной честным. Мои издатели, мои читатели, мои критики... ну, в большинстве, — уточнила она, не вполне подавив зародыш рявканья, — все твердят мне, что моя последняя книга, то есть любая последняя, чудесна, потрясающая, наилучшая по сей день, хотя мы все знаем, что это пустышка. И даже если рецензии чуточную чуточку не так восторженны, как я привыкла, это не помешает издателям объявить ее на обложке «весьма одобренной». Говорю вам, Трабшо, в этой стране еще не выходила книга, которая не была бы «весьма одобренной». Вот увидите, скоро они примутся рекламировать «весьма одобренную» Библию и «весьма одобренную» телефонную книгу, ха-ха-ха!

Не то чтобы я, — продолжала она, внезапно включая свой «серьезный» голос, — не то чтобы я считала «Смерть. Руководство для пользователя» пустышкой, вы понимаете. Она не принадлежит к моим немногим, моим более чем немногим промашкам. Но вы правы, она чересчур умна для собственной пользы. Ее даже можно назвать «переумной»: звучит это, будто вдвое умнее умного, но на самом деле означает половину от целого.

Так что благодарю вас, Трабшо, — заключила она. — Очень вас благодарю.

— За что вы меня благодарите?

— За то, что вы так откровенны. Откровенны и интересны. Пусть вы еще сравнительный новичок в области «Ищи убийцу!», но вы уже стали подлинным теоретиком.

— Ну, вы знаете, мне не хотелось бы, чтобы вы подумали, будто я не получил от нее огромного удовольствия. Я получил, и огромное, правда, но не такое, как от ваших прошлых.

— Так мило, что вы это сказали. И, право же, вы должны называть меня Эвадной. Мы же старые товарищи и союзники. Или, еще лучше, называйте меня Эви. Отсеките лишнее, э? Вы же так и поступите, так почему не сейчас?

— Эви, — неубедительно сказал Трабшо.

— И могу ли я называть вас... ну, как вас называют ваши друзья?

Детектив пыхнул трубкой.

— Боюсь, их немного осталось. Но если вы про мое имя, так оно Юстес.

— Юстес? Боже, боже, боже, я совершенно не вижу вас Юстесом.

— Вот и я тоже, — буркнул Трабшо. — Но что поделать. Такое имя мне дали, оно значится в моей метрике, и это имя, если я слышу его у себя за спиной на улице, заставляет меня оборачиваться. Чего, откровенно говоря, теперь не случается никогда.

Эвадна Маунт отвела несколько секунд на его созерцание.

— Послушайте, Юстес, — сказала она, сверившись со своими наручными часами, — у вас что-нибудь на этот вечер назначено?

— У меня? — ответил он уныло. — Я редко чем занят по вечерам.

— То есть вы в Лондоне не по какой-то особой причине?
— Я теперь живу в Лондоне. Купил половину двухквартирного дома в Голден-грин.
— Неужели? Расстались с этим коттеджем на Дартмурской пустоши?
— Продал его и переехал шесть-семь лет назад. Понимаете, мне стало совсем одиноко после смерти старины Тобермори. Вы помните моего слепого лабрадора, которого пристрелили на пустоши?

— Конечно, конечно, помню. Так значит, сегодня вы никуда не собираетесь?

— Никуда.

— Так почему бы вам не присоединиться ко мне? Э? Старых времен ради?

— Присоединиться к вам? — повторил он за ней. — Я что-то не понимаю.

Эвадна Маунт ввинтила свою внушительную фигуру в беззащитный маленький стул.

— Так уж вышло, что для меня это особый вечер. Вечером в «Хеймаркете» — в «Королевском театре» в Хеймаркете — дается большое благотворительное гала-представление в пользу «Сирот Ист-Энда». Там будет весь Лондон, — произнесла она, сознательно смакуя клише. — Бобби Хоуз, Джек и Сисели, «Вестерн бразерс», двухтонная Тесси О'Ши и не знаю кто еще, и все вносят свою лепту бесплатно. В конце-то концов, благороднее ничего не придумать. Я — одна из авторов, состряпала коротенькую штучку для поднятия занавеса, мини «Ищи убийцу!», и вы никогда не догадаетесь, кто играет Алексу Бэддели.

— Кто же?

— Еще одна ваша прежняя знакомая. Кора.

— Кора? — повторил озадаченный Трабшо.

— Кора Резерфорд. Не говорите, будто вы ее забыли.

Еще несколько секунд он напрягал мозг. Затем воспоминания так и нахлынули.

— Кора Резерфорд! Ну конечно же! Понимаю. Она тоже была гостьей в ффолкс-Мэноре, ведь так?

— Верно.

— Значит, вы по-прежнему неразлучны?

— Ну, нет... Честно говоря, я почти не виделась с Корой, пока этот спектакль не свел нас снова вместе. Ну, мы иногда устраивали треп в трубку, но вот сверить часы нам как-то все не удавалось. Когда я свободна, она занята, когда она свободна, занята я. Впрочем, вы же знаете присловье: наши лучшие друзья не те, кого мы видим чаще всего, а те, кого мы знаем дольше. В том, что действительно важно, мы все еще товарищи грудь в грудь.

— Угу, — протянул Трабшо, на чей вкус выбор слов романистки был слишком уж ярко плотским. Он задумчиво повторил имя и фамилию: — Кора Резерфорд... Правда, — продолжал он, — я никогда не был любителем фильмов, даже когда Энни была жива. Мы ходили на них вместе, так как ей они нравились, пусть мне и нет. Не могу сказать, что я много слышал о ней в последнее время. Про Кору Резерфорд, имею я в виду. Она не ушла на покой?

— О нет, — сказала Эвадна Маунт. — Кора все еще упорно держится на плаву. Собственно говоря, она позвонила мне на днях, что заполучила роль в совершенно новом фильме. Впрочем, между нами говоря, она воображает себя своего рода отшельницей, которую иногда видят порхающей на Бонд-стрит, будто какой-нибудь экземпляр редчайшего вида экзотических пернатых, — редко наблюдаемая кинозвезда! — Романистка снисходительно посмеялась эксцентричности своей подруги. — Все это довольно нелепо, знаете ли, так как, насколько я слышала, она все так же бывает повсюду. Но если это помогает Коре стареть безболезненно, воображая себя английской Гарбо, кто я такая, чтобы испортить ей это развлечение?

— И вы сказали, что она играет в гала-представлении?

— Она играет Алексу Бэддели в открывающем программу скетче вашей покорной слуги. После чего будут пение, танцы, немножко смеха, немножко слез и эффектейший финал. Так почему бы вам не пойти как моему гостю?

Трабшо почти согласился. Было очевидно, что последнее время его существование не скрашивали пение, танцы или комичные репризы. Однако он оставался осмотрительным и сдержанным, как положено блюстителю закона, и ему требовалось взвесить все «про» и «контра» для пересмотра своих планов, а особенно непосредственных планов, прежде чем ответить «да» или «нет». Короче говоря, он определенно хотел пойти в театр, но, кроме того, был исполнен

решимости удостовериться заранее, нет ли какой-либо вероятности, что после он об этом пожалеет.

— Вопрос в том, — наконец сказал он, почесывая подбородок, который ничуть не зудел, — остались ли в кассе билеты? Судя по вашим словам, это ведь очень знаменательное событие.

— Ни единого билета не достать ни за деньги, ни за красивые глаза. Они были распроданы давным-давно, несмотря на цены, которые за них заломили. Пять гиней место в партере, можете себе представить? Но не беспокойтесь, у меня есть парочка контрамарок, так что все в ажуре.

Теперь Трабшо покосился вниз на свой костюм и галстук. Абсолютно респектабельные костюм и галстук — костюм серый из шерстяной ткани, галстук — одного из реже посещаемых лондонских джентльменских клубов. Но даже он, не *habitué*³[3] Театроландии, понимал, что вряд ли кто-нибудь среди предполагаемой изысканнейшей публики, членом которой он покушался стать, поинтересуется узнать фамилию его портного.

Романистка поняла, что нагнало серую тучку на его невозмутимое лицо.

— Вы выглядите прекрасно, абсолютно прекрасно! — сказала она громко и ободряюще. — К тому же поглядите-ка на меня, э, а потом скажите, что будете чувствовать себя там не в своей тарелке.

И правда. Она была одета, как, припомнилось ему, и десять лет назад, в бесформенный костюм из твида, который выпячивался в некоторых местах, где выпячивалась она сама; но, кроме того, кое-где он выпячивался и по собственной инициативе. К тому же на скатерти — помятая всеми способами, какими только может быть помята шляпа, и сверх того, — лежала морская синяя треуголка, которая давно уже была ее фирменным знаком в лондонских литературных кругах. Да, Эвадна Маунт действительно не изменилась.

— Ну так, Юстес, — сказала она, — пошли? Начало в половине восьмого, иными словами без четверти восемь, так что у нас в распоряжении на дорогу всего двадцать минут.

Трабшо согласился. Он также настоял на оплате не только своей чашки чая, но и заказа своей спутницы, который, как оказалось, включал не один розовый джин, а два, причем по цене, какой Трабшо не предвидел.

Ничего, подумал он про себя, ссылая на столик горсть серебра, а его спутница одним неуклюжим движением небрежно разом смахнула стопку зеленых «Пингвинов» в свою вместительную сумку. Вокруг Эвадны Маунт все кипело. Она уже веселыми подбадриваниями покончила с его одиночеством и полуизлечила его от того, что он в редкие минуты интроспекции, а то даже и в поэтические моменты, называл своей «духовной подагрой», и вот, забыв уныние, он вскоре присоединится к элите и будет присутствовать на великолепном гала-представлении. Вполне стоит двенадцати шиллингов и шести пенсов.

— Кстати, — сказал он, выходя с ней из «Ритца», дверь которого распахнул перед ними служитель в ослепительной ливрее, а затем с безупречной корректностью выпроводил их на тротуар, — как называется представление, которое нам предстоит увидеть?

Изо всех сил нахлобучив треуголку на голову, романистка нанесла злобный удар ребром ладони между передним и задним треугольниками.

— «Сбереги для меня последний чемодан», — ответила она. — Да, я знаю, название дурацкое, ведь, боюсь, и представление будет дурацким. За исключением, — добавила она, — моего маленького скетча. Он, заверяю вас, смертельно серьезен.

И в густеющем сумраке пятничного вечера начала апреля под эти загадочные слова они направились к ближайшей остановке автобуса.

³ завсегдатай (фр.).

Глава вторая

Лоснящийся красный омнибус, который провез их по полной длине Пиккадилли и в открытом верхнем салоне которого они величаво примостились, будто на каком-нибудь слоне какого-нибудь махараджи, пятнадцать минут спустя доставил их в дальний конец Хеймаркета, всего лишь в нескольких ярдах от «Королевского театра».

Хеймаркет, увы, был лишь тенью себя довоенного. Его пешеходы выглядели в большинстве обтрепанными, его малолетние, малокровные нищие глядели по сторонам запавшими глазами. Даже тусклые уличные фонари только усиливали преобладающий полумрак. Однако сам театр с портиком из шести белых колонн, много выше, чем проходящие между ними зрители, сохранил значительную часть своего уже потускневшего величия. И он не был просто театром. Будто в дружном протесте против всей тускло-серой послевоенности сливки театрального, кинематографического, политического, журналистского мира избранных решили наглядно продемонстрировать, что и под гнетом последствий Войны, как и во время ее самой, Лондон Выходит!

Меха были извлечены из подвалов, ожерелья из сейфов, а смокинги из нафталина, и надеты столь же вызывающе, как не так уж давно — противогазы и камуфляжная форма. Правда, кое-какие меха выглядели заметно облезлыми, порядочное число жемчужин родилось, так сказать, вне брака, а многие вечерние платья и смокинги состарились вместе со своими владельцами, и все-таки зрелище было великолепное. Для толпы зевак, разевавших рты на «роллс-ройсы» и «бентли», элегантно скользящие по Хеймаркету, зрелище по-своему было таким же ослепительным, как и то, ради которого сюда и съезжалась эта разодетая публика.

Даже Трабшо, скромно продираясь через *hoi palloi*⁴, поддался, когда он и его спутница вошли в фойе, легкому ошеломлению.

Да, он был одним из лучших людей Ярда и в свое время в расцвете сил имел дело с самыми именитыми и влиятельными фигурами страны. Тем не менее родился он сыном резчика в Тутинге и медленно выцарапывал себе повышения. Факт — к его чести, и куда большей, чем если бы он получил доступ в высшие эшелоны полиции благодаря каким-либо августейшим семейным связям. Однако это подразумевало, что ему так до конца и не удалось сбросить кожу своего скромного происхождения. Короче говоря, он знал все необходимые нити, но так никогда и не избавился от страха запутаться в них. Он неизменно испытывал этот страх и неизменно ненавидел себя за него, за нюанс почтительности при встречах с великими и безупречными, даже когда, как порой случалось, он бывал вынужден предупредить их, что все ими сказанное может быть использовано в обвинении против них. И вот он тут якшается с герцогинями, министрами и дипломатами, с актрисами и драматургами.

На ступенях театра он даже увидел знакомого. Бывшего кабинетного министра, и уже собрался сдернуть перед ним шляпу, но вовремя вспомнил, что знакомство их возникло по тому поводу, что в десятых годах века он сумел вырвать из лап агентов некой центральноевропейской державы единственный экземпляр прототипа X-27, использование которого, попади он в распоряжение указанной державы, без сомнения продлило бы Великую Войну на несколько месяцев, если не лет. А затем сообразил, что, если посмотреть этим фактам прямо в глаза, то министр в долгу у него, а не наоборот, и просто ответил на осторожный кивок таким же кивком и присоединился к Эвадне Маунт.

— А, вот и вы! — говорила она, помахивая тому, сему, этому в публике без особого разбора, и Трабшо заметил, что некоторые из помахиваемых уставлялись на нее с недоумевающим выражением «разве я знаком с этой женщиной?» на лице.

— Вот ваш билет. Почему бы вам не занять свое место?

— Да, но... — отозвался Трабшо в тревоге, — куда вы идете?

— Не беспокойтесь, через секундочку я буду с вами. Просто хочу сказать Коре, чтоб она сломала ногу.

— Вы хотите, чтобы...

⁴ народные массы (*греч.*).

— Театральное аргю, мой милый, — ответила романистка. — Я хочу пожелать ей удачи на вечер. Так что будьте паинькой и займите свое место.

Не дав ему выразить дальнейшие протесты, отчаянно вцепившись в свою треуголку, она кинулась в направлении, противоположном болтливой, ржущей толпе. А подавивший вздох Трабшо был увлечен вперед напиральной массой привилегированной публики и очутился в зрительном зале.

Он прошел по проходу, разминая в пальцах свою тартановую кепку для гольфа. И только когда добрался до самого последнего, а точнее, до самого первого ряда партера и сверился с билетом, он наконец узнал, что ему и Эвадне Маунт отвели места сразу под сценой, места, на которых они будут видны остальным зрителям практически не меньше, чем сами актеры. Хотя он никогда не был заядлым театралом, однако кое-какие спектакли в своей жизни видел, но чтобы вот так, из самого переднего ряда? Это было впервые.

Он снял пальто и, сев, аккуратно сложил его на коленях, затем раскрыл великолепную, с серебряным тиснением программку, которую при входе в театр вручил ему капельдинер. Под первым номером, сразу увидел он, значилось «Раз, два, убийство, три» с Корой Резерфорд в звездной роли Алексы Бэддели, и с подзаголовком «Смертоносный кальмар» Эвадны Маунт. Пробежав глазами фамилии остальных исполнителей (ни одна ему ничего не сказала), он обвел зал последним долгим взглядом в ожидании, когда сама Эвадна займет свое место. Оставались секунды до поднятия занавеса, и тут она появилась, к общему развлечению рыся по проходу, когда все уже сели. Как заметил Трабшо, она опять посылала поцелуи направо-налево всяким знакомым, многие из которых, по всей вероятности, настоящими знакомыми не были, поскольку она ни разу ни с кем не обменялась и словечком. Точнее, она с таким драматическим эффектом появилась в затихшем, почти уже смолкшем зале, что будто бы нарочно старалась завладеть общим вниманием.

Наконец она плюхнулась рядом с Трабшо.

— Я уж думал, вы меня покинули, — сказал он.

— Всяческие извинения. Боюсь, меня задержали дольше, чем я полагала. Я только что услышала сквернейшую новость. То есть сквернейшую для Кору.

— Глубоко сожалею, — пробормотал Трабшо почти про себя. — И всего за минуты до выхода на сцену. Полагаю, для актрис и актеров это самый страшный кошмар.

— Так и есть. Но сама она еще не знает, а я не стала ей говорить. Можно отложить до конца представления.

— Надеюсь, не смерть в семье?

— Нет. Аластер Фарджион.

— Аластер Фарджион?

— Великий кинорежиссер. Видимо...

Прежде чем она успела пояснить, люстры померкли, так что новость была отложена и для Трабшо.

Когда секунды через две занавес поднялся, старший инспектор практически ничего перед собой не увидел, так как сцена была погружена почти в такой же мрак, как и зал. Что-то вроде намека, но всего лишь намека, на книжные полки до потолка, на огромный нетопящийся камин, два глубоких кожаных кресла и на самом краю слева — закрытая дверь, узкое лезвие света из-под которой и обеспечивало возможность хоть что-то видеть. Затем Трабшо пришел к предположительному выводу, что дверь скрывает вечеринку или что-нибудь похожее. Из комнаты, якобы примыкавшей к погруженной в сумрак все еще пустующей сцене, доносилось много веселых, пищеварительно-повышенных голосов, слышалась синкопированная негритянская музыка и то и дело — взрывчатый взлет пробки из бутылки с шампанским.

— Декораций почти не видно, а? — шепнул он Эвадне Маунт. — Не следует ли вам подправить это?

— Ш-ш-ш-ш! — ответила она шепотом втрое более громким, чем его, не отрывая глаз от сцены.

Затем наконец что-то произошло. Закрытая дверь чуточку приоткрылась, заставив музыку уже децибельно высокого уровня зазвучать еще громче с такой внезапностью, будто играл граммофон. И в тот же момент молодой человек в смокинге прокрался на цыпочках в комнату, а

за ним даже еще более молодая женщина в белом атласном платье. Бесшумно закрыв за собой дверь, повернувшись лицом к женщине, он поднес указательный палец к своим усам а-ля Рональд Колман.

Несколько секунд они простояли рядом на неосвещенной сцене: ни он, ни она не произнесли ни слова, и он, и она напряженно вслушивались в приглушенный шум, доносящийся из соседней комнаты. Затем, когда стало ясно, что их исчезновение осталось пока незамеченным, молодой человек включил свет.

Разом, едва черты их лиц стали видимыми, по залу пронесся громовый залп аплодисментов в диапазоне от энергично благопристойных (в партере) до прямо-таки оглушительного граяня с галерки. Хотя старший инспектор не узнал ни одно, ни другое лицо, не говоря уж о том, чтобы подобрать к ним имена, по этим лицам он заключил, что эти звезды — какими он их счел — буквально изнемогали от желания пренебречь ролью, повернуться лицом к равной им публике и с благодарностью принять эту дань преклонения.

Тем не менее они устояли и вместо того упали в объятия друг друга.

Затем, когда она отлепила губы от губ возлюбленного, молодая женщина вскричала:

— Ах, Гарри! Каким ужасным был этот вечер! Еще минута, и я не вынесла бы!

— Я знаю, я знаю, — утешающе сказал он. И ударил правым кулаком по ладони своей левой руки. — Он скотина, свинья! То, как он высмеивал тебя перед всеми! Я еле удержался, чтобы не убить его.

— Что нам делать?

— Я скажу тебе, что мы сделаем. Мы убежим вместе.

— Убежим? — повторила она с трепетом. — Но... но когда?

— Сегодня вечером. Сейчас.

— Боже мой! Куда?

— Куда угодно. Куда нам заблагорассудится. Я богат, Дебо, очень богат. Я могу дать тебе все, чего ты ни пожелаешь. Виллу на Средиземном море, яхту, целую конюшню пони для игры в поло.

— Ну-у, Гарри, — первый намек на полуулыбку заиграл на ее губах, — что я буду делать с целой конюшней пони для игры в поло?

— Дебо, любимая, как ты наивна! Как восхитительно наивна! С пони для игры в поло ничего не делают, их просто имеют. И дело с концом.

— Чхать я хочу на богатство. Я лишь хочу быть с тобой так далеко от этого зверя, как только можно.

И тут — но требовалось напряженнейшее внимание, с такой украдкой, почти с невидимостью это происходило — дверь на сцене позади них вновь приотворилась. Пять пальцев мужской руки один за другим проползли через косяк, начали нащупывать выключатель и, найдя его, погасили свет. Прежде чем двое персонажей на сцене успели прореагировать на этот новый оборот событий, прогрохотал парализующий нервы выстрел. Дверь была тут же захлопнута, женщина по имени Дебо закричала, зрители испустили громкое коллективное «ах!», а молодой человек, вернее смутно освещенный его силуэт, рухнул бесформенной грудой на ковер.

И весь ад вырвался на волю. Негритянская музыка за сценой внезапно оборвалась — можно было поклясться, что вы услышали, как царапнула по пластинке поднимаемая игла, — дверь библиотеки вновь отворилась, отворилась на этот раз широко, свет был вновь включен, и в дверь втиснулись с лицами блее манишек, с сигаретами, сигарами и бокалами коктейлей в трясущихся руках человек шесть потрясенных ужасом гостей — один из них, заметил Трабшо, при всех регалиях шотландского горца, начиная с юбочки.

А рядом с этим, тоже заметил он, оказалась Кора Резерфорд. Квинтэссенция шика в длинном черном вечернем платье и в перчатках того же цвета по локоть, она, казалось, ни на йоту не отличалась от той женщины, которую он повстречал и даже допрашивал столько лет назад в ффолкс-Мэноре. Немедленно взяв ситуацию в свои руки, она величаво прошествовала по сцене, наклонилась над телом жертвы, точно так же (припомнилось Трабшо), как сам он наклонялся на протяжении своей карьеры, прижала ухо к его груди — предварительно откинув серьгу с грушевидной жемчужиной так подчеркнуто, будто она всерьез надеялась вызвать смех зрителей, пощупала его пульс и опустила оба его века, а затем оглянулась на остальных.

— Он мертв.

Объявление это вызвало еще большее замешательство. Конечно, придется вызвать полицию, а тем временем, поскольку никаких сомнений в том, что это убийство совершил кто-то из присутствующих, как им до того скоротать время в тревожном перемирии?

Теперь следует сказать, что даже в тех «Ищи убийцу!» Эвадны Маунт, которые он находил наиболее удовлетворительными, Трабшо не слишком жаловал обязательную, но, если честно сказать, занудноватую соединительную ткань; и тут тоже после такого напряженнейшего зачина его мысли начали блуждать. И потому он оторвал свой взгляд от сцены и обратил его на романистку, которая с самого начала скетча была целиком поглощена снованиями туда-сюда ее собственных творений.

Однако, наблюдая за ней уголком глаза, он увидел, как внезапно ее черты исказила судорога растерянности, шока, почти ужаса.

Мгновение спустя она до боли стиснула его запястье и почти простонала:

— Ах, нет... Нет...

— Что такое? — спросил Трабшо.

— Поглядите! — закричала она, видимо, забыв, что находится в театре. — Кровь! Это неправильно! Все неправильно! Никакой крови быть не должно!

Хотя некоторые зашипели на эту глупую тараторку, у которой, полагали они, достало наглости нарушить спектакль своей полоумной болтовней, другие, узнавшие Эвадну Маунт, авторшу скетча, и уже оказавшиеся под воздействием зловещего подтекста ее слов, начали вслух взвешивать, а не может ли это и в самом деле быть...

Исполнители на подмостках в полной растерянности, видимо, не знали, что делать теперь. Следует ли им и дальше произносить реплики, как они написаны? Или им следует учесть эти нелепые, однако и пугающие выкрики женщины, реплики эти написавшей?

Решение определило за них последовавшее осознание по обеим сторонам рампы, что от «мертвого тела» персонажа, который только что был убит, действительно ползет струйка крови и уже начинает капать в оркестровую яму прямо перед креслом, занятым — вот именно! — Эвадной Маунт.

И она не выдержала. Без единого слова своему соседу, она вскочила на ноги, поспешно вскарабкалась по десятку ступенек, ведущих на подмостки, и на глазах всей труппы, окаменевших зрителей и Трабшо, настолько выбитого из колеи, что он был не в силах предпринять какое-нибудь разумное действие, она выскочила на сцену.

Как прежде Кора Резерфорд, она наклонилась над телом. Напрягшись, бережно перевернула молодого актера лицом вверх. Зрители снова ахнули, только теперь аханье было совсем иного типа — аханьем больше уже не театральных зрителей во время представления, но зевак, толпящихся у места катастрофы.

Кровь теперь свободно сочилась сквозь белоснежную манишку актера, образуя непрерывно расширяющееся круглое пятно, больше всего напоминавшее государственный флаг Японии.

Эвадна Маунт мрачно поглядела на этот раз прямо на зрителей, а не на членов труппы.

— О Господи, леди и джентльмены, это настоящая кровь. Выстрел... выстрел не был холостым.

Услышав эти жуткие слова, кто-то из актеров, лет шестидесяти, с серебрившимися висками, которому, видимо, была поручена роль офицера в отставке — на что намекали щедро омедаленные и оленоточные лацканы его смокинга, заметная хромота, с какой он вышел на сцену, и отнюдь не в последнюю очередь монокль на красной ленте, обвивавшей его шею, — немедленно шагнул вперед (без хромоты) и, вызвав еще одно аханье, поднял вверх предмет, в котором Трабшо узнал немецкий армейский пистолет люгер.

— Я... я получил его от бутафора, — запинаясь, сказал он. — Я даже не заглядывал ему внутрь. С какой стати? Естественно, я полагал, что все было...

Он еще не договорил, а другие члены труппы все начали тихонько отодвигаться от него, собираясь тесной кучкой в другом конце сцены.

— Ну, послушайте же. Не можете же вы всерьез подозревать меня в... Да послушайте же, у меня нет ни малейшей причины убивать Эмлина. Не таким образом. Не на глазах всего театра. Нет-нет-нет-нет, я не то хотел сказать. У меня так или иначе не было причины — никакой! Но будь у меня причина... я говорю чисто предположительно, будь у меня причина, которой, повторяю, у меня не было... уж конечно, я бы не...

Его голос постепенно стихал, переходя в бессвязное бормотание. Зрители сидели так, будто все разом превратились в камень. Они были до того загипнотизированы необычайностями, произошедшими на сцене, что никому из них не пришло в голову предложить, чтобы полиция, настоящая полиция, была бы вызвана немедленно.

Однако в зале находился настоящий полицейский, настоящий бывший полицейский. Трабшо наконец опомнился и сообразил, что единственный из всех в «Королевском театре» обладает квалификацией, которая позволит с этого момента обеспечить соблюдение надлежащих мер. Он вскочил со своего кресла.

И как раз вознамеривался последовать за Эвадной Маунт на подмостки по той же узкой лестничке, когда она сама поглядела на него через недвижимое тело, над которым все еще нагибалась, и к полному его ошеломлению подмигнула ему.

Подмигнула ему? Подмигнула ему??? Неужели это... Но конечно же, нет? Конечно, то, что произошло не было просто...

И тут до него, как и до всего зала, дошло.

Уже в фокусе сцены романистка Эвадна Маунт и ее самый знаменитый персонаж Алекса Бэддели, в роли первой она сама, в роли второй актриса, ее, как было хорошо известно, старейшая подруга, затеяли перепалку (совершенно, вспомнил Трабшо, как они затевали их в ффолкс-Мэноре), кому принадлежит первое право расследовать смерть молодой звезды. Каждый выпад, каждая реплика в сторону, каждый укол, каждое уязвление встречались взрывами хохота, а другие члены труппы, все знаменитости, хотя и не для Трабшо, также принялись оскорблять друг друга закодированными намеками на личную жизнь и любви, на профессиональный успех и даже с еще большим злорадным упоением на профессиональные провалы.

— Я не курю, я не пью, я не танцую, — гордо заявлял в иллюстрированных журналах актер, который в реальной жизни дурно прославился, восхваляя каждую из этих своих ханжески аскетических добродетелей.

— Провалиться мне, О’Рейли, — парировала Эвадна Маунт, которая в свойственном ей духе отвела себе наилучшие из ею написанных реплик, — и как это вы выкраиваете время делать все то, чего никогда не делаете?

Или, когда несколько минут спустя, Кора Резерфорд, наполовину сама, наполовину Алекса Бэддели, получила вопрос о ее мнении об инженеру — сюсюкающей рыжей с нестерпимыми веснушками, — она злоехидно ответила:

— Дорогая моя, надеюсь, нынешний вечер окажется ее прощальным дебютом.

Зрители, надо ли об этом упоминать, упивались всеми этими грубостями и непристойностями, всей этой пикировкой, и злоехидством, и ударами ножей в спины. Как, впрочем, и Трабшо, едва он про себя решил забыть, что такой безответственный трюк, разыгранный в битком набитом театре, никак не следовало бы поощрять смехом или оправдывать аплодисментами.

Что за странное дело, думал он, этот развлекательный бизнес. Театр, например. Если люди идут смотреть пьесу, то, конечно же, потому, что им доставляет удовольствие оказаться во власти театральных иллюзий.

Тем не менее, если есть что-то, что доставляет им удовольствие даже большее, чем иллюзия, так это наблюдать нежданное разрушение той же самой иллюзии.

Всегда кажется, что наиболее горячие аплодисменты приберегаются для актера, которому пришлось взять роль в последнюю минуту, и он вынужден выходить на сцену с ее записью в руке, или для актрисы настолько дряхлой, что она путает свои реплики, или для идола публики, про которого известно, что он отбыл срок за покупку бензина на черном рынке, или для хористочки в музыкальной комедии, чей муж протащил ее вместе с ее смуглым массажистом и по совместительству любовником через все перипетии бракоразводного процесса. Как не мог не знать Трабшо, учитывая, сколь часто она сообщала ему это за время их краткого прежнего знакомства, пьесы Эвадны Маунт все шли в Вест-Энде рекордно долго. Однако он был готов побиться на свои последние десять шиллингов, что ни одна из них не получала такого восторженного приема, как этот тривиальный скетч, самая идея которого сводилась к тому, чтобы высмеять все бородатые приемы и трюки, которые заворожали бы этих же самых зрителей, пока они смотрели бы одно из ее более серьезных творений.

И у него мелькнула мысль, что, знай зрители то, что знал он, — что ведущей актрисе, едва занавес опустится, суждено узнать какую-то пока еще ей не известную тяжкую новость, они возликовали бы даже еще больше.

В любом случае после продолжения действия, которое не было ни слишком длинным, ни слишком коротким, но в самый раз, как миска с овсянкой медвежонка, скетч достиг своего триумфального завершения. «Убитый» внезапно вскочил на ноги и, повернувшись к залу, позволил своей манишке задраться на его груди столь же потешно, как у циркового клоуна. Под ней на рубашке были написаны три слова «С ПЕРВЫМ АПРЕЛЯ».

— Куда угодно, — объявила Кора, — но только не в «Плющ».

Было чуть больше половины одиннадцатого, когда они втроем остановились на ступенях «Королевского театра», чтобы обсудить, где поужинать вместе.

— Но, Кора, — заспорила Эвадна, — ты же обожаешь «Плющ».

— Прежде, дорогуша, прежде, — протянула Кора, стягивая на шее светлое боа. — Ты, кажется, забыла, что я покинула этот фривольный мир. Бедной одинокой малютке Коре хватит объятий и проклятий, и перепрыгивания из-за одного столика за другой.

— Чуть! Я видела тебя там всего на прошлой неделе.

— А, да, — ответила актриса оборонительно, — но ведь я обедала с Ноэлем. Я хочу сказать, Ноэль...

— Ну, хорошо, держись за свои глупости. Но суть в том, что сейчас холодно, а время позднее. Мы ужинаем или нет? А если да, то где?

— Как насчет «Кит-Кэт»?

Кора обернулась к Трабшо, который до этих пор воздерживался от участия в дискуссии, и не только из-за незнакомства с модными ресторанами столицы, но также и потому, что, по его убеждению, любое его мнение обе его внушительные будущие сотрапезницы пропустили бы мимо ушей.

— Вы его знаете? — осведомилась Кора. — В Челси, на Кингз-роуд. Поначалу это был «Кафка-клуб». Затем он стал «Кандинский-клуб». Теперь это «Кит-Кэт-клуб». Одно из заведений, которые переименовываются сотни раз, но всегда остаются в моде.

Ответ Эвадны Маунт был коротким и исчерпывающим.

— Я абсолютно отказываюсь ехать в «Кит-Кэт», — сказала она. — Еда на вес золота и такого же вкуса. Но вот что, — сменила она галс, — если тебе хочется чего-то вдали от избитых путей, то я знаю простой чудесный китайский ресторанчик в Лайм-хаусе. Поломка столиков не исключена, а вот перепрыгивание — полностью. Что скажете вы, Юстес?

Старший инспектор замялся.

— В чем дело? Или вы боитесь, как бывший фараон, быть застигнутым в притоне всех грехов? Право, вам нечего опасаться. Откровенно говоря, ничего более респектабельного и представить себе невозможно.

— Нет-нет, дело не в этом.

— Так в чем же?

— Видите ли, — объяснил он, — я однажды попробовал китайскую кухню. Когда мы с женой уехали провести воскресенье в Дьеппе. Я просто не сумел совладать с этими... как они там называются?

— Вы имеете в виду палочки для еды? Чопстики?

— Да-да, именно. Чопстики. Никак не мог с ними управиться. Такое было ощущение, будто я ем на ходулях, знаете ли.

— Ну конечно, Трабберс не хочет есть китайскую дрянь в Ист-Энде! — сказала Кора Резерфорд. С жалобным вздохом она еще глубже погрузилась в свое боа. — Вижу, я, как всегда, должна принести в жертву себя. Ну, что же, раз это должен быть «Плющ», пусть будет «Плющ». Allons y, les enfants!⁵

⁵ Вперед, ребятки! (фр.) — перефразированное начало «Марсельезы»: «Вперед, отечества сыны!» — Примеч. пер.

Глава третья

— Умру без сигаретки!

Короткую поездку на такси спустя, их уже уютно водворили за один из самых желанных столиков «Плюща». Дамы заказали парочку экзотических коктейлей, Трабшо одобрительно принял в круг своих знакомых виски с содовой, а нарождающийся разговор дожидался только, чтобы Кора закурила свою сигарету.

Это было настоящее представление. Для актрисы сигарета была шестым пальцем. Один раз она даже томно информировала впечатлительную хроникершу «Воскресного подсолнуха», что она не способна созерцать микеланджелово изображение Бога, вдыхающего жизнь в Адама, не усматривая тут аллегории — аллегории, милочка! — бессмертного жеста курильщика, предлагающего огонек зажигалки другому курильщику. Хроникерша была подобающе поражена, как, предположительно, и ее читатели.

Теперь сигарета была извлечена из платинового портсигара, вставлена в смоляно-черный мундштук из черного дерева, зажжена, блаженная затяжка сделана, и Кора Резерфорд была готова вернуться в мир живых.

Она повернулась к Трабшо.

— Так мило, не правда ли? — сказала она. — После стольких лет! Настолько более gemütlich⁶, чем в прошлый раз. По-моему, мы все предпочитаем обманное убийство подлинному — за исключением Эви, разумеется. Ну, а теперь вопрос, который, собственно, я могу и не задавать вам, я ведь видела, ясно видела вас в первом ряду, но все равно задам: как вам понравилось представление?

— Я не смеялся так с тех пор... честно говоря, я даже не могу вспомнить, когда я вообще столько смеялся бы. И зрелище того, как вы двое препираетесь на сцене, бесспорно, пробудило кое-какие воспоминания. Будь на мне шляпа, я бы немедленно снял ее перед вами двумя. — Он замялся, прежде чем продолжить ход своих мыслей. — Даже если...

— Даже если что?

— Ну, — сказал он, — даже если мне и показалось, что вы чуточку перегнули палку. Устроить такой розыгрыш в переполненном театре, знаете ли, это равносильно тому, чтобы закричать: «Пожар!» Произойди худшее, вы устроили бы смертоубийственную давку. Все это было настолько правдоподобно, во всяком случае в первые минуты, что я не удивился бы, если бы чересчур впечатлительные зрители поверили, будто действительно за кулисами прячется настоящий убийца. Не думаю, что вы побеспокоились взять разрешение, верно?

— Ну, разумеется, нет, — фыркнула романистка. — Воображаете, через какую волокиту нам пришлось бы волочиться? Это же было во имя Доброго Дела, не забывайте. К тому же публика была свехискушенной. Даже если бы на сцене и произошло настоящее убийство, заверяю вас, они ограничились бы вежливыми аплодисментами. Разве вам показалось, будто они были способны кинуться в панике к дверям?

— Не-е-ет, — сказал Трабшо. — Но ведь я же сидел в самом первом ряду и не видел, как они реагируют. В любом случае, — добавил он умиротворяющим тоном, — ничего плохого не случилось. Смешно было до колик. И, как вы сказали, это правда было во имя Доброго Дела. И в конце-то концов, я всего лишь бывший полицейский и не мог бы принять официальные меры, даже если бы захотел.

Следующие несколько минут ушли на изучение меню. Когда выбор был сделан и заказ принят, наконец настало время для дурных новостей, о которых Эвадна Маунт уже предупредила старшего инспектора.

— Знаешь, Кора... — начала она нерешительно.

Кора немедленно заметила перемену в голосе подруги.

— Да? Что такое?

⁶ душевно, уютно (нем.)

— Ну... до меня дошли новости — нехорошие новости — буквально за пять минут до поднятия занавеса. Ты простишь меня, знаю, но я почувствовала, что их следует скрыть, пока ты не отыграешь.

— Хорошо, — сказала Кора резко, — я отыграла. Выкладывай.

— Фарджион...

— Ну?

— Боюсь, он... — она искала, как смягчить удар, — боюсь, он присоединился к Великому Большинству.

— Что! — вскричала Кора. — Ты говоришь, что он уехал в Голливуд?

Эвадна заерзала в пароксизме смущения.

— Нет-нет, милая. Попытайся сосредоточиться. Я говорю, — она трагично нахмурилась, — я говорю, что он умер.

— Умер?! Аластер Фарджион?

— Да, боюсь, что так. Режиссер услышал это известие по радио и сообщил мне, как я сказала, ровно за пять минут до твоего выхода на сцену.

И снова, будто замешкавшееся эхо:

— Умер! — Ужас и недоверие боролись за превосходство на пепельном лице Кору. — Боже мой! Фарджион умер! Сердечный припадок, я полагаю?

— Нет. Я понимаю, почему ты так подумала. Собственно говоря, однако, это не был сердечный припадок. А нечто куда, куда более худшее.

Возникла краткая пауза, потому что обе промолчали.

— Ну? — наконец, сказала Кора.

— Ну...

— Да говори же, Эви, Христа ради! Затягивая, ты делаешь это только в тысячу раз хуже.

— Ну, как тебе известно, я уверена, тебе известно, у Фарджиона была вилла вблизи Кукхема... ты же это знала, правда? Я слышала, это был последний крик элегантной жизни. Он постоянно собирал там гостей на воскресенья... Ты бывала приглашена?

— Да-да, — нетерпеливо кивнула Кора.

— Ну, видимо, на этой его вилле вспыхнул жуткий пожар, и он погиб в нем.

— Господи, какой ужас! Он был один, ты не знаешь?

— Понятия не имею. Мне известны только основные факты. И никаких подробностей. Произошло это сегодня днем, почти к вечеру.

Трабшо вмешался в первый раз:

— Прошу прощения, что перебиваю. Это, очевидно, был тяжелейший удар для вас обеих. Но вы позволите мне спросить, о ком, собственно, вы говорите?

Кора уставилась на него.

— Не хотите же вы сказать, что не знаете, кто такой Аластер Фарджион?

— Ну, вообще-то, да.

— Кора, деточка, — мягко вмешалась романистка, прежде чем ее подруга успела излить свое изумление перед таким невежеством полицейского, как она, несомненно, намеревалась. — Ты забываешь, что горизонты не всех ограничены Уордур-стрит с одной стороны и Шафтсбери-авеню с другой. Вы все, занятые в шоу-бизнесе, часто забываете, как далек этот мир от большинства людей, занятых обычными будничными делами.

— Простите, простите. Ты, как всегда, права, дорогая, — с раскаянием ответила Кора. Она вновь повернулась к Трабшо. — *Mea culpa*⁷, мой дорогой. Меня просто до того удивило, что вы никогда не слышали о Фарджи... то есть Фарджионе. Мне казалось, его фамилию знают все, потому что он самый... был самым, — поправилась она, — самым блистательным творческим артистом в нашей британской кинопромышленности.

— Я не часто хожу в кино, — виновато сказал старший инспектор. — Этот Фарджион, он был, как вы их называете, кинопродюсером? Так?

— Нет, он был кино режиссером, и, прошу вас... — тут она подняла ладонь правой руки перед его лицом, чтобы помешать ему, как она догадывалась, следующему вопросу (он помнил этот жест

⁷ Моя вина (лат.)

раньше, но, поскольку в тот раз ладонь принадлежала Эвадне Маунт, актриса, видимо, заимствовала его у романистки или, возможно, наоборот), — прошу вас, не спрашивайте меня, в чем разница между продюсером и режиссером. Если бы я получала по серебряной гинее за каждый раз, когда мне задавали этот вопрос, я могла бы сразу уйти на заслуженный покой. Просто положитесь на мое слово, милоч, разница между ними есть.

— А теперь он умер, и такая трагичная смерть к тому же, — сказал Трабшо. — Искренне сочувствую. Он был вашим близким другом, насколько я понял?

— Близким другом? — выплюнула Кора. — Близким другом?? Это надо же!

— Прошу прощения?

— Да я терпеть не могла Аластера Фарджиона. И никто не мог.

Старший инспектор полностью ошалел. Ему была известна незапамятная репутация театрального люда, как безответственных, переменчивых существ, капризных до беспредела. Но это уже была полная нелепость.

— Значит, я чего-то все-таки недопонимаю, — сказал он. — У меня сложилось впечатление, будто его смерть вас сразила.

— О, так и есть. Но, понимаете, по чисто профессиональным причинам. Его самого я не выносила. Он был вшивой паучьей свиньей, если мне будет дозволено смешать мои зоологические уподобления, чванным, надутым поросенком, наглецом с нижестоящими и льстецом со стоящими выше. К тому же, вы не поверите, он имел сверхбесстыдство лстыть себя мыслью, будто он — дар Божий для любой женщины, — добавила она, неожиданно изобразив девичью кокетливость, которая при иных обстоятельствах выглядела бы комичной.

— Он был красавцем?

— Красавцем? Фарджи? — Кора засмеялась невеселым жестким смехом. — Фарджи, к вашему сведению, был толстым. Не просто простительно, симпатично толстым. Он был непомерно толст, чудовищно. Вот почему, когда Эвадна сообщила известие о его смерти, я сразу подумала о сердечном припадке. С ним они уже много раз случались. К тому же он был самым тщеславным, самым эгоцентричным человеком, какого мне доводилось встречать. Нарциссист до мозга костей.

— Толстый нарциссист? — сказал Трабшо. — Гм, это, должно быть, давалось непросто.

Кора теперь говорила импульсивно, почти судорожно.

— Я всегда считала, что он вообще стал кинорежиссером из чистого нарциссизма. У него был особый приемчик, уникальный приемчик, можно сказать. Во всех до единого своих фильмах, прямо в начале, еще до завязки, он вставлял несколько кадров двойника, какого-нибудь статиста, который выглядел его копией. Своего рода фирменный знак, вроде пеликана «Гиннеса», знаете ли, или уродца на банках мармелада.

— Понимаю... — сказал Трабшо, хотя, правду сказать, понял он не совсем.

— Бедняга Фарджи. Он славился тем, что безоговорочно и безнадежно влюблялся в своих ведущих актрис. Но поскольку он неизменно изнывал от страсти к того типа ледяным блондинкам, холодным и неприступным внешне, жгуче горячим внутри, которые уж никак не могли изнывать от страсти к нему, то был вынужден ухаживать за ними посреднически, через разных обаятельных молодых актеров, подбирая им их в партнеры в своих фильмах. Ну, прямо, как Сирано де Бержерак, но только у Фарджи непомерно большим было брюхо, а не нос.

Она позволила себе тень улыбки в адрес своего остроумия.

— Затем, когда он наконец собирал всю свою жиденькую смелость, чтобы перейти к действиям, то неизбежно получал отпор и принимался мстить, терзая, практически пытая ее на съемках. У него иногда бывали неприятности с некоторыми мужьями или любовниками, можете мне поверить. Помнится, его однажды серьезно вздули в вестибюле «Дорчестера».

— Так значит, он был холостяком?

— Вовсе нет. Он женат... то есть был женат, только Богу известно, сколько лет, на одной и той же женщине. Хэтти. В кинопромышленности все знают Хэтти Фарджион. Она из тех безопасных женушек, к которым мужчины без твердой почвы под ногами приковывают себя пресловутой каторжной цепью. Любопытная вещь, — продолжала она, — когда Фарджи отсутствовал, Хэтти превращалась в сущую чертовку, в визгливую стервозу, в самую что ни на есть ведьму на помеле, как говаривала моя милая старая мамочка. В повсюду сующую свой нос, всезнающую интриганку, физически, мягко выражаясь, очень-очень мягко, невзрачную и склонную топтать своими кривыми

ножонками, если ей возражали. Однако когда они бывали вместе, внезапно становилось ясно, в каком страхе он ее держит.

— И вы говорите, — осведомился Трабшо, — что сожалеете о его смерти по чисто профессиональным причинам?

— Я только что подписала контракт на роль в его новом фильме, — ответила она с горечью.

— А-а... понимаю. Главная роль, я полагаю.

— Благодарю вас, Трабберс, благодарю вас за вашу галантность, — ответила актриса. — Нет, не главная. О, хоть и маленькая, она была эффектной, с одним большим эпизодом, в котором я буквально грызу мебель, но главная? Нет. Правду сказать, нормально я бы не подумала согласиться на такую, ну, на такую *petite*⁸ рольку. И согласилась только потому, что это был Фарджи.

— Простите, — сказал Трабшо, — но я все еще не понимаю. Вы утверждаете, что не выносите этого человека. Еще вы сказали, что он славился тем, как мучил своих актрис. Вы даже употребили слово «пытать». И только что сообщили, что роль, на которую вы подписали контракт, даже не была главной. Так почему же вам так хотелось ее сыграть?

Хотя трагический взгляд, который теперь нацелила на него Кора, и сослужил ей звездную службу, как прекрасно понимал полицейский, в десятках вест-эндских мелодрам, в нем тем не менее на этот раз была заметна настоящая боль. На сцене играла актриса с подрезанными поджилками. Однако за кулисами пряталось сокрушенное человеческое существо.

— Послушайте, мой дорогой, — сказала она, — за время вашей долгой и, без сомнения, разнообразной карьеры вам приходилось иметь дело с преступниками, гнуснее которых не придумать, и все-таки против воли вас восхищали их профессиональная сноровка и наглая смелость. Я права или нет?

— Да-да, вы правы, — ответил детектив. — Да, я понимаю, к чему вы клоните.

— Именно так мы все относились к Фарджи. Он был крысой, но он был и гением, единственным, кто в английской кинопромышленности приближался к Уайлеру, Дювивье или Любичу. Для него кино было не просто полем деятельности, но вызовом, вечным вызовом. Неужели вы не видели какие-нибудь его фильмы?

— Ну-у-у, боюсь, тут вы меня поймали. Вполне возможно, что и видел. Я ведь просто ходил посмотреть фильм, как говорится, а не какой-то особый фильм. Чаще я даже не знал, что именно буду смотреть. Я шел не на «Касабланку», я шел в «Тиволи», и, если на той неделе в «Тиволи» показывали «Касабланку», то я смотрел «Касабланку». А все эти сложности, вы понимаете, с режиссерами и продюсерами, и прочими — для меня книга за семью печатями.

— Ну, я могу сказать только, что, если вы не знакомы с творчеством Фарджи, то лишили себя большого удовольствия. Например, этот замечательный его триллер «Открытие останков» об английских археологах на раскопках в Египте. «Останки» — это развалины, которые они откапывают, уже жутко умная идея, вы согласны? — но, кроме того, это останки жертвы, только что убитой, чей труп обнаруживают внутри подземной гробницы, которая оставалась непотревоженной три тысячи лет! И все это завершается великолепными кадрами внутри и вокруг Сфинкса.

Или «Идеальный преступник». Помнишь, Эви? Один из тех его фильмов, которые мы смотрели вместе? Чарльз Лафтон играет взломщика, который ну никогда не грабит свои жертвы повторяющимися способами, никогда не ублажает себя остатками ужина в кладовке, никогда не оставляет турецкую папиросу дотлевать в пепельнице. Вот потому его в конце и ловят. Потому что, как вам, Трабшо должно быть хорошо известно, не существует преступника, у которого не было бы своих замашек и идиосинкразий, которые вы, фараоны, мало-помалу начинаете узнавать и затем высматривать. И вот в фильме, когда идеальные ограбления следуют одно за другим без малейшего намека на штучки-мучки какого-либо из известных взломщиков, полиция в конце концов соображает, что совершать их мог только он.

Или «Фокус-покус», действие которого происходит исключительно в кабине битком набитого лифта в отеле, застрявшего между этажами. Действие всего фильма, учтите! И не только само

⁸ Здесь: крохотную (*фр.*)

убийство совершается в лифте, но камера ни на секунду не перестает панорамировать, шаря по этому замкнутому пространству. На такое был способен только Фарджи.

— Погодите-ка, — перебил ее Трабшо. — Так как же он, черт побери, мог втиснуть в лифт своего двойника?

— О, это было так типично для него — все часть игры, часть вызова, придумывание введения себя в собственные фильмы. Видите ли, среди застрявших в лифте постояльцев отеля имеется коварная вамп, французская шпионка, у которой к лацкану ее костюма от Шанель приколоты маленькая брошь-камея. Ну, так на этой брошке, если взглянуть внимательно, можно различить крохотный портрет самого Фарджи. Визуальная игра слов, — пояснила она. — Изобретательно, а?

Недоумевающие брови Трабшо полезли на лоб.

— Визуальная игра слов?

— Дорогуша, такое краткое появление в фильме мы профессионально называем камеей. И в «Фокус-покусе» камея появления Фарджи была буквально камеей — на брошке. Теперь вы поняли?

— М-да... — последовал неуверенный ответ.

— И вы не видели его последний фильм? — продолжала она. — «Загипсованный американец». Он вышел на экраны только в прошлом месяце.

Трабшо покачал головой.

— Зрелый Фарджион. Еще один абсолютно блистательный триллер. Зритель ни разу даже мельком не видит убийцу, которого избличает герой, молодой американский солдат в Лондоне, чья левая нога от первого до последнего кадра закована в гипс. Он вылеживает в не очень-то звукопроницаемой квартирке в Бейсуотере и по звукам, доносящимся сквозь потолок, определяет, что его невидимый верхний сосед только что забил свою жену до смерти. Говорю же вам, Трабшо, в этой стране не отыскать актера или актрису, которые не пожертвовали бы собственными левыми ногами, лишь бы сняться в его фильме. И у меня был такой шанс, а теперь я его потеряла...

Она поежилась, хотя температура в комнате была даже слишком высокой. Будто полное осознание постигшей ее беды только теперь проникло сквозь хрупкий панцирь ее житейской умудренности. Актриса до мозга костей и на сцене, и не на сцене, она настолько сливалась воедино со своим ремеслом, что подобно врожденным лгунам уже утратила способность различать, где кончался театр и начиналась реальность. Тем не менее в ее жизни всегда бывали моменты, когда маска соскальзывала, и открывалось искаженное мукой лицо женщины, которая лишь сейчас задумалась, откуда ей выпадет ее следующая роль, точно нищему — его следующая еда. Теперь, как уже некоторое время понимал Трабшо, и настал один из таких моментов.

Эвадна сочувственно прищелкнула языком.

— Ты правда очень-очень хотела эту роль? Правда, мое сокровище?

Маска соскользнула полностью. И смотреть на слезы, засверкавшие в ее глазах — даже когда, как в эту минуту, в ее горести не было ни малейшей аффектированности или притворства, Кора оставалась звездой до кончиков ногтей, а слезы звезд не блестят, они сверкают — смотреть на них было так же тяжело, как на слезы любой женщины.

— Ах, Эви, ты не представляешь, на что я была готова пойти, лишь бы получить ее. Ты понятия не имеешь, как я умоляла, как пресмыкалась. Я принудила моего агента звонить в приемную Фарджи каждый божий день утром и ближе к вечеру. Он отказывал мне двадцать раз. Говорил, что я слишком стара, слишком старомодна, баранина, сервированная под барашка, непотребный мусор.

— Непотребный мусор? Он правда так сказал?

— Прямо мне в глаза, Эви. Прямо мне в глаза!

— Бедняжка ты моя, — понизила голос романистка, быстро оглядывая ресторан, не засек ли кто-нибудь Кору в момент ее паники. Незачем говорить, что все впились в нее глазами, так как «Плющ» уже гудел, пережевывая новость о смерти Фарджиона.

— И мы даже не были наедине.

— Не может быть!

— Он был со своей последней находкой, Пэтси Шлютс. Пэтси Шлютс! Ну и имечко! Он вроде бы подобрал ее из хора в новом ревю «Свихнутой шайки». Вот уж это непотребный мусор!

Помнишь остроту Дороти Паркер? «Пойдем посмотрим, как Кэтрин Хепбёрн сыграет гамму от «до» до «ре». Как я слышала, гамма крошки Пэтси не дотягивает и до «ре». Ее специальность — играть в совсем другие игры, но она как раз такая тощая белобрысая дуреха, на каких Фарджи всегда клевал. И, пожалуйста, она развалилась за его письменным столом в Элстри с таким видом, будто ее всю завили с ног до головы, а он говорит мне, что мои дни прошли. Я просто поверить не могла, что он был способен так меня унижить!

— И все-таки, — сказала ее подруга негромко, — ты позволила себя унижить.

Нижняя губа Кору колыхалась, как желе, указывая, что вот-вот хлынут слезы. Эвадна не раз бывала свидетельницей уязвимости актрисы, но прежде, только когда они были *tete à tete*⁹ в укромности и интимности жилища той или другой. И то, что Кора была вот-вот готова утратить контроль над собой в фокусе внимания всего «Плюща», живо показывало, чем для нее явилась утрата такого золотого случая.

— Это был мой самый-самый последний шанс. Такая роль! Я знаю, я была бы в ней неподражаема, я это знаю! Вот почему я готова была пресмыкаться перед ним. И жуткая ирония всего этого, — еле выговорила она, — что я верю, искренне верю, что он с самого начала собирался отдать эту роль мне. Мой агент заверил меня, что никакая другая актриса на нее не пробовалась. Фарджи никак не мог устоять, чтобы не подвергнуть меня пытке, просто для собственного извращенного удовольствия. И да, — она обернулась к смущенному Трабшо, который на протяжении ее тирады старался выглядеть настолько незаметно, насколько это доступно крупному, грузному мужчине вроде него, — актеры на все пойдут, лишь бы получить сколько-нибудь приличную роль, на все.

— Ну, как я вам уже говорил, я ничего не знаю о том, как делаются фильмы, — ответил Трабшо, — но в конце-то концов Фарджион был всего лишь режиссер. Я хочу сказать, все актеры, видимо, подобраны, а сценарий написан. Неужели нельзя найти режиссера, который снял бы фильм?

— Вы правы, — сказала Кора холодно.

— Я подумал...

— Я говорю, вы правы. Вы правда ничего не знаете о том, как делаются фильмы.

— Ну уж, Кора, — сказала Эвадна, — я понимаю, как жутко ты должна быть расстроена, но нечестно срывать это на бедняжке Юстесе. Он же просто хотел тебя поддержать.

Кора немедленно взяла руку Трабшо и пожала ее.

— *Mea culpissima*¹⁰, мой дорогой, — сказала она, утирая глаза скрученным уголком салфетки. — О Господи, я пролила столько слез, что, конечно же, щеки у меня заржавели. Извините мою грубость. Простите меня?

— Ну, конечно, — сказал Трабшо великодушно. — Я все понимаю.

— А то, что вы сейчас сказали, ну, мне бы не хотелось, чтобы вы думали, будто это было совсем невпаад. Если бы внезапно умер какой-нибудь другой кинорежиссер, так все и произошло бы. Студия, как вы и предположили, пригласила бы кого-нибудь другого. Беда в том, что занять место Фарджи не способен никто.

На момент все трое умолкли. Затем Эвадна разразилась одним из тех назидательных трюизмов, которым иногда ненадолго удавалось смягчить неловкую ситуацию.

— Душечка Кора, — сказала она, — что-нибудь обязательно возникнет. Так ведь бывает всегда. А ты лучше кого бы то ни было знаешь, что Жизнь больше похожа на фильмы, чем фильмы на Жизнь, если понимаешь, что я имею в виду, хотя, откровенно говоря, это я, пожалуй, и сама не совсем понимаю.

Она и понятия не имела, насколько истинными окажутся эти избитые, ничем не примечательные ее слова...

⁹ Здесь: наедине (*фр.*)

¹⁰ Моя вина (*лат.*)

Глава четвертая

На следующее же утро, когда Трабшо уминал завтрак, состоявший из одной свиной сосиски и ломтя поджаренного хлеба (яйцо уже стало лакомством, позволявшимся не чаще двух раз в месяц, если не реже), он услышал, как «Ежедневный часовой» шмякнулся на коврик у входной двери. Он встал, прошлепал в халате и тапочках в прихожую, подобрал газету и прочел шапку на первой странице.

«Знаменитый кинопродюсер гибнет в огне» — вот, что она ему провизжала.

Вернувшись в кухню, он вновь занял свое место за овальным столиком, уютно задвинутым в укромный безоконный угол, помешал чай в чашке, подверг свернутую газету шумному нетерпеливому разглаживанию, начал машинально прожевывать умеренный кусок сосиски и сосредоточился на рекомендованной статье.

Но даже прежде, чем он успел прочесть первую строку, его взгляд отвлекли две фотографии, между которыми ее зажали.

Первая запечатлела мужчину лет сорока пяти с лицом до того опухло-дородным, что казалось, будто пару более худых физиономий-близнецов скомпоновали в одну, и с двойным подбородком до того толстым и жирным, что он переползал через белый воротничок рубашки, будто суфле через край кастрюли. Это, согласно подписи, был «Аластер Фарджион, всемирно знаменитый продюсер, дружески известный причастным к кинопромышленности, как Фарджи».

— Гм, — сказал Трабшо сам себе. Значит, не только он не способен отличить продюсера от режиссера.

Вторая была снимком молодой женщины, надувшей неулыбчивые губки. Вопреки ее слегка пуговичным поросычьим глазкам и удлиненному разрезу рта, с почти нелепыми пропорциями, подчеркнутыми губной помадой, она была, безусловно, привлекательным образчиком женского обаяния, да только красота эта была того рода ледяной, чужающейся, недоступной — «мраморной» приходило на ум вычурное прилагательное, — которая лично его никогда не привлекала. Подпись к ее фотографии гласила: «22-летняя Пэтси Шлютс — открытие мистера Фарджиона на горе ей».

Трабшо взялся за статью.

Потрясенный до самых своих гламурных оснований мир британского кино облекся сегодня в траур из-за трагической кончины Аластера Фарджиона, знаменитого продюсера таких классических фильмов, как «Загипсованный американец», «Идеальный преступник», «Дакалка сказал 'нет'» и других, слишком многочисленных для перечисления.

47-летний мистер Фарджион погиб вчера днем в огне пожара, проводя конец недели в своей роскошной и уединенной резиденции в Кукхеме. Второй роковой жертвой пламени, которое неудержимым ураганом пронеслось по деревянной вилле, построенной в стиле шале, стала Пэтси Шлютс, 22-летняя танцовщица и многообещавшая киноактриса, которую мистер Фарджион, широко провозглашавшийся ведущим открывателем новых талантов для британского кино, заметил среди хора реву «Свихнутой шайки» «Вы знаете, что такое матросы», в настоящее время продолжающей свой второй год во Дворце Виктории. Было ровно 4 часа 45 минут дня, когда кукхемская полиция и пожарная бригада были одновременно оповещены о пожаре соседкой мистера Фарджиона некоей Тельмой Бентли, которая сообщила им, что, выйдя в сад подстричь газон, она увидела «стену огня, взметнувшуюся из окон гостиной виллы». К несчастью, когда три пожарные машины прибыли на место всего лишь несколько минут спустя, разбушевавшееся пламя погасить не удалось, и невозможно было не только проникнуть на виллу, но даже и подойти к ней, так силен был жар.

Поэтому главной задачей бригады из восемнадцати пожарных было удерживать пожар под контролем настолько, чтобы он не распространился на соседние жилые дома, обитатели которых были немедленно эвакуированы. В апогее возгорания густая пелена дыма была видна с расстояния до тридцати миль.

В 6 часов 15 минут пожарным наконец удалось войти в то, что по сути всего было лишь дымящимся обгорелым каркасом. Их ожидала жуткая находка: два сильно обгоревших трупа. Они еще ждут официального опознания, но полиция уже дала знать вашему репортеру, что ни малейших сомнений быть не может: это мистер Фарджион, кинопродюсер, и его юная протезе.

На вопрос, имеются ли подозрения о поджоге, инспектор Томас Колверт (Ричмондская уголовная полиция), ведущий расследование, ограничился заявлением, что все обстоятельства этой катастрофы будут тщательно изучены, но до сих пор все указывает на трагичный несчастный случай.

Согласно анонимному полицейскому источнику, наиболее правдоподобно предположение, что непотушенная сигарета была неосторожно брошена на оконную занавеску в гостиной. Она вспыхнула, загорелись ближайшие предметы, и запылавшее пламя обездвижило мистера Фарджиона и его гостью прежде, чем они смогли что-нибудь предпринять, и они оказались в западне пылающего дома.

В интервью по телефону известный кинорежиссер («Я живу на Гросвенор-сквер») Уилкокс воздал горячую и сердечную дань мистеру Фарджиону. «Его смерть, — сказал он, — трагедия для послевоенного возрождения британской кинопромышленности. Он был истинным художником и вносил оригинальные идеи и неожиданные ракурсы в искусство, которое никогда еще столь отчаянно в них не нуждалось. Не требовалось одобрять все создаваемое им, чтобы почувствовать присутствие гения».

Морис Эвли, многие популярные фильмы которого включают «Государственную измену» и «Хиндл пробуждается», сказал: «Сомневаюсь, что мы вновь увидим подобного ему».

Следствие продолжается.

Затем Трабшо открыл страницу некрологов. На ней, заметил он тут же, имелось длинное посмертное восхваление самого Фарджиона, но ничего о куда менее знаменитой Пэтси Шлютс. Собственно, ее имя было упомянуто только один раз — да и то в некрологе Фарджиона — как актрисы, которая была выбрана играть главную женскую роль в будущем фильме продюсера (как автор некролога тоже упорно его называл) «Если меня найдут мертвой», с участием также Гарета Найта, Патрисии Рок, Мэри Клер, Реймонда Ловелла, Феликса Эймлера и («наконец-то», — пробормотал Трабшо) Кори Резерфорд.

Он отложил газету и принялся обдумывать прочитанное. Сгореть заживо! Какой жуткий конец! Приравнивает тебя к Жанне д'Арк и... как бишь звали итальянского ученого, приговоренного к смерти за ересь?.. Джордано?.. Джордано?.. Джордано Бруно! Мы все внутренне содрогаяемся при мысли, как этих мучеников привязывали к столбу, как вокруг их босых ног наваливались вязанки хвороста, как поджигались, и сколько проходило минут, прежде чем их душил дым. И ведь самый факт задыхания в дыму не означает, будто они не успели ощутить, как пламя начинает всплывать по их ногам? Ах, об этом нестерпимо думать!

И все же в конце-то концов и Жанна д'Арк, и Джордано Бруно мертвы уже давным-давно, столетиями мертвы — призраки, принадлежащие смутному непознаваемому прошлому, и дожили они до настоящего времени — если дожили! — лишь затхлыми иллюстрациями в школьных учебниках истории. А как насчет всех тех обычных людей, безымянных, как бишь их там, кто имел несчастье оказаться запертым внутри горящего здания? Разумеется, не Аластер Фарджион, кто, бесспорно не был как-его-бишь-тамом, и по всем отзывам меньше всего мог считаться обычным. Нет, подумайте о честных, простых, работающих трудягах Ист-Энда, например, которых бомбы сбрасывали с кроватей в дни блица и кого постигла — во всяком случае, многих из них — судьба столь же жуткая, как Жанну д'Арк и Джордано Бруно, исключая то, что их имена никогда не будут славиться в веках — скудная компенсация, пожалуй, за такие невообразимые муки, но все-таки своего рода компенсация. Да, это заставляет призадуматься...

А еще он призадумался о новости, несколько неожиданной новости, что расследование поручено инспектору Томасу Колверту из Ричмондской уголовной полиции. Ну-ну-ну! Молокосос Том Колверт теперь инспектор. И в Ричмонде — завидный пост, если он не ошибается. Он знал Тома, когда тот был постовым где-то, помнится в Бермондси. Такой белобрысый и приветливый бобби, который всем нравился. У него всегда была при себе пачка питательных галет для

неимущих ребяташек, он всегда приветствовал завсегдатаев «Коня и грума» бодрым «доброго всем вечера!», никогда не опускал слишком тяжелую руку на плечо какой-нибудь оборванной старушонки, которая хлебнула лишнего... А теперь он инспектор, скажите на милость!

Затем его мысли обратились к Коре Резерфорд. Странно повстречать ее через столько лет — причем лет, не мог он не подумать, которые наложили свою печать на ее некогда безупречный фасад. Конечно, она все еще была олицетворением лоска и уверенности в себе, все еще окруженной той сияющей аурой небесности и недостижимости, которая вопреки всякой вероятности — театральной и, как бы ее назвать? киношной? — каким-то образом более или менее сохраняется и в их маразматичности, она же анекдотичность, согласно бородатому каламбуру. Однако не было сомнения, что в какой-то мере она утратила ту искрящуюся былую живость, то могучее сочетание сбалансированных манер кинозвезды с капризностью избалованного ребенка, которое десять лет тому назад накладывало особую печать на ее личность. И тот факт, что ее поставили последней в списке тех, кому предстояло играть в новой картине Фарджиона, вкупе с не менее значимым фактом, что, едва поняв, что картина эта сниматься не будет, она так мгновенно и неразумно потеряла контроль над собой — да еще в шикарнейшем лондонском ресторане! — только подтверждал, что теперь она далеко не так уверена в своем — как это? магнетизме? — чем при первом их знакомстве. Разумеется, грустно, нет, очень грустно. Но в конце-то концов, сколько, собственно, ей лет? Пятьдесят? Шестьдесят?

Трабшо припомнил, как Эви призналась, когда он допрашивал ее в фолкс-Мэноре, что они с Корой давным-давно делили крохотную квартирку в Блумсбери, когда обе только-только оставили позади подростковый возраст и... нет-нет, постарайся забыть, что еще она ненароком выдала об их совместном житье! Во всяком случае, из этого явно следовало, что актриса и романистка примерно ровесницы, а последняя, как он знал, отнюдь не была весенним цветком. И даже не летним цветком. Осень, сказал он себе, осень — вот какое ее время года, притом поздняя осень. Бедная женщина, подумал он и искренне посочувствовал беде Кору. Жизнь актрисы, миновавшей пору расцвета, отнюдь не выглядела синекурой.

А сама Эвадна Маунт? Большая оригиналка. Если бы его спросили, Трабшо стопроцентно ответил бы, что за десять лет после их первой встречи он ни разу про нее и не вспомнил. Даже когда читал ее романы (и он подскочил от изумления при мысли, что к этому времени он прочел все двадцать восемь и даже побеспокоился посмотреть не сходящую со сцены постановку ее пьесы «Каникулярный капкан», где убийцей, к его наивному удивлению и скрытой обиде, оказался детектив), они настолько его увлекали, что ему даже не приходило в голову связывать их качества со знакомой женщиной — вот так мать, наблюдая, как растут ее дети, скоро забывает, что эти автономные и все более независимые маленькие существа одно время были обитателями ее чрева.

Да, он был поклонником творчества Эвадны Маунт и ни в коей мере не стыдился признаться в этом. И все же он, пожалуй, ни разу в кругу своих знакомых не упомянул о своем увлечении ее «Ищи убийцу!», а и упомяни, так совсем не в его духе было бы похвастать знакомством с их авторшей.

Однако по воле случая она вновь вошла в его жизнь — или, вернее, он вошел в ее жизнь — бац-бац: будто налетев на фонарный столб. И вот уже менее суток спустя он здесь размышляет о ней и Коре Резерфорд, и Аластере Фарджионе, и Пэтси Шлютс, и о молодом Томе Колверте, и вообще. Люби ее или терпеть не мог, но какой бы нестерпимой она часто ни бывала, вокруг Эвадны Маунт что-то обязательно да происходило.

В том-то и суть. Вокруг него не только особенного, но и вообще ничего не происходило. После лет и лет служения Закону, лет и лет всеобщего уважения как к одному из ценимейших людей Ярда, он теперь что — старый хрыч? Да, старый хрыч. Старый хрен?

Ему принадлежит уютная комфортабельная половина двухквартирного дома в Голдерс-грин, где он ведет уютную, комфортабельную, одноквартирную жизнь. У него милый огорожок, где он выращивает собственный лук-порей, и редис, и морковь. У него есть непрерывно сужающийся круг друзей прошлых лет, и он встречается с ними за приятельской кружкой в местной пивной. А иногда — в эти дни более чем изредка — встречается в Городе перекусить с двумя-тремя приятелями по Ярду.

Когда он перекусывал с бывшими коллегами его собственного поколения, это был истинный праздник. Он наслаждался. Обмениваясь с ними воспоминаниями об удивительно, парадоксально невинных преступниках, с которыми им всем приходилось время от времени иметь дело на протяжении долгих лет, преступниках, к которым в силу однообразной и даже утешительной рутины ареста, обвинения, суда, приговора, освобождения и нового ареста они все проникались теплым чувством.

Но не так уж часто, а вернее, изредка, его приглашал позавтракать в Городе кто-нибудь из более молодых, чьим ментором он был — или, во всяком случае, льстил себя мыслью, что был, — и это оборачивалось сущим испытанием.

И не просто из-за гнетущего ощущения, возникавшего у него, как бы хорошо они, казалось, ни были расположены к нему, что в сравнении с их методами его поколение почти комически устарело и что, не только не продвинув науку криминологии вперед, как он втайне гордился, на самом деле он и его ровесники отбросили ее назад на парочку десятилетий. Главным было то, что все они, видимо, были заняты увлекательнейшими делами, о которых достаточно было просто услышать, чтобы буквально начать сглатывать слюнки.

Он ощущал себя старым, ненужным, задвинутым в пыльный угол. Если он высказывал предположение, как, возможно, следует поступить на таком-то этапе текущего расследования, они достаточно любезно давали ему выговориться, а затем попросту продолжали рассказ с того места, на котором остановились, будто он вообще рта не раскрывал. И наоборот, если он указывал на поразительное сходство между данным делом и тем, в котором участвовал сам несколько лет назад, они покачивали головами с плохо скрытой улыбкой, будто ответить ему значило бы просто погладить его по шерстке, а в заключение неизменно говорили: «Знаете, мистер Трабшо, с вашей поры все сильно изменилось».

А, да, с его поры все сильно изменилось... Но, хотя было бы неправдой сказать, что он полностью освоился со своим образом жизни, во всяком случае, если можно так выразиться, он освоился с тем, что не освоился с ним. То есть до той минуты, когда от нечего делать он не забрел в чайную комнату отеля «Ритц» и не услышал незабываемый и — как он тут же понял — не совсем забытый голос Эвадны Маунт, его старой спарринг-партнерши. Как этот самый голос десять лет назад заставлял его скрежетать вставными зубами! И как вчера (отрицать он не мог), как вчера этот голос практически омолодил его! Вместе с последовавшим. После чая в «Ритце» — посещение прославленного вест-эндского театра, изумительно смешной розыгрыш, жертвой которого он стал с не меньшей охотой, чем все остальные зрители, ужин в «Плюще» с Эвадной и Корой Резерфорд, а в заключение шок, но в равной степени (признавайся Трабшо!) тайное смакование известия, услышанного до того, как оно попало в газетные шапки, о смерти знаменитого кинорежиссера, чья фамилия еще накануне ничего ему не говорила. И все это, количеством превосходящее общее число примечательных случаев, выпадавших ему за последние десять лет, уместилось в какие-то шестнадцать часов!

Он сидел за своим овальным кухонным столом, посасывая незакуренную трубку. Собственно, он никогда не предвкушал свою отставку, но должен был подчиниться тому, что в конце-то концов было беспощадным требованием беспощадного мира. Трудишься лет сорок, отдавая все свои силы (правда, труд в его случае безгранично любимый), а затем уходишь на покой. Или, опять-таки, как в его случае, тебя отправляют на покой.

Вдобавок, его прежняя удачливость почти тут же себя исчерпала. Его жена, коротать с которой он предвкушал свою отставку, скончалась всего через несколько месяцев после его отлучения от Ярда. Его верный старый лабрадор Тобермори был застрелен на вересковой пустоши вблизи ффолкс-Мэнора. Одно-единственное волнующее событие за все последующие годы — вот эта встреча с Эвадной Маунт. Будут ли, тоскливо подумал он, какие-нибудь другие?

Естественно, ему никогда бы и в голову не пришло позвонить ей, даже зная он ее телефонный номер. И тут — внезапное воспоминание. Что она сказала? Что ее всегда можно найти в «Ритце» за чаем. Так что, если он, Трабшо, «случайно» зайдет в отель около пяти часов в один прекрасный день, и «случайно» наткнется на нее? О, не сегодня и не завтра, и даже не послезавтра. В конце недели, может быть? Или в начале следующей?

Он скорбно покачал головой. Нет, так не годится.

Беспокоило его не то, что Эвадна Маунт «истолкует это неверно» — учитывая возраст их обоих, внешность и склонности, подобное исключалось — но что, если она истолкует это верно? Что, если она сразу поймет, что он стал одиноким стариком, чья потребность в чьем-то обществе невообразимо велика, и он тешит себя надеждой, что она примет безнадежно хромой предлог, будто он вновь заглянул в шикарнейший отель в Лондоне без всякой задней мысли?

Нет, забудь! Романистка вновь вышла из его жизни столь же быстро и мимолетно, как он сам вновь вошел в ее жизнь.

Охо-хо! Почему бы не провести часок-другой в огороде?

Глава пятая

Пять ничем не примечательных недель спустя, днем, в майское воскресенье Трабшо готовился вымыть свою машину, как всегда по всем сухим воскресеньям, и вот тут в дверь позвонили, а затем он обнаружил на своем пороге Эвадну Маунт.

Эти пять недель он провел примерно так же, как предыдущие пять лет. Он прочитывал свой «Ежедневный часовой», шебаршился в своем огороде, выпивал свою пинту в местной пивной перед тем, как вернуться домой к своему одинокому ужину, и каждый вечер по пути в пивную и назад, равно в дождь и в ведро, он прогуливал свою воображаемую собаку.

Однако следует понять, что собака была воображаемой не потому, что бывший детектив впал в состояние второго детства и начал вновь, как в реальном детстве, общаться с другом, который обитал исключительно в его голове. Но потому лишь, что он не нашел в себе сил, когда его слепой лабрадор Тобермори был застрелен на дартмутской пустоши, найти ему замену.

Тобермори был его предлогом — его алиби, как он предпочитал это называть — для моциона, который он совершал буквально каждый вечер, и он не считал гибель пса достаточной причиной, чтобы отказаться от этой прогулки. Кончина жены, с которой он делил всю свою взрослую жизнь, уже приучила его к слегка свербящей зубной боли одиночества, никогда не достигающей порога выносимости, но никогда и не утихающей. Он, как ни был привязан к Тобермори, не был готов дважды стать горюющим вдовцом. Он начал совершать свои прогулки до того, как обзавелся Тобермори, и не собирался отказываться от них теперь. Сентиментальность собаководладельца давала о себе знать лишь в одном: как и до убийства лабрадора, он рассеянно забирал его поводок со столика в прихожей и на ходу помахивал им, будто мягкой резиновой тростью. Но даже и эту манеру нельзя было целиком свести к сентиментальности. Он вот так помахивал поводком Тобермори уже в течение стольких лет, что — собака там или не собака — без поводка он просто чувствовал бы себя неловко.

В течение нескольких дней, перешедших в пять недель, он прочесывал свою газету в надежде получить дальнейшую информацию о пожаре на вилле Аластера Фарджиона. Раза два он даже покупал соперничающие газетенки, поскольку его интерес к этому делу, разумеется, еще более возрос, так как следствие вел его былой протеже Том Колверт.

Однако трагическая преждевременная смерть Фарджиона вызвала заметно меньше откликов, чем он ожидал после восторженных излияний Коры Резерфорд. Кинорежиссеры, какими бы они гениями ни были в глазах тех, кем они командуют, заметно меньше интересуют Великую Немытую. Что до женщины, Пэтси Шлютс, да, она, видимо, обладала «избытком сексапильности» (что бы это ни значило), но он также пришел к выводу, что была она не столько звездой, сколько «кандидаткой в», одной из бесчисленных «находок» Фарджиона.

Из скудных сведений, которые все еще удавалось просеять из пепла пожарища, видимо, следовало, что мистер Фарджион и мисс Шлютс были на вилле одни. И хотя ничего больше утверждать с уверенностью было нельзя, теперь предполагалось, что причиной пожара явилась сигарета, которую та или другая жертва (и он, и она были неоспоримо опознаны ближайшими родственниками) либо уронила на пол не полностью погашенной, либо отправила в камин столь небрежным щелчком, что она пролетела мимо цели. Так или иначе, но сигарета почти наверное прокатилась по натертому паркету и соприкоснулась с тюлевыми занавесками большого окна эркера. Эти занавески сразу же вспыхнули, пламя тут же перекинулось на «эксклюзив» из газового шифона, легкого, как паутинка, в котором мисс Шлютс была сфотографирована раньше в тот же день, когда Фарджион заехал за ней в своем серебристом «роллс-ройсе». Вероятнее всего, в попытке спасти ее кинорежиссер сам был охвачен огнем.

Короче говоря, практически ничего конкретного, хотя, без всякого сомнения, это была всего лишь трагическая и, как часто говорится о подобных происшествиях, глупая случайность.

Поздний постскрипtum в «Ежедневном часовом» деликатно упомянул о горе семьи Шлютс и особенно матери, которой все еще вкалывали снотворное. Однако ни в одной из проштудированных им газет ни словом не упоминалось, как эта трагедия подействовала на

«безопасную женушку» Аластера Фарджиона. А затем новости, как и весь мир, оставили случившееся позади.

И вот тогда-то в дверь Трабшо позвонили, и он услышал, как кто-то нетерпеливо приветствует его в щель для писем прежде, чем он успел открыть дверь.

— Юстес, привет! — грянуло оглушительно.

Опять этот голос!

Однако теперь, как он признался себе, прежде чем открыл дверь, звуки эти преисполнили его упоительным возбуждением.

Она стояла на пороге в таком волосатейшем из самых твидовых костюмов, какой только могла добровольно натянуть на себя женщина.

— Мисс Маунт! — грянул он в ответ. — Какой приятный сюрприз!

— Я так и предполагала, — ответила она благодушно.

— Но погодите, — сказал он как раз тогда, когда собирался пригласить ее войти, — откуда вы узнали, где я живу?

Подобно большинству своих коллег в Скотленд-Ярде, Трабшо не разрешал помещать свой адрес ни в какие справочники, даже и когда вышел в отставку, поскольку в слишком большом числе отсидевшие свой срок преступники с восторгом узнали бы, просто полистав телефонную книгу, адрес фараона, из-за которого посозерцали небо в клеточку. Как ни обрадовала его новая встреча с Эвадной Маунт, он всегда был полицейским и, пусть в собственном восприятии, оставался полицейским и теперь, и именно как полицейский он весьма жаждал узнать, каким образом она ухитрилась его выследить.

— Ой-ой-ой, до чего же вы подозрительны! — засмеялась она, грозя ему внушительным пальцем. — Вы могли бы сказать, как рады меня видеть, прежде чем приступать к допросу.

— Конечно же, я рад вас видеть, Эви, — сказал Трабшо, осознав, насколько он был невежлив. — Очень рад. Это разумеется само собой.

— Да, но было бы приятней, если бы вы это сказали вслух. Впрочем, я пришла не блох выискивать. Как вы провели последние недели?

— Ну-у-у, вы знаете... — послышался характерно осторожный ответ полицейского. — Да по-обычному. Теперь, с наступлением весны, возился в огороде и, хотя я это сам говорю, с неплохими результатами... — Он перебил сам себя: — Э-эй, погодите-ка. Очень ловко, Эви, очень ловко!

— Что именно? — спросила она, сама невинность.

— То, как вы сейчас сменили тему. Я спросил, как вы узнали мой домашний адрес.

— Если вам уж так хочется, то я получила его от Колверта.

— От Колверта?

— Инспектор Томас Колверт. Вы его помните, верно? Да как же иначе. По его словам, вы взяли его под свое крылышко, когда он был еще бобби, грающим улицы.

— Конечно, я помню Тома Колверта. Самый многообещающий новобранец в полиции, какого я только встречал. Но вы-то как с ним познакомились?

— Возможно, вы не слышали, но Колверту было поручено расследование этого жуткого происшествия с виллой Аластера Фарджиона. Ну, пожар. Мы разговаривали про это с Корой в «Плюще», но, наверное, вы успели позабыть.

— Нет, — сказал Трабшо, — я не забыл. — И в самой глубине сердца он каким-то образом знал, что Эвадна Маунт знает, что он не забыл.

— Ну, — продолжала она, — он занялся расследованием и наводил справки у некоторых знакомых Фарджи, не могут ли они пролить свет на произошедшее, и Кора оказалась в их числе, ну, и по воле случая, я была в ее квартирке в Мэйфере, когда он с ней беседовал. Вот так, короче говоря, я с ним и познакомилась. Очень милый молодой человек, очень умный, очень проницательный. Думается, он далеко пойдет.

— Что так, то так, — ворчливо ответил Трабшо, — но только когда научится не выдавать секретную информацию, например адреса бывших детективов Скотленд-Ярда, совершенно незнакомым людям.

— Да не лезьте в бутылку. Я рассказала ему, как мы с вами повстречались через столько лет и как прелестно потрепались в «Ритце», а затем пошли в театр, и как мне теперь необходимо связаться с вами. Должна сказать, он был сама любезность.

— Гм, ну хорошо. В целом справедливо. Так входите же, входите.

— Мы обе?

— Как так, обе?

— Для детектива, — сказала Эвадна, — вы не очень-то наблюдательны. — Она мотнула головой назад. — Поглядите-ка, кто там!

Трабшо быстро посмотрел за плечо романистки. Перед его домом, предмет восхищения шеренги уличных оборвышей — восхищения на грани экстаза, воплощенного в разинуторотом редкозубом восторге, — был припаркован серо-голубой автомобиль «бентли». Внутри за рулевым колесом находилась весело ему машущая Кора Резерфорд.

— Так это же... это мисс Резерфорд, — сказал он и помахал в ответ.

— Ку-иии! — издала австралийский призыв актриса к неудержимому восторгу ее оборванной публики. Пусть ни один из них вроде бы не узнал ее — ведь ни один не попросил у нее автографа, зато они с первого взгляда узнали звезду с латунным днищем. Девочки бросили свои классики, мальчики — футбольный мяч, и все сгрудились вокруг машины, забрались на нее со всех сторон, ведь она была куда большей приманкой для них — во всяком случае, для мальчиков, — чем оборвотительная ее владелица за рулем.

— Так мы войдем, — осведомилась романистка, — или нет?

— Ну, конечно, конечно, — ответил Трабшо.

Он широким шагом прошел по своей подъездной дороге, добродушно крикнул «кыш!» оборвышам, открыл дверцу «бентли» и проводил актрису в свой дом.

Несколько минут спустя, после того как он вернулся из кухни с бутылкой хереса и тремя рюмками, они втроем уютно расположились перед камином.

— А теперь слушайте, Трабшо, — сказала Эвадна Маунт, пренебрегши общепринятыми разговорными зачинами. — Могу ли я исходить из того, что завтра утром вы будете заняты не более, чем в тот день, когда заскочили в «Ритц»?

— Ну-у...

Он колебался несколько секунд — нелегко позволить другим увидеть, какой пустой стала твоя жизнь, — прежде чем пришел к выводу, что с чем бы романистка и ее подруга ни пришли к нему, это категорически будет менее пустопорожним, чем то, что его ожидает, если он откажется.

— Нет, не более, — с неохотой признал он. — Обычная нудная рутина. А почему вы спрашиваете?

— Потому что произошло нечто по-настоящему чудесное. Вы помните наш маленький ужин а trois¹¹ в «Плюще»?

— Естественно.

— И то, как мне пришлось сообщить Коре скверную новость о смерти Аластера Фарджиона?

— Как я мог бы забыть?

— Но помните ли вы, что из-за его смерти его новый фильм должны были снять с производства?

— Да, я прекрасно это помню.

— Ну, его, так сказать, опять подняли.

Трабшо сразу сообразил принести актрисе свои поздравления.

— Ну-ну-ну, отличнейшая новость для вас, верно? Не могу выразить, как я счастлив это услышать.

— Благодарю вас, дорогой, — сказала она. — Как мило, что вас это трогает.

— И очень. Искренне трогает, — стоял он на своем. — Но, пожалуйста, объясните мне кое-что.

— Да?

— Когда мы говорили про все это, о смерти Фарджиона и так далее, вы объяснили мне абсолютно категорически, как говорится, что фильм не сможет снять никто другой, потому что он

¹¹ втроем (фр.)

был... невозместимым, вот, по-моему, верное слово. Да, невозместимым в каком-то смысле, мне не совсем понятно.

— Но только, — ответила она, — оказалось, что в этом случае, так как подготовка к съемкам продвинулась столь далеко, так как площадка для съемок оборудована, а актеры подписали контракты и все такое прочее, владельцев студии ужаснули ожидающие их финансовые потери, которые они неминуемо понесут, если картина не будет снята. Однако они попросту не представляли себе, кто способен занять место Фарджиона, если такой вообще найдется. Ну, и тут Хэтти — жена Фарджиона, если помните? — Хэтти вроде бы рылась в его бумагах в их лондонской квартире и — как вы думаете? — она выкопала следующий любопытный документ. Написан его почерком и указывает, что, если по какой-либо причине он не сможет сам снять фильм, съемки должны быть поручены его помощнику — его Первому Помощнику, как принято говорить у нас. Именно это и произошло.

— Гм, — многозначительно буркнул Трабшо. — Странновато...

— А? Что вы имеете в виду?

— Ну, впечатление такое, будто Фарджион подозревал, что, возможно, что-то помешает ему самому вести съемки.

— Ах уж эти бывшие полицейские! — вскричала Эвадна. — Куда ни посмотрите, обязательно вам мерещатся тайные помыслы. Забудьте Фарджиона. Суть в том, что съемки начались на прошлой неделе, и Кора, как вы понимаете, на седьмом небе.

— Да-да, вновь приношу свои поздравления, — сказал Трабшо актрисе. — Я... ну, я не мог не заметить, насколько вы приняли к сердцу смерть этого человека.

— Суть в том, — сказала Кора, — что фильм снимается в Элстри, а я, как, по-моему, я вам упомянула, имею не так уж много больших эпизодов, но один из них снимается завтра днем, и поскольку я позволяла Эви участвовать во всем, что я делала, с той поры, как мы еще были по колено кузнечикам, естественно, я пригласила ее на съемку.

И тут нам в голову одновременно пришла одна мысль — должна сказать, это все еще иногда случается. Раз милый старый Трабберс разделил скверную новость, так почему бы ему не разделить и хорошую?

Сверх того, я должна быть в студии безбожно рано, а Эви никогда ранней пташкой не была и, естественно, предпочтет появиться там позднее, но только она не умеет водить машину, а вы, полагаю, умеете. Ведь так?

— Да. «Ровер». Итак, — заключил он, — насколько я понял, вы приглашаете меня стать на день шофером Эви?

— Неблагодарный! — Кора сделала вид, будто хлопает его по руке. — Вам обязательно надо держаться так казенно, упрямо и по-полицейски? Я же просто подумала, раз уж мы опять встретились все вместе, вам будет интересно сопровождать Эви. Не поверю, будто вам когда-нибудь приходилось посещать киностудию, и, значит, вам должно быть жутко интересно. Так что скажете?

И Трабшо без малейшего колебания ответил утвердительно. Правду сказать, он даже поверить не мог своей удаче.

— Ну так, мисс Резерфорд, — спросил он ее, — собственно, какой он, этот новый фильм?

— Называйте меня, милый, Корой, — ответила она весело, и скотленд-ярдовец вновь поразился тому, насколько помолодевшей она кажется теперь, когда непредвиденный поворот судьбы вновь словно бы возродил ее карьеру. Но он, кроме того, был слегка смущен, так как не совсем понял, хочет ли она, чтобы он называл ее «Корой» или «милой Корой».

Впрочем, она не дала ему времени назвать ее как-либо, мгновенно пустившись рассказывать про фильм.

— Его название «Если меня найдут мертвой». Отличное, как по-вашему?

— Бесспорно, — одобрил он. — Прямо-таки захватывающее. «Если меня найдут мертвой», э? Да, уверен, такой фильм я бы захотел посмотреть. Звучит, по-моему, как очень завлекательный триллер. А могу я спросить, про что он? Или это нескромный вопрос?

— Боюсь, это будет слишком... Сценарий ведь самого Фарджиона, вы понимаете, и если триллеры других режиссеров обычно имеют выкрутасные концы, его фильмы всегда имеют выкрутасные начала.

Для Трабшо идея эта явилась абсолютно новой.

— Выкрутасные начала?

— Вы никогда не видели его «Полукому»?

— Извините, вы же знаете, что я...

— ...не хожу на фильмы. Да, вы нам уже это говорили.

— В таком случае, дорогая моя мисс Резерфорд, — едко парировал он, — если я вам уже говорил, зачем снова меня спрашивать? И пока, против обыкновения, последнее слово осталось за мной, могу я вас о чем-то спросить?

Актриса заморгала.

— А... э... да, — ответила она. — Прошу вас.

— «Фокус-покус», «Полукома», «Загипсованный американец». Неужели этот ваш Фарджион ни разу не дал ни единому своему фильму обычное, будничное название, предназначенное намекнуть о содержании?

— Трабберс, милый мой, — сказала Кора, которая никогда и ни за кем не оставляла последнего слова. — Помнится, когда мы познакомились у вас была собака, верно?

— Да. Лабрадор.

— И его кличка?

— Тобермори.

— Как! — сатирически воскликнула она. — Не Верный?

Трабшо любезно признал поражение.

— Ваша взяла, — сказал он. — Пожалуйста, продолжайте.

— Ну, в «Полукоме» Роберт Доунет играет тихого, кроткого банковского кассира, который в первом эпизоде фильма ложится спать в своей убогой квартирке в Клеркенвелле. Но когда на следующее утро он просыпается — прямо на следующее утро, учтите, — он обнаруживает, что, хотя на нем та же полосатая пижамка, в какой он уснул, лежит он посреди лесной прогалины в Скалистых горах Канады, не более и не менее, а одинокий олень — удивительный штрих! — мирно пасется всего в нескольких шагах от него. И конечно, ему требуется весь фильм, чтобы разобраться, каким образом он за одну ночь пересек всю Атлантику.

Чистейший Фарджи. Перед предварительным показом его фильмов критикам вручались листки с предупреждением, чтобы они воздерживались упоминать начало, а это по сути значило, что фильмы оказывались критиконепроницаемыми. Критики не могли упомянуть начало, значит, они не могли упомянуть и конец, и, уж конечно, не могли упомянуть середину. То есть ничего вообще упомянуть не могли. Милый, милый Фарджи, — вздохнула она. — Такой гений!

Трабшо собрался было выразить изумление, что она с такой теплотой отзывается о субъекте, которого всего месяц назад назвала «вшивой паучьей свиньей». Но затем он сказал себе: бедняга же умер, а Кора в таком прекрасном расположении духа. Так зачем бросать тень на ее эйфорию, коснувшись этой темы?

— И что же, — сказал он взамен, — происходит в начале вашего фильма?

— Да, старая ты рыбина, — пискнула Эвадна Маунт, — не томи нас в ожидании. Предоставь это фильму.

Кора всунула в мундштук новую сигарету и понизила свой уже хриловатый голос до заговорщицкого уровня.

— Ну, — сказала она, — начинается с этих двух неразлучниц. Обе они женщины чуть больше двадцати лет, в Друри-Лейн. Они кое-что купили в Вест-Энде, только что перекусили, и у них есть пара билетов на дневной спектакль — что-то вроде музыкального ревю, насколько я поняла. И вот они в седьмом-восьмом ряду партера проглядывают программки, болтают о том о сем — о звездах в ревю, какую оно получило прессу, ну, знаете, о чем мы все говорим, когда усаживаемся в театре. Затем одна из них внезапно выдает.

— Кого выдает?

— Ах, право же, Эви, что за идиотский вопрос. Она никого не выдает, а просто вся напрягается и костенеет. «Выдает» — это и подразумевает. Если я верно помню, так твои картонные персонажи то и дело выдают такое.

Но, как бы то ни было, заметив это, подруга, естественно, спрашивает ее, что случилось. «Ничего, — отвечает она, — ничего не случилось». Только она совсем побелела, подруга

настаивает, и она наконец говорит: «Видишь мужчину впереди? Сидит один на краю третьего ряда?» Подруга смотрит, определяет только что упомянутого мужчину и говорит: «Ну да, так что?» Первая несколько секунд молчит, затем отвечает смертельно спокойным голосом: «Если меня найдут мертвой — название фильма, помните? — если меня найдут мертвой, то вот человек, который будет причиной».

Теперь, как вы легко себе представите, ее подруга зацепилась сполна, но видит-то она, к несчастью, только его затылок. А чуть вытянула шею, чтобы видеть получше, свет тускнеет, оркестр начинает играть, занавес поднимается, вереница длинноногих хористок выпархивает на сцену, и, разумеется, в последующем удовольствии от зрелища она все про него забывает.

Кора не могла бы пожаловаться на отсутствие интереса у ее слушателей. Они буквально впивали каждое ее слово.

— А затем, — продолжала она, выдержав то, что Эвадна Маунт в каком-нибудь своем «Ищи убийцу!» без рефлексии обозначила бы «судьбоносной паузой», — мы сразу делаем переброс к следующему эпизоду, в котором, как вы, я уверена, уже догадались, полиция осматривает труп женщины в ее квартире в проходном дворе в Белгравии.

— Гм, — задумчиво сказала Эвадна Маунт, — должна признаться, я чуточку позавидовала этой идее. Что происходит дальше?

— Вот это, по-моему, мне открывать не следует.

— Ну-ну, не кокетничай. Тебе это не идет.

— Ну хорошо. Достаточно сказать, что подруга, естественно, решает сама немного заняться следствием. И в конце-концов на званом обеде видит, что напротив нее сидит мужчина из третьего ряда — во всяком случае, так ей кажется. Только, понимаете, полной уверенности у нее нет. И потому она решает понравиться ему, начинает безудержно флиртовать и, все еще не зная, убийца он или нет, влюбляется в него по уши. И это, я полагаю, — заключила она величественно, — пока все, что вам требуется знать. Если хотите узнать побольше, вам просто надо дождаться, пока фильм не будет демонстрироваться в кинотеатре по соседству с вами.

— А вы, милая леди, — сказал Трабшо, — вы, полагаю, играете роль молодой сногшибательной сыщицы?

Кора, на мгновение не уяснив, подшучивают над ней или нет, бросила на него пронзительный взгляд.

— Нет, — сказала она наконец. — Нет, Трабшо, мне кажется, во время нашей последней встречи я вам сказала, что моя роль не... Нет, я бы солгала, сказав, что она ведущая.

— Какую же роль ты все-таки играешь? — спросила Эвадна.

— У... убий... — Она поспешно проглотила конец этого слова. — То есть у этого человека есть многострадальная жена, многострадальная потому, что, как ей стало ясно, муженек за ее спиной изменял ей направо и налево. Для начала это была малюсенькая ролька, оскорбительно крохотная. Но только вчера я сумела добиться, чтобы ее взбодрили, и очень. Теперь у меня есть два-три очень сочных эпизода, в которых я не только буду грызть мебель, но и выплевывать ее. О да, — продолжала она голосом чуть холодящего самодовольства, — если малютка Кора правильно разыграет свои карты — а уж она их разыграет! — нет никаких причин, чтобы роль эта не послужила трамплином к ее возвращению.

Романистка пронзила ее взглядом.

— Кора!

— Что?

— Роль взбодрили?

— Не задавай вопросов, милочка, и не услышишь лжи. Скажем просто, что я своего никогда не упущу. Когда мне выпадает удача, я умею ее использовать. — Она обернулась к Трабшо. — Первый из этих моих больших эпизодов будет сниматься завтра, вот почему я подумала, что вы с Эви, возможно, захотите провести день в Элстри и поглядеть из-за камеры.

— С большим удовольствием, — сказал Трабшо. — Пока, значит, все идет гладко, так?

Внезапно Кора впала в задумчивость.

— Ну, — ответила она, — теперь да, слава Богу. Но некоторое время все висело на волоске.

— Как так?

— Понимаете, сама я еще не снималась. Но, естественно, я должна каждый день быть в студии. Проверка волос, проверка цвета лица, проверка костюмов, проверка грима, ну, вы знаете. Впрочем, не знаете, но, думаю, вы поняли, о чем я. И из того, что я почерпнула из разговоров в добавок к тому, что видела сама, Хенуэй для начала был абсолютно катастрофичен.

— Хенуэй?

— Рекс Хенуэй, прежде помощник Фарджиона, а теперь режиссер фильма. И, Бог мой, как он нервничал, когда вышел на съемочную площадку. Буквально трясся в своих штанах, и еще как! Не знал, с какого бока подойти. Не мог решить, где установить камеру, не мог высипеть указания актерам, понятия не имел, что ему говорит О. — это оператор, — когда тот спрашивал его об объективах и фильтрах.

Ну, по справедливости, взяться впервые делать фильм — это жуть и жуть, что такое. Столько людей на площадке, и все они опытные-преопытные, а уж в сравнении с тобой... и сыплют на тебя сто один вопрос, и все разные, и ждут сто один правильный ответ. Не говоря уж про мысли о кинозрителях, которые будут фильм смотреть. Про все эти голодные глаза, ждущие, чтобы их накормили.

Я сама изучала Хенуэя при каждом удобном случае. Ну, выглядел он безупречно — саржевые брюки, измятые где положено, рубашка от Тернбулла и Ассера, и шелковый галстук от Шарве, а видеоискатель свисает элегантно, что твой монокль. Но чуть требовалось знать что к чему, когда делается фильм, он лишался языка. Он просто не мог совладать со всеми решениями и нерешениями, присущими кино, со всеми вмешательствами и помешательствами, с какими нужно иметь дело.

К концу первых трех дней все шло настолько наперекосяк, что снова пошли разговоры, что фильм закроют.

— Что же произошло? — спросил Трабшо.

— Что произошло? Я скажу вам, что произошло. На четвертый день, то есть в четверг — он стал совершенно другим человеком. Просто видно было, как из его пор сочится уверенность в себе. Как он справился со своей боязнью сцены, или боязнью экрана, называйте как хотите, я понятия не имею, но он с ним справился, это было очевидно. Алкоголь? Наркотики? Таблетки? Что бы это ни было, но он внезапно не только знал, чего хочет, но и знал, как этого добиться.

Преображение прямо-таки сверхъестественное. Он рывкал команды хватам и умельцам, умел разговаривать с технарями, а что до актеров, они все виляли перед ним хвостами. Владельцы студии в восторге от «поток», не спрашивайте меня, Трабшо, что это такое, расскажу вам как-нибудь в солнечный денечек, а финансисты не устают потирать потные ладони. Все катится по рельсам.

— Знаешь, Кора, — задумчиво произнесла Эвадна Маунт, — по-моему, все, что ты сейчас описала, объяснить совсем не трудно. Собственно говоря, со мной самой часто случается такое же.

— С тобой?

— Абсолютно. Сажу за своей старенькой пишмашинкой, и сажу, и сажу, и ничего не происходит. И вдруг — кто знает, как и почему — я уже бодро стучу по клавишам. Будто у моих пальцев начали появляться собственные идеи — идеи, о которых они даже не считают нужным посоветоваться со мной. И самое странное, что эти места оказываются самыми лучшими.

Не слишком интересуясь метафизикой литературного творчества, Кора пожала плечами.

— Что я могу сказать? Только повторить то, что на днях сказала Орсону: это бизнес, который мы именуем шоу.

Она извлекла из сумки два-три изящных инструментика своего ремесла и быстро поправила свое лицо — лицо, чье знакомство с ее возрастом становилось все отдаленнее, — и сказала:

— Voilà¹². Трабберс, Эви будет ждать, чтобы вы заехали за ней в Олбани... скажем, в девять утра? Вы поедете в Элстри, где я вас встречу, покажу вам все, познакомлю кое с кем из актеров и съемочной группы, ну, как полагается. А днем я снимусь в моем главном эпизоде. Договорились?

Трабшо оставалось только кивнуть.

Глава шестая

¹² Вот (фр.)

На следующее утро он позвонил в дверь Эвадны Маунт ровно без четверти девять.

— Какая непунктуальность, — нахмурилась она. — Я могла бы предвидеть.

— Непунктуальность? — воскликнул он. — Ну, послушайте! Чего еще мне ждать? — Он сверился со своими часами. — Ровно восемь сорок пять. Я раньше на пятнадцать минут.

— Вот именно. Появиться раньше — тоже форма непунктуальности, знаете ли. Теперь я вынуждена заставить вас ждать пятнадцать минут, и вы понудили меня чувствовать себя виноватой. Нет, мой дорогой Юстес, если мы будем продолжать видеться, вы должны соблюдать время точно. Точно, я говорю серьезно.

Прежде чем он успел оскорбиться на ее иезуитскую логику, она выскочила мимо него на лестничную площадку. Ее дряхлый силихэм-терьер Гилберт (названный в честь Честертона, как она объяснила старшему инспектору) проковылял вон из квартиры, едва заметил, что дверь открыта, и ради ворсистой олбанийской ковровой дорожки его тут же пришлось заманить назад.

— Боюсь, как и все мы, — вздохнула она, — бедняжка Гилберт на склоне лет стал легко протекать.

Когда, благополучно вернув Гилберта обратно, они наконец отправились в путь, Трабшо потребовалось менее часа, чтобы доехать до Элстри. Сама студия, однако, жестоко разочаровала их обоих. При всей внушительности фасада она не столько отвечала популярному представлению о Фабрике Грез, сколько смахивала на пошлейшее промышленное предприятие, пожалуй, на кожевенный завод или на большой кирпичный. Без каких-либо архитектурных отличий (сплошные бетонные стены в потеках и неказистые крыши из рифленого железа), она была, как презрительно отозвался Трабшо, обыкновенным складом, не больше и не меньше. Ни малейшего намека на Романтичность.

У главного входа, вдобавок, путь им преградил громогласный привратник, типичный мелкотравчатый тиран *genus bureaucratum*¹³.

— Не могу вас впустить, — сказал он, — если вам не назначено.

Эвадна Маунт, естественно, стерпеть этого не пожелала.

— Назначено! — рявкнула она на него. — Или, олух вы эдакий, вам мерещится, нет, вам, правда, мерещится, что мы притащились бы сюда из Лондона, не будь нам назначено?

— Ну, так покажите пропуск, — сказал привратник с подозрением.

— Назначено было лично. Как я могу показать вам то, чему не была придана печатная форма?

— В таком случае я не могу вас пропустить. Мне это будет стоить моей работы.

— Чушь! Говорят же вам, любезный, что мы приехали к мисс Коре Резерфорд, и по ее просьбе. Повторяю, мисс Кора Резерфорд! Если вы сию же секунду не откроете эти ворота, я возьму на себя труд присмотреть, чтобы вас заменили на кого-то, кто их откроет. Узнаете тогда, чего стоит ваша работа.

Несколько секунд он нервно прикидывал, как поступить.

— Может, если я позвоню...

Эвадна одолжила его своим патентованным выражением лица: «Чего еще ждать от мужчины!»

— Ни в коем случае! Боюсь, мисс Кора Резерфорд уже нестерпимо встревожена, быть может, опасаясь, что мы оказались жертвами страшного дорожного происшествия. И она будет в ярости... нет, нет, нет, если я знаю Кору, она будет метать молнии, когда узнает, что нас нет рядом с ней из-за вашего ослиного упрямства не впускать нас. Разрешите нам въехать, будьте так добры, если вам дорога ваша шкура.

Все еще в нерешительности, сознавая, что создает нежелательный прецедент, привратник наконец поднял шлагбаум и открыл двум посетителям доступ в благословенное Богом внутреннее святилище. Когда машина въехала в пределы студии, Эвадна не удержалась от хихиканья, наблюдая в зеркале заднего вида за уменьшающимся по мере их продвижения беднягой привратником, пребывавшем теперь в видимом ужасе от самовольства, которое в помрачении он им дозволил.

¹³ род бюрократический (лат.).

Несколько минут спустя, когда Трабшо припарковал «ровер», возник вопрос, как отыскать павильон 3, в котором, как сказала им Кора, снимался «Если меня найдут мертвой». Очевидным решением проблемы было бы спросить дорогу у какого-нибудь встречного. Но тут-то и была зарыта собака. Практически все встречные, возникавшие перед ними, казалось, были облачены в экстравагантные маскарадные костюмы. Им встречались Круглоголовые и Роялисты, Цыгане и Мушкетеры, Щеголи эпохи Регентства и Жемчужные Девы, и было как-то неловко затруднить их вопросом о столь обыденном направлении.

Однако, как часто случается, бродя между ангарами, сложенными из готовых бетонных блоков и практически составлявшими студию, они внезапно, волей Провидения, оказались перед самым огромным. Надпись на высокой металлической двери гласила «Павильон 3». Они пришли.

Согласно литературной легенде, поэт Колридж был оторван от письменного стола «человеком из Порлока», после чего никогда уже не смог вновь обрести экстазное вдохновение, создавшее первые несколько неугасимых строк «Кубла-Хана». Одному Богу известно (подумала Эвадна Маунт, созерцая открывшееся им зрелище, едва они отворили дверь), как что-либо, претендующее на непреходящую ценность, могло быть сотворено внутри павильона, который словно бы вмещал все население Порлока.

На извивающийся кабелями пол часть съемочной группы укладывала железнодорожные пути или что-то, смахивающее на железнодорожные пути. Другие, почти невидимые в вышине, крепили проволоку к шестам и шесты к проволоке, привинчивая и к тем, и к другим гигантские, а после включения слепящие глаз прожектора. Из-за вездесущей пыли и столь же вездесущего табачного дыма, клубящихся в перекрестьях световых лучей — у каждого до единого техника вызовом по адресу всевозможных табличек «не курить!» была между зубами зажата сигарета, — воздух ощущался прямо-таки осязаемым.

А когда романистка захотела поделиться своим первым впечатлением от мира кино, даже ей потребовалось поднять и без того высокий децибельный уровень своего голоса еще выше.

— Знаете, — прогремела она, — что мне все это напоминает?

— Нет. А что? — прокричал ей в ответ старший инспектор.

— Корабль!

— Что-что?

— Корабль! Шхуну девятнадцатого века. Сами поглядите. Поглядите на все эти палубы и паруса, и мачты, и такелаж. Говорю же вам, ну просто корабль, готовящийся отойти от причала.

— А знаете, вы правы. Да, я отлично понимаю, о чем вы. А мы с вами — будто пара провожающих на набережной, пришедших помахать пассажирам на прощание.

— Ради Кору, — сказала Эвадна Маунт, — пожелаем, чтобы кораблем этим не оказалась «Мария Селеста». Кстати о Коре, — добавила она. — Ума не приложу, как нам ее отыскать.

Не прилагать ум ей оставалось недолго. С дощечкой в руке и со сценарием, свернутым в плотный рулончик под мышкой, в совиных очках в роговой оправе, вздернутых на лоб, будто пара запасных глаз, явно крайне уравновешенная и в то же время странно похожая на эльфа молодая женщина тут же надвинулась на них.

— Извините, — сказала она спокойным деловым голосом, — но, боюсь, мне придется попросить вас немедленно уйти. Никаким посторонним не разрешается быть на площадке, когда идет съемка.

— Вы, я уверена, совершенно правы, — сказала Эвадна Маунт, с интересом ее разглядывая. — Но, *primo*¹⁴, мы не совсем посторонние, и, *secundo*¹⁵, насколько я могу судить, съемка еще не идет.

— Да нет же, она на ходу, — ответила молодая женщина, — пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что камера неподвижна, а актеры не играют. Это лишь верхушка айсберга. Собственно, именно так и делается фильм — через приготовления. Хотя не понимаю, с какой стати я должна тратить время на объяснения, что, как и почему в нашем деле. — Сдвинув очки на глаза, она инквизиторски уставилась на них. — Кто вы, собственно говоря? Как вы пробрались в студию?

— Ну, видите ли, мы друзья... — начал Трабшо.

¹⁴ во-первых (лат.)

¹⁵ во-вторых (лат.)

— А вы не статисты в фильме Агаты Кристи, который в пятом павильоне снимает Рене Клер? Как же он называется? «Десять каких-то-тят?»

Романистка чуть не взорвалась.

— Статисты в... — Она вздернула голову, не в силах произнести имя соперницы, в чьей тени она, казалось, была осуждена прозябать вечно. — Разумеется, нет. Это надо же!

— В таком случае будьте добры немедленно уйти. Мне не хотелось бы вызывать охрану.

— Это, — сказала романистка, бросаясь в атаку, — старший инспектор Трабшо из Скотленд-Ярда, а я, милочка, Я — Эвадна Маунт.

Первый легкий *sourçon*¹⁶ на интерес всколыхнул непрошибаемое хладнокровие молодой женщины.

— Эвадна Маунт? Неужели? Та самая Эвадна Маунт?

— Та самая. В настоящее время президент Детективного клуба и подруга Кора Резерфорд, одной из звезд вашего фильма. И она, могу я добавить, пригласила нас сюда сегодня, так что, без сомнения, в эту минуту старается понять, куда, ко всем чертям, мы пропали?

Молодая женщина торопливо взглянула на лист, припиленный к дощечке.

— Да-да, конечно, — наконец сказала она, энергично тыча себе в макушку острием карандаша. — Простите меня, нас предупредили о вашем приходе. Просто вы сами видите, какой тут сейчас кавардак, а мне надо о стольком думать. Приношу свои извинения. Позвольте мне представиться. Летиция Морли, личный помощник Рекса Хенуэя.

— Рекс Хенуэй? — сказал Трабшо. — Он продюсер фильма, так?

— Господи, нет! — затрепыхалась она. — Пожалуйста, не называйте его так при нем. Он сменил мистера Фарджииона... полагаю, вы слышали о безвременной кончине мистера Фарджииона?

— А Кора? — осведомилась Эвадна Маунт. — Она уже снимается?

При упоминании имени актрисы то, что с начала и до конца было не более чем условной улыбкой, полностью исчезло с лица Летиции Морли.

— Мисс Резерфорд? Само собой разумеется, она великая артистка, но, боюсь, подобно многим и многим великим артистам, она, как бы это выразить?.. Иногда она немножко не считается со своими коллегами. Кинодело, не забывая, требует коллективности, а некоторые наши ведущие звезды, и особенно если они женщины, к несчастью, лишены того, что можно назвать духом коллективизма. Фильмы, они же вроде поездов: должны следовать расписанию.

— Вы имеете в виду, — сказала Эвадна Маунт, — что она опаздывает?

— Если вы про нынешнее утро, то она опоздала на сорок минут. Это, право же, большая нагрузка на мистера Хенуэя, тем более, что роль мисс Резерфорд совсем не самая значимая.

Романистка засмеялась.

— Боюсь, Кора принадлежит к тем людям, которые всегда непунктуальны и тем не менее всегда имеют наготове объяснение, всякий раз новое.

— Ну, возможно, все это очень мило, но на съемочной площадке непунктуальность это смертный грех, извиняемый, и то с большой неохотой, только звездам первой величины вроде Маргарет Локвуд, знаете ли, или Линден Трэверс, тогда как Кора Резерфорд...

Она оставила свой комментарий незавершенным, и не только потому, что поймала себя на грани нарушения профессиональной этики, но еще и потому, что в эту самую секунду, щеголяя изящным и очень коротким выходным платьем, черным с лиловой отделкой, и помахивая неизбежным мундштуком, в поле их зрения наконец впрхнула сама актриса.

Эвадна и Трабшо наблюдали издали, как Кора подошла к кому-то, сидящему на складном стуле, на матерчатой спинке которого, как они теперь обнаружили, печатные буквы гласили «мистер Хенуэй». Однако видны им были только — будто у персонажа фильма в первом эпизоде, как им рассказала Кора, — его спина и маленькая щепотка профиля. Лишь когда он повернул голову вбок, чтобы выслушать, какое оправдание актриса найдет подобной задержке съемок, им было даровано обозреть в большей полноте черты его лица. Определить его возраст было нелегко: что-то между тридцатью и сорока. Лицо одновременно и напряженное, и лишенное

¹⁶ Здесь: намек (фр.)

какого-либо выражения, а глаза с пугающей стеклянистой непроницаемостью. Одет он был в невероятнейший из всех невероятных костюмов — в комбинезон фермера, но комбинезон такого безупречного покроя, что его элегантный шелковый галстук вовсе не выглядел неуместным. А на коленях у него восседала изысканно костлявая сиамская кошка, умывав мордочку нервными, дергаными движениями лапок, неумолимо приводящими на ум боксера в состоянии гроги, бесплодно взмахивающего руками.

— Рекс, милый! — вскричала актриса. — Знаю, знаю, я снова опоздала. Но, клянусь, не по своей вине. Когда я опаздываю, то всегда ради моего искусства, и, конечно же, любого артиста, особенно стремящегося к абсолютному совершенству, как можно не простить за это?

После краткого молчания, принявшись поглаживать кошку с такой энергией, что он рисковал протереть ее до дыр, Хенуэй ответил всего лишь:

— Моя дорогая Кора, от вас мне требуется не стремление к совершенству, а совершенство. Что за проблема на этот раз?

Кора бессердечно затеребила свое платье.

— Проблема была в нем. Мне пришлось просить Ви снова обуздать талию. Оно мне никак не шло, делало меня — только вообразите! — толстомысой! Толстомысая? Я? Ни в коем случае!

Она наклонилась погладить шелковистую угрюмую кошку, которая стала еще угрюмее, когда ее омовениям помешали.

— Киса, кисонька, — нервно проворковала Кора. — Кто у нас кис-кис?

Хенуэй надел маску героического терпения.

— Позвольте напомнить вам, Кора, что вы предположительно играете не следящую за собой жену, которой пренебрегают. Мы не можем допустить, чтобы вы выглядели чересчур привлекательной.

Режиссер внезапно сбросил с себя томную вялость. Сняв кошку с колен, он отцепил ее когти от комбинезона с такой же осторожностью, с какой велосипедист отцепляет петли свитера от колючей проволоки, и плюхнул ее на складной стул, стоявший рядом с его собственным с надписью на спинке «Като». Затем вскочил на ноги и хлопнул в ладоши.

— Ладно! Все по местам! Репетируем эпизод!

Обернувшись к Летиции, которая деловито зависала над ним во время его краткого препирательства с Корой, он сказал:

— Всех статистов на площадку!

— Статисты на площадку для эпизода сорок один! Статисты на площадку для эпизода сорок один!

Распоряжение, как в игре в «испорченный телефон», передавалось от одного ассистента к другому, пока словно вовсе не унеслось из павильона.

Кора тем временем, заметив своих друзей, сложила губы в целеустремленное «ауу!» и помахала им. Возведя небу обведенные сурьмой глаза, будто говоря: «Нет отдыха истощившимся в силах», она затем прильнула к Хенуэю, пока он, предположительно, давал ей заключительные инструкции, как должен быть сыгран эпизод. Тем временем статисты начали размещаться согласно распоряжению. Дюжина их, наполовину мужского пола, наполовину женского, все в вечерних шикарных костюмах. И в арьергарде под охраной суроволицей няни — двое детей: мальчик-херувим лет десяти, воплощение озорниковой злости в накрахмаленном матросском костюмчике, и застенчивая девчушка более чем вдвое его моложе, которая в нарядном изукрашенном лентами белом платье и миниатюрных балетных туфельках являла собой открытку Мейбл Люси Этвуд, заманенную в розовощекую в ямочках живую жизнь.

Затем настала очередь выйти на площадку ведущим актеру и актрисе. Пусть Гарет Найт более не был таким уж *jeune premier*¹⁷, как прежде, но благодаря иссиня-черным усам, элегантно-небрежной манере держаться и улыбке, той самой, которая разбила сердце столько продавщиц, он все еще умудрялся создавать завидно лихой и сорвиголовый образ. Что до Леолии Дрейк, актрисы, выбранной заменить покойную Пэтси Шлютс, то она, бесспорно, обладала тем, что киношники называют фотогеничной натурой, включающей аппетитность, сладострастность,

¹⁷ первый любовник (театральный термин. Буквально «юный премьер») (фр.).

пышность, соблазнительность и все прочие сугубо женственные атрибуты, которые кончаются на «ость».

— Черт двурогий! — воскликнул Трабшо, причмокнув. — Вот уж цыпочка, так цыпочка!

Ни на секунду не смазав тонко начертанную улыбку, Найт коротко кивнул Коре и пожал руку Хенуэю. Режиссер отошел к детям сказать им несколько слов ободрения. И площадка была готова для репетиции.

Репетировался, как немедленно заметил Трабшо, эпизод, который сразу же поразительно напомнил идею «Раз, два, три, четыре, пять, будем убивать» Эвадны Маунт. Фоном служила шикарная вечеринка с коктейлями, и хотя он практически ничего не знал об интриге, пробные прогоны, которые проводил с актерами Хенуэй, вскоре подсказали старшему инспектору, что вечеринка устроена Найтом и его женой (роль Кору), а также, что последняя, вращаясь среди гостей, неусыпно следила за слишком уж усердным вниманием, которым ее муж все настойчивее окружал самую молодую и сексапильную из гостей, героиню фильма, которую играла Леолия Дрейк.

И вот, когда Найт-таки зашел так далеко, что принялся нашептывать на ушко Дрейк нежные пустячки, возможно, неслышные, но, бесспорно, зримые, кризис разрешился. С бокалом шампанского в руке Кора, на глазах у всех доведенная до исступления своей лучшей ловеласничающей половиной, кончила тем, что переломила ножку бокала пополам. И тут, даже хотя съемка не велась, режиссер завопил:

— Стоп!

В целом эпизод репетировался четырежды. Однако ни один вариант не удовлетворил Рекса Хенуэя. Его «стоп!» от раза к разу звучали все раздраженнее. И после третьего и финального повторения, от бессилия чуть не соскользнув со своего складного стула, он закричал:

— Нет! Нет, нет, нет, нет! Никуда не годится!

Все — актеры, съемочная группа, статисты — равно умолкли. Каким бы зыбким ни был его авторитет в первые дни съемок, Хенуэй теперь завоевал безмолвное уважение своих подчиненных.

Летиция встала перед ним на колени.

— Но, Рекс, в сценарии же именно так!

— Ну и что? — несдержанно сказал Хенуэй. — Сценарий врет.

— Врет? Но...

— Это же не «Братья Карамазовы», Бога ради! А просто наметки.

— Разумеется, Рекс, разумеется.

— Нет-нет, чего-то не хватает, чего-то определенно не хватает. Он утомителен. Эпизод большого ничего. И даже не большого ничего. Это маленькое ничего, это ничего из ничего.

Он крепко прижал кулак ко лбу, возможно, бессознательно имитируя роденовского «Мыслителя».

— Может быть, милый, — рискнула Кора, — если бы мы...

— Помолчи, пожалуйста! — рявкнул он. — Неужели ты не видишь, что я думаю?

— Я только хотела предложить...

И вновь ей не было дано договорить фразу до конца. Столь же внезапно и драматично, как он прижал его туда, Хенуэй убрал кулак ото лба.

— Есть!

Он встал, целеустремленно прошагал на съемочную площадку, отвел свое трио главных исполнителей, задействованных в этом эпизоде, и начал что-то им шептать. Когда они поняли его новые инструкции (Кора лихорадочно закивала в знак согласия, Леолия Дрейк засияла на него улыбками, а Гарет Найт покачивал головой в безмолвном восхищении), Хенуэй щелкнул пальцами, чтобы к ним подвели девушку. Новые нашептывания — на этот раз ей потребовалось больше времени, чтобы усвоить его наставления. Однако и она, едва до нее дошло, принялась хихикать. Затем он сказал несколько негромких слов своему кинооператору, который немедленно начал производить необходимые изменения в настройке.

Теперь эпизод был готов для съемки.

Послышались требования тишины — один злополучный техник навлек на себя коллективные проклятия своих товарищей за то, что чихнул трижды подряд — и Хенуэй в выжидательной позе на краешке своего стула наконец закричал:

— Начали!

Поначалу ничего не изменилось. Держа тот же бокал шампанского, Кора так же рассеяно болтала с тем же статистом в смокинге, все время следя за Найтом, который, обмениваясь теми же самыми односложными любезностями, пока зигзагами двигался по заполненной гостями комнате, тем не менее проделал прямой, как стрела, круговой путь к Леолии Дрейк. Она тем временем, словно опасаясь бурности своих чувств к нему, пыталась избежать встречи с ним взглядом, пока медленно бочком двигалась к двери.

Затем, по сигналу, она, пятясь назад, наткнулась на девушку, и та хлопнулась на пол. Актриса немедленно опустилась на колени, чтобы помочь ей встать.

— Ах, милочка, прости меня, пожалуйста. Ну, до чего же я неуклюжа! Как ты? Не очень ушиблась?

Когда девушка важно покачала головой, Леолия, подчиняясь внезапному порыву, поцеловала ее в правую щечку.

И в ту же секунду Найт стремительно вышел вперед. Он тоже встал на колени рядом с девушкой и, точно синхронизировав свое движение с движением Леолии, поцеловал ее в левую щечку. У всякого, кто наблюдал за ними — а если статисты на них не смотрели, то все, кто находился по ту сторону камеры, ели их глазами — возникало впечатление, будто они целуются сквозь ребенка.

Затем, совсем так, будто говоря по телефону, Найт прошептал в хрупкое ухо девушки:

— Я люблю вас, Марго.

— Ах, Джулиан... — ответила трепетная Леолия Дрейк в другое ушко. — Прошу вас, не надо. Не здесь. Кто-нибудь может нас услышать.

— Как нас могут услышать, — возразил он, не моргнув и глазом, — когда у нас есть собственный, доступный только нам телефон? Опасности, что кто-то подключится, нет ни малейшей.

Недоумевающие глаза девушки метнулись справа налево.

— Скажи это, милая, — сказал Найт, — прошу, дай мне услышать, как ты скажешь это.

— Что скажу?

— Что ты тоже любишь меня.

— О да, да. Я так тебя люблю!

Туда-сюда метались глаза девушки, будто у зрителей на трибунах Уимблдона.

Романистка и детектив заворожено наблюдали, как камера теперь заскользила назад по небольшому отрезку своего железнодорожного пути и одновременно в безупречной скоординированности взмыла в затхлый пыльный воздух павильона на конце раскладной лестницы — лестницы, которая постепенно вытянулась над съемочной площадкой, пока из дюжины празднующих никто не остался вне поля ее зрения.

Затем она оказалась непосредственно перед Корой. Кора неумолимо сверкала глазами на флиртующую парочку. Ее лицо искажали спазмы ревности, она пробормотала проклятие. Затем в точнейший момент ее пальцы разломали на две равные половины тонкую, искусно ограненную ножку ее фужера для шампанского.

— Стоп! — крикнул Рекс Хенуэй.

Глава седьмая

Эвадна Маунт, Юстес Трабшо и Кора Резерфорд сидели за угловым столиком в кафетерии студии — буфете, на языке киношников. В реальном, неприукрашенном мире без гламура он назывался бы «столовка». Вопреки развешенным на всех четырех стенах фотографиям в рамках и с автографами любимейших звезд Элстри — Дэвида Феррара и Жанны де Казалис, Гая Ролфа и Беатрис Варли, Джозефа Томелти и Джойс Гренфелл, — едальня эта выглядела столовкой, и была она столовкой.

Поскольку помещение было почти так же полно сквозняков и смахивало на пещеру, как и съемочная площадка, с которой они удалились перекусить, ни у кого из них не возникло желания снять тяжелые пальто. Кора даже не сняла перчаток, хотя благодаря врожденной стильности она умудрилась убедить всех вокруг, что оперчаточная трапеза в столовке — самый-пресамый писк моды — *le dernier cri*¹⁸, как выразилась бы она сама. Даже вопреки тому, что для защиты тщательно сооруженной прически ей пришлось демонстрировать набор неприятно розовых бигуди.

Другие столики были монополизированы теми же статистами, которыми Эвадна и Трабшо уже повосхищались, когда только-только вступили в пределы студии. За одним столиком руританский гусар трапезовал в обществе двух фрейлин из Версаля Людовика XIV, за другим пожилой бобби с проникновенными моржовыми усами и с полицейским шлемом, водруженным посреди столика наподобие непомерно большой солонки, дружески беседовал именно с тем индивидом, с каким его реальный эквивалент никогда бы публично не сел за один стол — с мускулистым грабителем в черном трико, специалистом забираться на верхние этажи по внешним стенам. А за третьим столиком непонятная женщина с лицом словно лезвие топора иступленно вязала из лиловой шерсти что-то чудовищное. Не обращая на насыщающихся в буфете ни малейшего внимания, как и они на нее, она откладывала творимое изделие, только чтобы время от времени проглатывать кусок манного пудинга.

— Пст, Кора, — прошептала Эвадна.

— А?

— Скажи мне, вон та мадам Лафарж. Ты ее знаешь?

Кора повернула голову, не заботясь, что это может заметить объект любопытства романистки.

— Так это же Хэтти, — сказала она уничижительно.

— Хэтти?

— Хэтти Фарджион. Жена Фарджи. То есть вдова, имею я в виду.

— Вдова Фарджиона? А с какой стати она здесь?

— Так Хэтти всегда присутствовала на съемках фарджионовских фильмов. Сидит себе в углу и вяжет в полном одиночестве, никому даже слова не скажет, такая же отгороженная мышка, как сейчас. Официально она считалась консультантом Фарджи по сценарию, но на самом деле, как мы все знали, она торчала здесь, чтобы Фарджи не вздумал завести шуры-муры со своими ведущими актрисами. Шуры-муры или, так мне приходилось слышать, «шмачки-драчки». Сама я понятия не имею, — закончила она добродетельно.

— Но сегодня-то она зачем здесь? Раз Фарджион умер, и вообще?

Кора поиграла своим ломтиком мяса.

— Кто знает? Может быть, Леви... Бенджамен Леви, продюсер фильма, считает ее вроде счастливого талисмана. Ведь миллионером Фарджи сделала серия редких удач. А может быть, у нее есть какие-то финансовые права на фильм, и она оберегает собственные интересы. А может, просто следит, чтобы Хенуэй соблюдал верность сценарию ее мужа.

— В том-то и соль, — сказала Эвадна Маунт.

— Какая еще соль?

¹⁸ последний крик моды (фр.).

— Хенуэй верности сценарию не соблюдает. Не далее как нынче утром его осенило использовать уши ребенка будто две телефонные трубки. Должна сказать, я подумала: просто изумительно, как он нашел такой искусный новый прием прямо во время съемки.

— О, я совершенно с тобой согласна, — отозвалась актриса. — А ты не думаешь, что в него каким-то образом проникает гений Фарджи? Эманы, понимаешь? — сказала она неопределенно. — Или я подразумеваю эктоплазму?

Она с отвращением оттолкнула свою тарелку с яствами.

— Бог мой, какая несъедобная мерзость! Даже хлеб под маргарином, и тот черствый.

Закурив сигарету, она вернулась к обсуждаемой теме.

— Да, если Хенуэй не споткнется, он вполне может стать новым Фарджионом. Фарджи также были свойственны эти блистательные вспышки интуиции в самый последний момент. Помнится, я заскочила навестить Тая (Тайрон Пауэр — для вас, деревенщины!), когда Фарджи снимал «Загипсованного американца»... Вошь эдакая!

Не завершив свои воспоминания, она вновь взяла нож и вилку, наклонилась над тарелкой и сфокусировала все свое внимание на еде, которую только что отвергла.

— Бога ради, ни в коем случае, — зашептала она, — пожалуйста. Пожалуйста, не оглядывайтесь, не входите в зрительный контакт!

— С кем это мы не должны входить в зрительный контакт? — спросила Эвадна и, к отчаянию актрисы, немедленно оглянулась.

И оказалась лицом к лицу, вернее глаз к глазу, с желтовато-смуглым углубленно-серьезным молодым человеком, чьи бритая голова, темные очки без оправы, аккуратно подстриженная жидкая борода и черный свитер с высоким воротом намекали, что он чувствовал бы себя более дома в каком-нибудь клубящимся дымом джазовом погребке в Сен-Жермен-де-Пре. Держа перед собой поднос с едой, он явно намеревался присоединиться к ним.

— Добилась своего! — прошипела Кора.

Молодой человек ответил романистке хладнокровным взглядом, приблизился к столику вплотную и кивнул Коре. Сотворив импровизированную улыбку с такой ловкостью, будто вставила в рот между губами парочку новых фальшивых зубов, она протянула ему правую руку. Он секунду ее подержал, поднес к губам и чуть поцеловал пуговичку ее лайковой перчатки.

(— До чего континентально! — шепнула Эвадна Маунт старшему инспектору).

— А, мадемуазель Разззерррфорд, — сказал он с почти идеальным французским акцентом, — вы выгладите так *charmante*¹⁹, как всегда.

— О, благодарю вас, Филипп, — ответила Кора. — Может быть, вы присоединитесь к нам? Как видите, четвертое место у нас свободно.

— О, но это будет крайне любезно, — сказал француз, который, по правде говоря, уже огибал столик в направлении пустого стула.

— Думаю, вы не знакомы с моими друзьями, — сказала Кора. — Это Эвадна Маунт, автор детективов. И старший инспектор Трабшо, служивший в Скотленд-Ярде. А это, — объяснила она им обоим, указывая на их нового сотрапезника, — Филипп Франсэ. Он критик, — добавила она мрачно.

После рукопожатий и обмена «как поживаете», Эвадна осведомилась у Филиппа:

— Так вы критик? Кинокритик?

— Mais oui²⁰... как это по-вашему? Ну да, я критик фильмов.

— Как интересно. Но скажите мне, ведь довольно необычно, чтобы критик воочию наблюдал создание фильма? По-моему, ни о чем подобном я никогда не слышала.

Франсэ покачал головой.

— Видите вы, это совершенно обычно во Франции, где много необычного вполне обычно. В вашей стране, вы имеете резон, это часто не случается. Но это особый случай, длинная история.

Кора мгновенно вмешалась:

— Совершенно верно, милочка. Филипп пишет книгу о Фарджионе. Книгу-интервью, ведь так? Французы донельзя восхищаются Фарджи. Они не смотрят на него как на просто творца

¹⁹ очаровательная (фр.)

²⁰ Ну да (фр.)

развлечений, кондитера стильных триллеров, но... э... как... Пожалуйста, Филипп, скажите мне опять, они на него смотрят как?

— Где начать, — вздохнул он. Затем, с самого начала прекрасно зная, где, он послушно начал разглагольствовать. — Для нас, французов, Аластер Фарджион это не просто «мастер напряжения», как здесь его называете вы. Он, в первую очередь, глубоко религиозный художник, моралист, но столь же и метафизик, незаконнорожденный отпрыск, если вы хотите, Паскаля и Декарта. Он... как это вы говорите?.. Шахматный мастер, который играет с завязанными глазами сам против себя. Поэт, который расшифровывает тайные откровения, которые ниспослал сам себе. Сыщик, который раскрывает преступления, которые совершил сам. Короче говоря, он... mille pardons²¹... он был несравненно великий cinéaste²², тот, кого — как это говорите вы? — sous-estimé?

— Недооценен? — рискнула подсказать Эвадна Маунт.

— Недооценен, mais oui. Он был несравненно недооценен вами, англичанами.

— Но, милый, сколько раз я вам говорила, что нам, англичанам, нравится... — начала Кора, но тут же он ее перебил.

— Нравится! Нравится! При чем тут «нравится»? — Он вложил в этот глагол всю брезгливость, с какой мог бы коснуться чьего-то грязного нижнего белья. — Этот человек был гений. А гении не могут «нравиться». Разве вам «нравится» Эйнштейн? Разве вам «нравится» Кафка? Разве вам «нравится» По? Нет, нет и нет! Вы преклоняетесь перед ними, вы их боготворите. Точно так же, как мы, французы, боготворим Фарджиона. Конечно, — закончил он со внезапной резкостью, — он был crapule... cochon²³, свинья. Что вам еще нужно? Дурные манеры — неопровержимый признак гения.

— Ну, если вы так считаете, — вежливо усомнилась романистка. — Тем не менее, мсье Франсэ, поскольку Фарджион умер, а фильм ставит Рекс Хенуэй, вам же нет особого смысла оставаться тут?

Была ли это игра света, или на лицо Франсэ действительно легла почти незаметная тень?

— У меня есть свои причины. — Этим исчерпался его ответ.

Быть может, опасаясь, как бы не сказать чего-то, о чем ему придется пожалеть потом, он продолжал более уравновешенным тоном:

— D'ailleurs²⁴, этот фильм, он был проектом Фарджиона. На нем будут отпечатки его пальцев, нет? Режиссирует Хенуэй, но результат будет totalement Farjeonien²⁵. А поскольку я уже почти завершил мою книгу, то добавлю съемки этой последней, увы, posthume²⁶ работы в качестве приложения.

— Бесспорно, похоже, — сказала Эвадна Маунт, — что юный Хенуэй кое-чему научился у своего ментора. Кадр, который мы видели нынче утром, когда герой и героиня обмениваются поцелуями сквозь маленькую девочку? Мне сказали, что он не планировался, и тем не менее все почувствовали, что блеском он не уступает указанному в сценарии. Достоин самого Фарджиона.

— Правда. Его определенно не было в сценарии, — сказал Франсэ, звучно выделив наречие.

Наступила неловкая пауза. Затем романистка, которая пустоты не терпела, пожалуй, даже больше, чем Природа, сказала, не найдя ничего более подходящего:

— Так вы французский кинокритик, не правда ли? Как забавно. У нас в стране мы видим мало французских фильмов. Да и вообще иностранных, взятых вместе.

— О нет, мадемуазель, здесь вы ошибаетесь, очень ошибаетесь. По моему опыту, вы, англичане, вы любите смотреть только иностранные фильмы.

— Что вы, мсье Франсэ! — запротестовала она. — В Лондоне показывают очень мало иностранных фильмов, главным образом в кинотеатре под названием «Академия». И это такой Божий дар для нас, поклонников Седьмого Искусства.

²¹ тысяча извинений (фр.)

²² кинорежиссер (фр.).

²³ негодяй... свинья (фр.)

²⁴ Здесь: К тому же (фр.)

²⁵ полностью фарджионовский (фр.).

²⁶ посмертный (фр.)

— Мадемуазель, я подразумевал фильмы Оливуда.
— Голливудские фильмы? Но они же американские!
— Précisément²⁷. Они не британские. Значит, они иностранные фильмы, нет?
— Ну-у, да, — ответила она неуверенно. — Странно, тем не менее. Каким-то образом мы не замечаем, что они иностранные.

— А следует. Вот, как мы, — ответил француз с резкостью, которая только-только не перешла за край наглости.

Последовала еще одна неловкая пауза, прежде чем Трабшо, пока еще не произнесший ни слова, наконец заговорил.

— Я один раз смотрел французский фильм.

Франсэ уставился на него с оскорбительно неприкрытым недоверием.

— Вы? Вы смотрели французский фильм? Признаюсь, вы меня удивили.

— Пошел с несколькими моими коллегами из Ярда. После нашей традиционной встречи за обедом в ноябре.

— Вот как. И что это был за фильм?

— Боюсь, не очень чтобы. Назывался он «Дамы Булонского леса».

— А, да. Этот, он классический. Чистейший chef-d'oeuvre²⁸.

— Классический? Это правда? — Он переварил это сведение и повторил: — Классический? Ну и ну.

— Вы не согласны?

— Ну, мне и моим приятелям, а должен признаться, обедали мы не в сухоматку, если вы понимаете, о чем я, он показался до жути пресным.

— Пресным? Что такое «пресный»?

— Ну, мы ожидали чего-нибудь чуточку поглубже, чуточку попикантнее, ну, понимаете, ночные бабочки и все такое прочее. Конечно, тут есть своя ирония: окажись бы он таким, мы могли бы почувствовать себя обязанными позаботиться, чтобы киношку закрыли, мы же все отслужили свое в полиции. Ну, а в данных обстоятельствах мы почувствовали разве что желание потребовать свои деньги обратно.

После нескольких секунд взвешивания, не оскорбиться ли, Франсэ запрокинул голову в судорогах смеха.

— Вы, англичане! Ваше замечательное лицемерие! По-моему, мне оно нравится даже больше вашего знаменитого чувства юмора.

Не совсем понимая, как это воспринять, Эвадна повернулась к Коре.

— Ну, милочка, сегодня твой большой эпизод. Расскажи нам про него.

Кора погасила сигарету в дешевой жестяной пепельнице.

— Как я тебе уже говорила, милочка, эпизод этот будет теперь играть куда сочнее, чем предполагалось вначале. Я убедила Хенуэя, что его необходимо расширить так, чтобы пренебрегаемая жена — то есть я — более округлилась бы в психологическом смысле. Но копаться в этом незачем. Вам достаточно знать, что из-за беспардонного волочения моего мужа за Марго — роль которой играет Леолия Дрейк — я готова устроить ту еще бучу.

— Эта Леолия Дрейк... — пробормотал Трабшо с одобрением. — Она может поставить свои высокие каблучки ко мне под кровать, как только захочет. Извиняюсь, дамы, за свой французский, — сказал он Коре и Эвадне с виноватым поблескиванием в глазах, а Франсэ одарил его недоумевающим взглядом.

— Мужчины! — ехидно фыркнула Кора. — В любом возрасте вы не способны не распустить слюнки при виде пары губ сердечком и ресниц отсюда и досюда. Поберегитесь, Трабшо, не дайте малютке Леолии обдурить вас. Нежна она не больше, чем свастика. И слышали бы вы, как она распространяется о себе — ну прямо грядущая Вивьен Ли. Дуреха только-только наступила на нижнюю перекладину лестницы, и уже у нее закружилась голова.

— Какая же ты злопыхательная кошка, — проворчала Эвадна. — Ты же сама была молодой когда-то, насколько мне помнится.

²⁷ Здесь: Вот именно (фр.)

²⁸ шедевр (фр.).

— Ну, как я говорю, — продолжала Кора, не пожелав клюнуть на приманку, — я после вечера с коктейлями набрасываюсь на своего мужа, разражается жуткая ссора, и я кладу ей конец, швырнув в него фужер для шампанского.

— А это не опасно? — спросил Трабшо.

— Так это же, знаете ли, не настоящий стеклянный бокал. Сделан из какого-то там пластика. Но на большом экране его никому не отличить от взаправдашнего.

— Есть ли шанс, как по-твоему, что Хенуэй опять внесет в эпизод последнеминутную поправку?

— Так он ее уже внес.

— Да?

— Как раз утром, когда мы свертывались, он сказал мне, что придумал кое-какую мелочишку, которая добавит пикантность к ругани. Фужер для шампанского, про который я упомянула. По сценарию он пуст, понимаете. Ну а теперь, когда я поднимаю его над головой, то замечаю, что в нем еще осталась шипучка, и допиваю ее, прежде чем запустить фужер в лицо мужа. Блеск, дальше некуда, верно? То обстоятельство, что эта женщина не желает потратить даже несколько капель выдохшегося шампанского на своего неполноценного мужа, куда эффективнее десятка реплик донесет до зрителей всю глубину ее презрения к нему. Да, я правда верю, что Хенуэй может стать следующим Аластером Фарджионом.

* * *

Вернувшись на съемочную площадку, романистка и полицейский более или менее успешно увертывались от членов съемочной группы, которые пробегали мимо назад, вперед, туда, сюда, вылетали из павильона, затем снова влетали в него — и снова наружу. Тем временем Кора подставляла свой лоб, подбородок и кончик носа легкому подпудриванию кисточкой в руке хрупкой, миниатюрной китайочки неопределенного возраста. Гарет Найт безмолвно репетировал свой диалог, пока женоподобный молодой человек с канареечно-желтым платком на шее, затянутым так туго, что вспухли жилы, вновь зачесывал его волосы в волнистое совершенство. Рекс Хенуэй, с аннотированным экземпляром сценария под мышкой, вновь и вновь и словно бы без разбора прищуривался в свой видеоискатель. А Хэтти Фарджион сидела в одиночестве в собственном приватном уголке, в собственном приватном мире, надменно равнодушная к окружающей ее суете, и все еще усердно вязала, будто от этого зависела ее жизнь.

Наконец все было готово для первого дубля. Хенуэй сел на свой стул рядом с камерой, Като свернулась у него на коленях, а Летиция, прижимая к груди кипу заметок, заняла свое место рядом с ним. По павильону эхом — и эхом к эху — начали разноситься крики: «Пожалуйста, тишина!» Затем просто: «Тишина!» И наконец: «Не будут ли все так добры заткнуться! Мы начинаем съемку!»

— Ладно, — сказал режиссер двум исполнителям. — Кадр задуман как праматерь всех супружеских скандалов, а потому мне в нем требуется побольше укусов и укуса. Не забывай, Гарет, даже хотя ты в ту же меру выдаешь, что получаешь, глубже кроется чувство вины. Ты знаешь, что все, в чем тебя винит Кора, чистая правда. Так что, когда ты начинаешь орать на нее в ответ, я тем не менее хочу видеть таящиеся за этими твоими голубыми младенческими вместилищами души подлинную беззащитность, полную неуверенность в себе. На этой стадии картины мы не хотим, чтобы ты уже утратил симпатию зрителей. А Кора? Может быть, это еще и не последняя соломинка, но для тебя она последнейшая, и ты ни на секунду не собираешься снять Гарета с крючка. Ты поняла?

Он обернулся к оператору.

— Камера о'кей?

Оператор кивнул.

— Звук?

Звукооператор кивнул. Теперь настал его собственный черед кивнуть одновременно каждому и никому.

— О'кей, начинаем и... мотор!

Ассистент с хлопушкой зачитал вслух: «'Если меня найдут мертвой', эпизод двадцать пятый, дубль первый» и хлопнул своей хлопушкой.

Эпизод действительно оказался сочнее некуда, как и было обещано, и оба участника, рыская по съемочной площадке — роскошно мягкой мебели гостиной, усеянной останками вечера с коктейлем, — играли по самую макушку и выше.

Кора, актриса до кончиков ногтей, когда ей представляли случай показать себя такой (как Трабшо уже говорил себе), умудрилась быть разом нежной и наждачной, чувствительной и тем не менее жесткой, как старые сапоги. Подобно виртуозу, проигрывая в устремлении к крещендо с головокружительным обрывом все гаммы человеческой горести и злобы, сдерживая истерику, сколько возможно, лишь бы дать ей вырваться наружу, взорвавшись, она ни разу не произнесла хотя бы две реплики диалога с одной интонацией, ни разу не повторила один и тот же эффект.

Наблюдать за игрой Найта оказалось не менее захватывающе. Были моменты, когда он выглядел не более чем агрессивным, пьяным, зловеще задиристым душой общества с зафиксированной улыбкой на губах, практически неотличимой от оскала. В другие моменты, пытаясь уклониться от ураганной силы ярости Кору, ее пронзительного голоса и тычущего указательного пальца, он с такой видимой безыскусственностью и искренностью отстаивал свою невиновность, что зрители были вынуждены пересматривать сложившееся было мнение, на ком из двоих лежит ответственность за неудачу их брака.

Такой впечатляюще сыгранной, такой надрывающей душу и реалистичной была ссора — до того предела, когда подглядывание и подслушивание подобной интимной трагедии воспринималось почти непристойным, — что, даже не будь всем в павильоне приказано хранить полную тишину, они в любом случае, конечно же, ее сохранили бы.

Внезапно Найт, выпрямившись во весь свой шестифутовый-и-двухдюймовый рост, встал перед на секунду умолкшей Корой.

— Признай же, Лойс, — сказал он, понизив голос на октаву, — что наш брак — одна видимость.

— Видимость?

— Да, он всегда был только видимостью. С самого дня, когда я сделал тебе предложение. Я просил твоей руки, но, как я вижу теперь, ты была готова только подставить мне локоть.

— Что, собственно, это должно означать?

— Тебе не нужен был муж. Тебе требовался только эскорт.

— Да это же...

— Что до любви, ее ты мне дать вообще не могла, ты ведь даже не знаешь, что это такое. Ты никогда не знала, что это такое. И вот почему, — закончил он печально, — не отрицаю, я действительно искал ее на стороне.

Благодаря какой-то неопределимой алхимии, тайна которой известна только великим артистам, ярость, столь обезобразившая черты Кору, внезапно сменилась краткой, но яркой вспышкой самопостыжения, когда обнаружилась не только эмоциональная фригидность этой женщины, но и тот сокрушающий факт, что она сама тоже ее увидела. Это было преображение, которое, пусть на секунду или две, сделало экранный образ симпатичным, даже чуть-чуть трогательным.

...Не более чем через пару секунд вновь возникла мегера.

— Ах, ты!.. — завизжала она, подняв над головой фужер с шампанским. Тут, разумеется — и все поняли, какой блистательной была идея Хенуэя, — она заметила, что фужер наполовину полон. С нелепой искаженной улыбкой она выпила шампанское единым глотком и, вновь подняв фужер, приготовилась запустить его в Найта.

И тут произошло это.

Само время зависло. Секунду Кора держала пустой фужер над головой, в следующую дала ему упасть на пол. Обеими руками она стиснула свое горло так крепко, что ее уже выпученные глаза почти выскочили из орбит. Затем, явно пытаясь закричать, но выдавив из себя только глухой стон, побелев, она рухнула на пол бесформенной грудой.

Неужели опять?

Эти два слова зарезонировали в мозгу Трабшо. Казалось, только вчера он наблюдал подобную же сцену, разыгранную на подмостках «Королевского театра» в Хеймаркете. И она оказалась первоапрельским розыгрышем. Окажется ли и эта сцена такой же безвкусной комедией?

Он метнул быстрый взгляд на Эвадну Маунт. Если это шутка, она должна знать. Но она окаменела, будто в трансе. Нет, романистке это не показалось шутливым розыгрышем.

И никому другому. Павильон напоминал *tableau vivant*²⁹ типа украшающих обложки дешевых триллеров. Никто не произнес ни слова, никто не шелохнулся, никто не был способен, хоть что-то сделать. То есть никто, кроме самого старшего инспектора. Своему возрасту, своей грузности вопреки, он кинулся вперед на съемочную площадку, спотыкаясь о кабели, отталкивая с дороги членов съемочной группы, пока не остановился прямо над Корой.

Тут же он встал на колени рядом с ней, поднял ее руку, пощупал пульс и приложил голову боком к ее груди.

Хотя, разумеется, он был всем тут неизвестен, никто не препятствовал ему осматривать актрису, никто не подверг сомнению его право вообще быть тут. И если многие из следивших за ним уже знали, что он скажет, они все с напряжением ждали, чтобы он сказал это.

И несколько секунд спустя он это сказал:

— Она умерла.

²⁹ живая картина (фр.).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава восьмая

— Крепитесь, старушка...

Трабшо нагнулся к Эвадне, которая сидела за одним из пластиковых столиков пустого буфета; ее лоб блестел, ее пенсне тоже блестело, ее лицо все еще хранило меловую бледность, какую обрело, когда она стала свидетельницей смерти Кору.

Успел миновать час. Полиция была тут же извещена и, несомненно, уже прибыла, а по указанию того же Трабшо никому из присутствовавших в павильоне в момент совершения убийства (возможно, под влиянием фильма, снимавшегося ими, все заранее решили, что случившееся не может быть ничем, кроме убийства) не было позволено уйти. Однако, видя состояние Эвадны, он, кроме того, высказал мнение, что самому ему будет лучше увести ее в какое-нибудь не столь людное место, более уединенное, такое, короче говоря, где она сможет прийти в себя вдали от любопытствующих посторонних глаз.

Никто не возражал. Воспоминания о применении власти воздействуют не менее самой власти, и, даже возникни у кого-либо желание возразить, никто не соблазнился бы возразить бывшему инспектору Скотленд-Ярда.

— Как вы себя чувствуете, Эви? — спросил он теперь поразительно нежным голосом. — Скрепили сердце, э?..

Она выдавила слабую улыбку.

— Юстес, вы удивительны.

— Удивителен? — повторил он. — Я?

— Да, вы. Мне прежде и в голову не приходило, что от грозных, больших, внушительных полицейских можно ожидать такой умелой и заботливой поддержки. Во всяком случае, ни за кем из них в моих «Ищи убийцу!» этого не замечалось, и теперь я понимаю, что клеветала на вас на всех. Не знаю, что бы я без вас делала. Сваляла бы, наверное, последнюю дурочку.

— Ш — ш-ш! Ш-ш-ш! Просто поразительно, как вы взяли себя в руки, особенно, если подумать, как близки были вы и... и мисс Резерфорд.

Хотя под конец он и актриса перешли на имена, такая посмертная фамильярность с ней казалась ему неприличной.

— Вы знаете, Юстес, — ответила романистка, — последние двадцать лет я тратила на то, чтобы блаженно убивать моих персонажей, сочиняя для них самые живописные способы смерти, и, полагаю, в самой глубине моего сознания я всегда гадала, как я среагирую, если подобная судьба постигнет кого-нибудь из моих знакомых. Роджер ффолкс уже был пробным камнем, но Кора! Как могло подобное постигнуть Кору?

Последние годы мы не общались, но вы знаете, что говорят о последнем вздохе умирающего, и когда умирает женщина вроде Кору, то перед глазами ее друзей мгновенно проносится вся ее жизнь. Столько чудесных часов, чтобы вспоминать... Она была той еще старой козой, и, Господи, какой молодой козой она была! О, у нее были свои недостатки. Стоило ее довести, и она становилась сущей дьяволицей, но на самом деле она никогда никому не желала зла. Просто не могла устоять перед соблазном дать сдачи покрепче. В половине случаев она искренне терялась, вдруг обнаружив, что обидела тебя.

— Понимаю, — пробормотал Трабшо, взвешивая. — Конечно, я ее едва знал, но, мне кажется, я узнаю ее в том, что вы сейчас говорили. Все эти ее поддразнивания — ну, будто она играла в пьесе, если вы понимаете, о чем я, будто любые ее слова действуют на вас не больше, чем на актера, с которым она играла бы.

— Абсолютно так. В конце-то концов, вы же не станете набрасываться на актера, которого только что видели в роли Яго или Ричарда Третьего, если после спектакля встретите его на улице, ведь верно? Кора просто играла роль, роль, которую была рождена играть: острой на язычок,

выпускающей коготки звезды сцены и экрана. А теперь она мертва. Бедная, милая, удивительная, возмутительная Кора. Небеса наконец стали Небесами, теперь, когда она там... Странно, — добавила она вполголоса, — не знаю почему, но я всегда была уверена, что из нас двоих первой умру я. Ощущение такое, будто она протолкалась без очереди... Кора мертва... — снова сказала она, все еще не в силах поверить.

И как раз повторила «Кора мертва», когда дверь в буфет открылась и вошла Летиция Морли. А за ней — красивый, мальчишеского вида молодой человек в поношенном светло-коричневом дождевике и с чопорным черным котелком в руках.

— Вот, пожалуйста, мисс Маунт, — сказала Летиция, протягивая выдавшую виды серебряную карманную фляжку. — Гарета Найта. Боюсь, шотландское виски, а не коньяк, но оно вполне сойдет. Глотните.

— О! Благодарю вас, дорогая, вы очень-очень милая девочка.

Эвадна отвинтила крышку, поднесла фляжку к губам и сделала длинный булькающий глоток. Почти немедленно на обеих ее щеках проступила краска.

— А-ах! — вздохнула она. — В самый раз.

Почувствовав, что момент благоприятен, оплаченный молодой человек шагнул вперед и почтительно обратился к старшему инспектору:

— Мистер Трабшо, сэр?

— И что? — Трабшо бросил на него проницательный взгляд. — Извините, мне, как будто, следует вас узнать...

— Ну, я вас, безусловно, узнал бы где угодно, — сказал молодой человек с неуверенной улыбкой, его беспокойный кадык подскакивал вверх-вниз, — даже хотя мы не виделись чуть не пятнадцать лет. Я Том Колверт.

Трабшо прищурился на него.

— Да, конечно же! Регулировщик Том Колверт. Вернее — приношу извинения — инспектор Томас Колверт, уголовная полиция Ричмонда, как я читал. Поздравляю, малыш!

Молодой полицейский кивнул, застенчиво покручивая свой котелок.

— Спасибо. Своим успехом я обязан вам больше, чем кому-либо. И, позвольте сказать, сэр, просто потрясающе, как за все эти годы вы ни чуточки не изменились.

— Почему-то я думал, что вы обязательно это скажете, — ответил Трабшо с сардонической улыбкой.

— Но почему?

— Да без всякой причины. Без малейшей. Так вам поручили и это дело тоже, а?

— Тоже?

— Ну, я читал, как вы расследовали пожар на вилле Аластера Фарджиона в Кукхеме, а вот теперь вы тут.

— Так вы про это дело слышали?

— Не просто слышал, но и следил за ним со всем вниманием, даже въедливее, чем вы могли бы вообразить.

— Ну, сэр, представлялось только логичным отдать и это дело мне. Не то, что по-нашему между ними есть какая-то связь, за тем исключением, что Фарджион, как, думается, вам известно, предполагался в продюсеры фильма, который они сейчас тут снимают.

— В режиссеры, — сухо сказал Трабшо.

— Что-что?

— Положитесь на меня, Том, мой мальчик. В режиссеры, не в продюсеры.

— Спасибо, сэр. Как вижу, вы освоили их арго.

— И еще как! Видите ли, я проводил здесь день с... — он обернулся к Эвадне, — с известной писательницей детективных романов Эвадной Маунт.

— Ах да, конечно! — с сердечной теплотой сказал Колверт, пожимая ей руку. — Очень рад поддержать знакомство с вами, мисс Маунт. И позвольте выразить глубочайшее сочувствие. Я знаю, Кора Резерфорд была вашей давней подругой.

— Поддержать знакомство с ней? — сказал озадаченный Трабшо. — То есть как это?

— Или вы забыли, Юстес? — сказала романистка. — Когда мне захотелось пригласить вас сюда, именно мистер Колверт был столь любезен, что снабдил меня вашим домашним адресом.

Прежде чем Трабшо успел ответить, Колверт, сумев подавить улыбку, услышав крещеное имя старшего инспектора, объяснил:

— Да-да, сэр. Я дал мисс Маунт ваш адрес. Я знаю, это не положено, даже когда дело касается отставников вроде вас, но она настаивала, что вам будет приятно весточка от нее, и я полагал...

— Ничего, ничего, — отозвался Трабшо благодушно. — Честно говоря, я-таки был крайне рад. К несчастью, то, что началось так приятно, теперь обернулось кошмаром.

— Да, хуже придумать трудно.

— Так ее отравили, я полагаю?

— Все указывает на это, сэр. Конечно, доктор только сейчас приехал, но и он не сможет сказать нам ничего окончательного, пока не произведет вскрытие. Однако яд выглядит наиболее вероятным. Но вот какой именно яд, вопрос другой.

— Никакого остаточного аромата горького миндаля, я полагаю, — сказала Эвадна Маунт.

— Не знаю, — сказал Колверт, — но, боюсь, мисс Маунт, поскольку мы здесь в реальном мире, то не можем полагаться, что нам такого рода улику сервируют готовой на блюде. Увы, это не один из ваших «Ищи убийцу!». — Он опять повернулся к Трабшо. — Медэксперт... Кстати, вы, вероятно, знаете его с прежних времен, доктор Бекуит... — Трабшо кивнул. — Ну, он перестраховщик. Из тех, кто избегает что-нибудь говорить, пока не будет на сто процентов уверен в своих фактах и цифрах. Но я-таки добился от него, что, по его мнению, это скорее всего яд на кислотнo-щелочной основе. Такие яды, понимаете, совершенно бесцветны и безвкусны, и хотя глотать их — жуткое дело, через десять секунд все кончено. Но, как я сказал, до вскрытия мы ничего толком знать не будем.

— Коварное дело, Колверт, — сказал Трабшо, — когда тут топчется столько народу.

— И не говорите, — отозвался Колверт со вздохом. — Между перерывом в съемках и моментом, когда Кора Резерфорд упала мертвой, на съемочной площадке перебивало не меньше сорока трех человек. И у каждого был удобный случай добавить яд. Мы уже знаем, когда лимонад был налит в фужер и кем, но это все.

— Лимонад? Я думал, шампанское.

— Кто же разрешит актерам хлебать шампанское? Нет, это была какая-то прозрачная содовая шипучка. Пока доктор осматривал тело, подошел этот тип, почти в слезах, он заведует реквизитом, и в час дня перед самым началом дневной съемки он открыл бутылку шипучки и наполнил фужер до половины, согласно полученным инструкциям. Он хотел доказать свою непричастность до того, как ему стали бы задавать вопросы, и, правду сказать, я его не виню. Первым, за кого мы бы взялись, был бы тот, кто налил фужер.

— И вы думаете, ему можно верить?

— Собственно, почему бы и нет? Никакого мотива, понимаете. Тридцать лет работает в кино, по его словам. И, самое главное, у него есть свидетели.

— Свидетели?

— Выяснилось, что его помощник, тот, который принес бутылку лимонада из столовой студии, задержался настолько, что увидел, какой свинтил крышку. А мисс Морли, — он кивнул на Летицию, — тоже присутствовала и подтверждает, что в фужере количество жидкости точно соответствовало отлитой. — Он поколебался и посмотрел на Летицию, предлагая ей завершить объяснение. — Мисс, вы не повторите то, что сейчас рассказали мне?

Летиция ответила с характерной невозмутимостью.

— Суть в том, — сказала она Трабшо, — что я, помимо всего, отвечаю еще и за так называемую непрерывность, слежу, чтобы красный носовой платок в нагрудном кармане актера в одном кадре не превратился бы в следующем в желтый носовой платок в кармане брюк. Вот за такими деталями. Ну, когда Реквиз (настоящее его имя Стэн, но его все зовут Реквизом) пришел на площадку с бутылкой лимонада, я должна была присутствовать и проверить, что в фужере мисс Резерфорд «шампанского» в дневном кадре было ровно столько же, сколько в утреннем. И могу показать под присягой, что Реквиз открыл бутылку у меня на глазах.

— Следовательно, он отпадает. — Колверт вздохнул еще раз. — И мы остаемся ровнехонько с сорока двумя подозреваемыми, из которых любой мог добавить яд. Я уже выяснил — киношники эти народ очень болтливый, — я уже выяснил, что на подготовку нового кадра как они выражаются, уходит масса времени, и фужер стоял на столе почти час, пока все занимались своими обязанностями, устанавливали прожектора, протягивали кабели, гримировали актеров и

актрис, и уж не знаю, какими еще. У меня нет ни малейшей идеи, с чего начать. Вернее, у меня нет ни малейшей зацепки. Точка.

— Так не могу ли я предложить вам одну? — сказала Эвадна Маунт, не упустившая ни единого слова в разговоре Колверта с Трабшо.

— Одну — что?

— Зацепку. И очень существенную, если я не ошибаюсь.

— Буду весьма благодарен, мисс Маунт, и за самую пустячную.

— Ну, — сказала она, — как подтвердит Юстес, мы вместе наблюдали утреннюю съемку, прежде чем пойти в буфет перекусить с Корой. И за столом она упомянула, как Рекс Хенуэй, режиссер, по завершении съемки отвел ее в сторону, чтобы сообщить новую, только что его осенившую идею для большого эпизода, который предстояло отснять. Идея заключалась в том, что в фужере должно остаться немного шампанского или там лимонада, и Кора должна его дотопить одним глотком перед тем, как запустить фужер в Найта. По сценарию, видите ли, она должна была просто схватить пустой фужер, и, естественно, все ожидали, что эпизод будет сниматься именно так. Ergo³⁰, — заключила она, с явным удовольствием услышав, как латинское слово соскакивает с ее языка, — кто бы ни решил отравить Кору, он мог выпестовать свой план только между двенадцатью дня, когда Хенуэй обрел эту идею, и двумя часами, когда она сама выпила лимонад.

— Проклятие! — обрушился Трабшо на себя. — Почему я не додумался до этого сам?

— А значит, — продолжала романистка, вновь воздев руку, будто регулировщик, дирижирующий движением разговора, а главное, чтобы предостеречь старшего инспектора не вторгаться в то, что она уже считала своей личной улицей с односторонним движением, — убийца должен так же безусловно принадлежать к, так сказать, группе избранных. Иными словами, только к тем, кто мог узнать об изменении плана Хенуэя.

И Колверт, и Трабшо мгновенно уловили справедливость и значимость ее вывода.

— Бог мой, Эви! — вскричал Трабшо. — Бедная старушка Кора была убита только-только, а вы уже установили важную улику. Вы — самое оно!

— Да, браво! — подхватил Колверт. — Одно это ваше вдохновенное заключение заметно сузило поле расследования. Теперь нам просто остается составить список тех, кого в силу их обязанностей должны были проинструктировать об изменениях в связи с фужером. Честное слово, во всяком случае, мы сдвинулись с места.

— Есть ли какие-нибудь причины, мистер Колверт, которые мешали бы нам начать немедленно? — осведомилась романистка. — Это преступление само себя не раскроет.

— То есть как — немедленно?

— Начать составлять список. Много времени это не займет. Не верю, что кому-нибудь из этих... как бишь назвала их Кора?... хватов и растамшей сообщили бы про изменение. Как я сказала, это могут быть только несколько избранных. Я даже думаю, что парочка первоочередных подозреваемых сидит прямо здесь, в этом помещении.

При последних словах Колверт, кивавший на каждую деловую подробность, всплывавшую в разговоре, весь напрягся, будто без отлагательств намеревался задержать (с помощью наручников, если понадобится) двоих преступников, едва на них остановится указующий перст.

Со своей стороны Трабшо только улыбнулся.

— Если я не ошибаюсь, Том, — сказал он, — она подразумевает нас, меня и себя. Я прав, Эви, верно?

Романистка согласно кивнула, и Колверт покачал головой.

— Вы двое — подозреваемые? Послушайте, мисс, будьте серьезны.

— Уверяю вас, я вполне серьезна, смертельно серьезна. Какой смысл составлять этот список, если он не будет исчерпывающим и беспристрастным? Мы с Юстесом самые первые услышали из собственных уст Кору о новой находке. И пусть даже весь этот день мы все время находились в поле зрения друг друга, а к тому же нас — как всего лишь посетителей, если не сказать наглых вторженцев, — к съемочной площадке и близко не подпускали, тем не менее мы физически находились возле места преступления и вполне могли бы совершить его поодиночке или в

³⁰ Итак (лат.)

сговоре, при помощи какой-то хитрейшей манипуляции. Такое вот невозможное преступление, о которых вы читаете в антологиях.

— Хорошо, мисс Маунт, будь по-вашему, если вы настаиваете. Вы с мистером Трабшо — подозреваемые номер первый и второй. Теперь не перейти ли нам к делу? Третьим подозреваемым, а что касается меня, то и первым в точном смысле слова, должен быть этот Рекс Хенуэй. В конце-то концов идея принадлежала ему.

— А! Но разве вы не видите, инспектор, что, если только я не крайне ошибаюсь, самый факт, что Хенуэй режиссерски предложил Коре выпить из фужера лимонад, оказавшийся отравленным, служит ему алиби.

— Алиби? Как так? Это же прямая противоположность алиби.

— Вовсе нет, — возразила она. — Просто слышу, как он может прореагировать на подобное ваше обвинение. «Мой дорогой инспектор, — продолжала она, колдовски воспроизводя ограненные гласные режиссера, — планирую я на самом деле убить милую бедняжку Кору, вы полагаете, я бы сказал ей — причем, заметьте, публично, — чтобы она выпила из бокала, который, как я уже знал, содержал отраву?»

— Хм, — сказал Колверт, поглаживая щеку, на которой почти не было заметно следов огрубляющих забот бритвы, — я понимаю ваш довод...

Теперь настал черед Трабшо заговорить:

— Погодите-ка, — сказал он. — Да, Эви очень проницательно указала, что серьезно рассматривать нам нужно заметно меньше подозреваемых, чем первоначальные сорок два. Шапки долой перед ней, даже хотя, — добавил он чуть-чуть не слишком галантно, — вы или я сам пришли бы в конце концов к этому выводу. Но есть кое-что, о чем она словно бы забыла.

— О? — сказала Эвадна. — И что же это, дозволено ли мне спросить?

— Ну конечно, я не претендую, будто хорошо знаю киношников, но зато с убийцами опыт у меня большой. Так вот, кто-то, лелеющий предумышленное намерение убить, вполне мог явиться на место своего намеченного преступления с пистолетом, револьвером или даже с ножом, спрятанным на нем в надежде, что возникнет удобный момент для совершения преступления. Но яд? До самого перерыва и вопроса не вставало о том, что Кора будет пить из фужера. Неужели вы двое серьезно думаете, будто ее убийца расхаживал последние дни по павильону — с того момента, как они начали снимать этот проклятый фильм — с фляжкой отравы в кармане? Э? И где они могли надеяться раздобыть такую фляжку за два или около того часа, которые миновали между тем, как Хенуэй обрел свою новую идею и как Кора проглотила яд? Ответьте-ка мне.

Брови Колверта подтвердили логичность довода старшего инспектора.

— Д-а-а, бесспорно, это еще один момент, который нам следует учесть.

— Еще бы, — сказал Трабшо. — А это значит, что Хенуэй остается вашим подозреваемым номер один.

— Ладно, — сказал Колверт, — итого нам известны трое. Вы двое и Хенуэй. Кто-нибудь еще, по-вашему?

— Филипп Франсэ, — рекомендовала Эвадна Маунт.

— А это вообще кто?

— Французский кинокритик.

— Все ясно. Я и сам критиков не очень жалую. Ничего не делают, только критикуют.

— Один из величайших поклонников Фарджиона, пишет о нем книгу, то есть так он утверждает. И в Элстри он, чтобы наблюдать за съемкой фильма. Кроме того, должна вам сказать, он по собственному приглашению подсел за столик к Юстесу, Коре и ко мне в буфете. Так что он знал про фужер все.

— А предположительный мотив?

— Вот так прямо, Том? — сказал Трабшо. — Мы впервые увидели этого малого не далее как два-три часа назад. Оставьте шанс нам, старым рецидивистам.

— А ваше мнение, мисс Маунт?

— В этом я должна согласиться с Юстесом. Правда... правда, было кое-что...

— Кое-что?

— У меня было такое чувство, — ответила она, на мгновение задумавшись. — Даже не наитие. Ничего, что стоило бы сообщать. Во всяком случае, пока.

— Вот так. У нас теперь есть четверо подозреваемых. Кто еще?

— Я.

Вздвигнув от неожиданности, все обернулись и увидели Летицию Морли.

— Вы, мисс? Вы признаетесь, что вас следует подозревать?

— Я ни в чем не признаюсь, — ответила она с тем всегда слегка обескураживающим самообладанием, которое, казалось, было ее определяющей чертой. — Я говорю только, что если я приму критерии, на которые опирается ваш процесс определения подозреваемых, то, по-честному, я не могу себя исключить.

— Простите, но вы?..

— Летиция Морли. Я личный ассистент Рекса... мистера Хенуэя, следовало бы мне сказать. В качестве таковой я, разумеется, обязана знать все, что его осеняет, сразу же в момент осенения. Когда он предложил мисс Резерфорд выпить шампанское, он тут же сообщил об этом мне, а я пошла и сказала Реквизу, чтобы наполовину наполненный фужер находился именно там, где ему полагалось находиться, когда Рекс будет готов приступить к съемке этого кадра.

— Понимаю, — сказал Колверт. — Благодарю вас за вашу откровенность. Это так необычно, так освежающе.

— Ни на секунду, поймите, — продолжала она невозмутимо, — я не намекаю, будто я убила Кору Резерфорд. Пусть даже непрофессиональные выходки этой женщины и допекали меня, в моем неприятии ее не было ничего личного и, поскольку мое профессиональное будущее зависит от того, как я проявлю себя на съемках этого фильма, с моей стороны было бы очень глупо поставить свое будущее под удар, прикончив актрису или актера, занятых в нем. Однако, — добавила она, к нарастающему изумлению своих слушателей, — раз уж вы определили всевозможные хитроумные улики, думаю, мне следует коснуться моей собственной, прежде чем она обратится против меня. В свое время я прочитала немало «Ищи убийцу!» — в том числе ваши, мисс Маунт, — и если я что-то почерпнула из них, так это идею, что яд — традиционное женское оружие. — Она посмотрела на Эвадну Маунт. — Ведь это так?

— Ну-у... — сказала романистка, против обыкновения почти онемев, — полагаю, это условность жанра. Но отсюда не следует, будто мы, авторы «Ищи убийцу!», верим, что всякий раз, когда кого-нибудь отравляют, это по необходимости сделала женщина.

— Да? — сказала Летиция. — Бесспорно, читателям вы внушаете именно такое убеждение.

— Не забывайте, — сказал Трабшо, — если вы действительно читали романы Эви, вы должны знать, что убийца-мужчина вполне может использовать яд как раз для того, чтобы сбить полицию со следа, в надежде, что искать будут женщину.

— Может быть и так, не спорю. Я всего лишь упомянула эту условность, как ее назвала мисс Маунт, только для того, чтобы напомнить вам: на первый взгляд, тот факт, что мисс Резерфорд отравили, теоретически делает из меня даже еще более вероятную подозреваемую, чем прочие в вашем списке.

Ее тираду они дослушали, покачивая головами и от недоумения, и от нескрываемого восхищения. Молчание наконец нарушил Колверт:

— Очень хорошо. Видимо, это делает вас Подозреваемым номер пять. И раз уж вы были так похвально откровенны в высказывании ваших мнений, мисс, а к тому же знакомы со студией лучше кого-либо из нас, так, может быть, вы сами выдвинете кандидата на номер шестой.

— Конечно, — сказала Летиция с тем же непробиваемым апломбом, который демонстрировала с самого начала. — И не только номер шестой, но и номер седьмой. Поскольку кто-нибудь рано или поздно укажет вам на них, с тем же успехом это могу сделать я, и теперь же. Гарет Найт и Леолия Дрейк также должны считаться подозреваемыми.

— Гарет Найт, э? — сказал Колверт. — Это имя мне как будто знакомо?

— Еще бы! Он играет главную роль в «Если меня найдут мертвой». И я сама лично предупредила мистера Найта. Ему было необходимо знать об изменении сценария, поскольку в этом кадре ему предстояло играть с мисс Резерфорд. Я предупредила его перед перерывом.

— А мисс Дрейк?

— В тот момент она болтала с мистером Найтом. Естественно, ей стало известно про фужер, хотя изменение это никак не влияло на ее собственные эпизоды.

— Ну, опять благодарю вас, мисс Морли, вы были крайне полезны, даже много больше того, на что я имел право рассчитывать.

Он потер розовощекие ладони и обернулся к Эвадне Маунт и старшему инспектору.

— Послушайте, — сказал он, — я теперь разрешу всем разойтись по домам — не вижу смысла, чтобы они болтались тут дольше, — но, и конечно, я не знаю, как вы к этому отнесетесь, и особенно вы, мисс Маунт, учитывая в какой дружбе вы были с жертвой, — но я очень хотел бы перейти к предварительному допросу этих пяти наших подозреваемых — на вас двоих, с вашего разрешения, я время тратить не стану, — и как можно быстрее. Завтра днем, пожалуй, и здесь, я полагаю, а не в Ярде. И я подумал, учитывая, как много мы уже установили в кратеньком этом обсуждении без протокола... ну, я надеялся, что вы со старшим инспектором согласитесь поприсутствовать.

Первым ответил Трабшо.

— Том, я буду очень рад оказать тебе любую помощь, какая может потребоваться, очень-очень рад. Будто вернулись старые деньки, когда я работал с твоим покойным отцом.

— Да, но... — сказал Колверт, — мой отец пока еще не покойный. То есть он все еще жив, знаете ли.

— Да? — сказал растерявшийся Трабшо. — Я крайне, крайне сожалею.

Затем в попытке загладить свою оговорку он объяснил:

— Нет-нет, я хочу сказать... я, конечно, хочу сказать, я в восторге, что он жив. В восторге. Не понимаю, почему я подумал, будто он умер. Наверное, у меня создалось впечатление, будто все мои ровесники, с кем я сотрудничал, поумирали, так как никаких известий я от них не получаю.

Спohватившись, что вот-вот допустит новую непростительную оговорку, он быстро сменил галс.

— Повторяю: я буду очень рад поддержать вас. Не скажу за Эви, но, полагаю, убийство Кору совершенно ее потрясло.

— Да, крайне, — сказала романистка, — и это дополнительная причина, почему я настаиваю на том, чтобы присоединиться к вам. — Она повернулась к Колверту. — Много-много лет назад старший инспектор Трабшо и я уже прекрасно сотрудничали в расследовании другого убийства. На этот раз, однако, оно затрагивает меня гораздо больше. Несравненно больше.

Она с силой нахлобучила на голову свою треуголку.

— На этот раз, — dokonчила она, монументально насупив брови, — оно мое личное.

Глава девятая

Атмосфера внутри павильона тем временем драматически ухудшилась.

Поначалу смерть Кору Резерфорд была настолько ошеломляющей, что все они — актеры, съемочная группа, статисты — сочли совершенно законным, что им было велено ни на шаг не двигаться с того места, где они находились в момент преступления. И вполне законным, что даже посещение удобств не только совершалось под конвоем полицейского в форме, но ему предшествовал быстрый и эффективный личный досмотр — предположительно на случай, если кому-нибудь из них придет блестящая идея спустить в унитаз какую-нибудь инкриминирующую улику. Однако с учетом факта, что актриса была не заколота, застрелена или задушена, — факта, который казался визжаще очевидным всем присутствующим, пусть еще и не подтвержденным судмедэкспертизой, — было трудно понять, что именно, мнилось полиции, могло быть найдено на ком-либо.

Но время идет, ничего не происходит — или кажется, что не происходит, — и самые ни в чем не повинные начинают брюзжать и дергаться по мере того, как они оправляются от шока, что были свидетелями хладнокровного убийства. Труп жертвы уже удалили с профессиональной быстротой и тактом, так какой смысл мешать им отправиться домой? Без всякого сомнения, съемка фильма будет прекращена — и, возможно, навсегда. И мысли многих удерживаемых в павильоне начали сосредотачиваться на вопросе, где — а главное, когда — они сумеют получить новый ангажемент.

Одни мрачно предсказывали, что даже в очень немногих картинах, съемки которых, как было известно, велись в Элстри, все сколько-нибудь стоящее уже, конечно, кем-то захапано, другие же перешептывались, что в конце-то концов — и да, они помнят, что Кора Резерфорд умерла только-только, и тело ее еще не остыло, — но тем не менее, без всякого неуважения к бедной женщине, ее роль не была настолько критически важной, что ей нельзя было бы найти замену. Кто-то из техников рискнул высказать мысль, хотя и *sotto voce*³¹, что, учитывая смерть режиссера, а теперь вот и исполнительницы, на фильме должно лежать проклятие. Тогда как другой громко высказал мнение, что для картины, названной «Если меня найдут мертвой», убийство на съемочной площадке одной из ведущих актрис, по меньшей мере, вызовет того рода газетную рекламу, какой так просто не купить.

Короче говоря, типичная реакция обычной людской слабости при столкновении с трагедией — искреннее сострадание, неразрывно спаянное со столь же искренней озабоченностью собственными интересами.

Однако когда Колверт в сопровождении Эвадны, Трабшо и Летиции Морли вернулся в павильон, все истомленно встали по стойке «смирно».

Молодой инспектор начал с того, что подозвал двух приехавших с ним полицейских и представил их своему бывшему начальнику.

— Просто, чтобы вы знали, сэр. Двое моих коллег из Ричмонда, сержант Уистлер и констебль Тернер.

Когда оба полицейских почтительно кивнули, Эвадна с нюансом своей природной неукротимости не смогла удержаться от злоехидства.

— Сержант Уистлер? Констебль Тернер? Господи! Больше смахивает на галерею Тейт, чем на уголовную полицию.

— Да, мисс, — отозвался Колверт с невозмутимостью игрока в покер. — Если не ошибаюсь, они это уже не раз слышали.

— Извините. Просто хотела себя подбодрить.

— Ничего-ничего. Я понимаю. — Он обернулся к сержанту. — Уистлер, что вы можете доложить?

— Ну, сэр, тело уже увезли. И доктор Бекуит уехал с ним. Он сказал, что известит вас, когда получит что-либо определенное, о чем извещать.

³¹ вполголоса (*ut.*).

— Отлично, отлично. — Колверт поглядел на ждущих артистов и съемочную группу. — Никто, надеюсь, особого беспокойства не проявлял?

— По большей части они держались хорошо, — продолжал сержант. — Трое-четверо, пожалуй, начали слегка терять терпение. Интересовались вслух, долго ли еще их будут держать здесь. А... а продюсер картины, так, по-моему, он назвал себя, так пришел в очень возбужденное состояние, очень. Вон там, стоит рядом с камерой, — добавил он, указывая на толстенького джентльмена лет пятидесяти, который с горячностью что-то выяснял у Рекса Хенуэя.

— Отлично. Сначала я поговорю с ним. Попросите его присоединиться к нам, будьте так добры.

Почти тут же продюсер появился перед ними. Его багрово-брыластое лицо явно не было природно-английского происхождения в отличие от двубортного костюма с Сэвил-роу в броскую полоску, из нагрудного кармана которого он вновь и вновь извлекал носовой платок в крапинку и надушенный, чтобы утереть лоб. Будь при нем шляпа — вероятнее всего, панама — он, конечно, непрерывно ею обмахивался бы.

Колверт протянул ему руку.

— Инспектор Колверт, сэр, Ричмондская уголовная полиция. Расследую это дело. Вы, насколько я понял, продюсер картины, которая тут снималась?

— Да, да, именно так.

Он нервно пожал руку Колверта.

— Леви моя фамилия. Бенджамин Леви. До чего ужасно происшедшее. Так скоро после... Просто ужасно! Mein Gott³², что я такого сделал, чтобы заслужить подобное?

На несколько секунд воцарилось напряженное молчание, в течение которого все словно бы обнаружили в своей обуви нечто крайне интересное, чего, непонятно почему, никогда прежде не замечали. Молчание, с которым наконец покончил Трабшо.

— Бенджамин Леви? — сказал он. — Да, конечно же я помню. Вы прибыли в Англию в... в тридцать седьмом году, верно?

— Это так.

— Да, и чуть не произошел мелкий дипломатический инцидент, насколько я помню. Даже Ярд оказался замешан. Вы покинули Германию в некоторой спешке, не так ли?

— Ja, ja³³, — сказал Леви с внезапной опаской. — Я опаздывал на поезд.

Старший инспектор подавил улыбку.

— Нет-нет, сэр, вы не поняли. Я... ну, я имел в виду, что вам пришлось бежать из страны из-за преследований, которым вы подвергались.

Леви выдернул носовой платок и промокнул лоб.

— Ах, преследования, да! Эти немецкие критики!

— Нет, извините, я говорил о... — начал было заново Трабшо, но затем окончательно решил не трудиться.

Тем временем Эвадна Маунт спросила:

— Мистер Леви, не вы ли были продюсером «Чуда»?

— Нет, я был продюсером катастрофы.

— Катастрофы? Какой катастрофы?

— Моя постановка «Фауста» Гёте. В Берлине. Вы слышали о ней? Нет?

— Виновата, но нет.

— Такой замечательный поворот. Еврейский «Фауст». Дьявол покупает душу Фауста... как вы это говорите?... оптом? Но, мои дорогие, такая катастрофа! Наци ее ненавидели. Евреи ее ненавидели. Моя мать ее ненавидела. Все ее ненавидели. Когда занавес опустился, тишина была такая, что вы бы услышали, как булавка встала с пола и ушла из театра.

А теперь это. Сначала мой режиссер сгорает дотла. Затем одну из моих актрис убивают, отравляют на глазах у всех на площадке. Вы знаете, мой дорогой инспектор, я не суеверный

³² Мой Бог (нем.)

³³ Да, да (нем.)

человек, но я начинаю верить, эта моя картина verdammt³⁴. Но почему? Почему? За что меня карают?

— Ну, сэр, — заверил Колверт продюсера, — я намерен сделать все возможное, чтобы полностью в этом разобраться. И могу сказать вам, что у меня уже есть несколько интересных наметок. Но сначала мне хотелось бы знать, не могу ли я рассчитывать на некоторую вашу помощь?

— Любую, любую, мой дорогой!

— Я собираюсь сейчас распустить ваших людей по домам. Прежде, чем они уйдут, констебль, разумеется, запишет их фамилии, адреса и телефонные номера, то есть тех, у кого есть телефоны. Я прекрасно понимаю, что все эти данные есть в вашей документации, но в павильоне было столько людей, и нам необходимо твердо знать, что тут не было никого, кому не следовало тут быть. И наоборот, что никто из тех, кто должен был быть тут, по той или иной причине не отсутствовал. Вы понимаете, о чем я говорю, сэр?

— Да-да, — сказал Леви, — вы должны принять всякие предосторожности.

— Совершенно верно. Однако пятерых из них я хотел бы расспросить в ближайшие двадцать четыре часа, если возможно. Пока все подробности случившегося еще свежи в их памяти. Надеюсь, у вас нет возражений?

— Возражений? — Леви взвесил это слово. — Я имею право возражать?

Колверт улыбнулся ни к чему не обязывающей легкой улыбкой.

— Ну-у, боюсь, что не имеете. Полагаю, я пытаюсь соблюдать вежливость. Но главное, я хотел сообщить вам, что в числе тех, кого я намереваюсь расспросить, находятся две ваших великих звезды — Гарет Найт и Леолия Дрейк, кто же еще? Ах, да, режиссер Рекс Хенуэй. Я почувствовал, что вас следует предупредить.

Леви в очередной раз утер лоб.

— Ой, пожалуйста, будьте мягким, инспектор. Если у этой картины может быть будущее, мне не понравится, чтобы моих исполнителей запугивали. — Ему в голову пришла ужасная мысль. — Вы не собираетесь арестовать кого-нибудь из них?

— Нет-нет, ничего подобного, — ответил Том Колверт. — Как я говорю, это всего лишь предварительный доп... — он поспешно заменил начатое слово, — всего лишь беседа для установления, что произошло и как произошло. Простая формальность.

Леви скорбно покачал головой.

— Простая формальность, э? Как мы, немцы, начали страшиться этого выражения. Ах, но это Англия, не так ли, где подобные методы неизвестны. Да, инспектор, продолжайте. Приступайте к вашим вопросам, — закончил он без малейшего иронического ударения на последнем слове.

— Благодарю вас, мистер Леви. А теперь мне хотелось бы попросить вас о последнем одолжении.

— Да?

— Я намереваюсь вызвать... скажем, расспрашиваемых, завтра днем. Вы понимаете, я предпочел бы, чтобы вопросы были заданы прежде суда коронера, на котором всем им придется присутствовать. Кроме того, я предпочел бы, чтобы встреча с ними происходила здесь, в Элстри. Менее подавляюще для них, чем в Ярде, а также из-за разных процедурных причин. Сам я в любом случае должен буду вернуться сюда. Но мне понадобится комната, тихая комната. Какой-нибудь кабинет, которым не пользуются, может быть? Где-то подальше, где я могу сесть побеседовать с ними, не опасаясь, что нас прервут. Не могли бы вы сами посоветовать что-нибудь подходящее?

— Разумеется, — без колебаний ответил Леви. — Вы должны занять кабинет Рекса.

— Я имел в виду более...

— Вздор. Он удобен, а Рекс пока в нем нуждаться не будет, увы, а я позабочусь, чтобы вас не прерывали.

— А сами вы?..

³⁴ проклята (нем.)

— Ах, я должен поехать в Лондон на Уордур-стрит. У меня, знаете ли, встреча с теми, кто поддерживает меня финансово. — Он выразительно потер большой палец об указательный. — Чтобы определить, можем ли мы все же спасти эту verdammte картину.

Глава десятая

В два часа на следующий день Колверт сидел за письменным красным дерева столом Рекса Хенуэя, где в коробке для входящих громоздились потрепанные сценарии, отпечатанные на машинке, а в коробке для исходящих было пусто. Прямо напротив него сидел первый подозреваемый, которого он пригласил подчиниться расспросам, сам Хенуэй. Тесно обрамляя режиссера справа и слева у его собственного стола, сидя на двух стульях-близнецах, бескомпромиссно металлических и модернистских, расположились Эвадна Маунт и старший инспектор Трабшо. Сержант Уистлер нес тактичный дозор вблизи двери.

Утром Колверт сообщил двум своим неофициальным коллегам, что, согласно медицинскому заключению, которое он только что получил из лаборатории, Кора Резерфорд действительно была отравлена. Судмедэксперт обнаружил и в пустом фужере актрисы, и внутри ее тела следы широко и законно доступного цианида, разнообразно промышленно применяющегося в печати, фотографии и гальванизации. Как он уже дал понять накануне, смерть была крайне мучительной, но также, к счастью, и мгновенной. Суд коронера состоится через три дня, но ни Эвадне, ни Трабшо являться туда не потребуется. Чистая формальность в процессе следствия — коронер тут же отложит заседание.

Теперь молодой инспектор был готов сосредоточиться на Рексе Хенуэе.

— Ну, мистер Хенуэй, — сказал он, — надеюсь, вы извините мое вторжение сюда. Это мистер Леви любезно предложил мне воспользоваться вашим кабинетом.

— И очень хорошо, инспектор. Кабинет этот мой только в том смысле, что мне приходится... пришлось работать над фильмом в павильоне рядом. И я не могу не чувствовать, что при таком обороте событий очень скоро это будет кабинет какого-то другого режиссера.

— Да-да, я прекрасно понимаю, что вы имеете в виду. Тем не менее примите мою благодарность. Просто разрешите мне объяснить, зачем все это. Мне кажется, было бы полезно задать вам — вам и еще кое-кому, следует мне добавить, — кое-какие предварительные вопросы об этом жутком происшествии, пока все подробности еще свежи в вашей памяти.

— Ну, вряд ли я их так быстро забуду. Но я понимаю, насколько значимыми для вас могут оказаться непосредственные впечатления свидетеля. Однако не могу ли я спросить...

— Да?

Хенуэй повернулся взглянуть на двоих, сидящих у стола.

— Простите меня за прямолинейность, но кто эти люди, собственно говоря? Ведь они, разумеется, не из полиции?

— Нет. То есть этот джентльмен, — он указал на Трабшо, — полицейский в отставке, старший инспектор Трабшо из Скотленд-Ярда, а эта дама, — он протянул руку в направлении романистки, — мисс Эвадна Маунт, писательница, знаете ли.

Хенуэй вежливо поклонился романистке.

— Разумеется, разумеется. Я заметил вас вчера днем в павильоне и даже спросил себя, где я мог видеть вас прежде. Вы ведь были близкой подругой Кори, если не ошибаюсь?

— Была, да.

— Примите мои соболезнования. Для вас ведь это должно быть особенно тяжело.

Колверт снова взял дело в свои руки.

— Вас удивляет, почему они здесь, а потому я просто скажу, что вчера мы в кафетерии втроем обсуждали случившееся, и во время нашего разговора и мисс Маунт, и мистер Трабшо высказали несколько интересных соображений. Поэтому я спросил, не согласятся ли они попросту присутствовать здесь — абсолютно неофициально, — пока я буду вести расспросы. Если у вас есть какие-либо возражения против их присутствия, вам достаточно просто сказать...

— Нет, ни малейших. Я приветствую все, что угодно, лишь бы это способствовало раскрытию столь ужасного преступления.

— Отлично. Значит, с вашего разрешения мы можем продолжать. Вы — Рекс Хенуэй, — режиссер «Если меня найдут мертвой»?

— Именно так.

— И стали им, насколько я понял, после смерти Аластера Фарджиона?

— Именно так.

Неожиданно вмешалась Эвадна Маунт:

— Можно мне, инспектор?

Хотя Колверт ничего против не имел, он тем не менее слегка растерялся. Бесспорно, он сам пригласил романистку вместе со своим прежним начальником принять участие в допросах, но он не ожидал, что она так незамедлительно, почти до неприличия незамедлительно, примет его приглашение. Однако, заметив искорки в глазах Трабшо, словно подразумевавшие «мне следовало предупредить вас», он сказал только:

— Прошу вас, мисс Маунт.

— Мистер Хенуэй, — спросила она, — не правда ли, вы стали режиссером этого фильма при нескольких необычных обстоятельствах?

— Правильно ли я понял, — спросил Хенуэй, — что, употребив слово «необычный», вы подразумеваете обстоятельства смерти мистера Фарджиона?

— Да, отчасти. Но, собственно, я подумала о крайне необычном завещании, которое он оставил в своей лондонской квартире.

— Завещание? — сказал Колверт. — Это еще что? Ни о каком завещании я не слышал.

— Может быть, — невозмутимо сказала романистка, — мистер Хенуэй пожелает объяснить?

— Мисс Маунт абсолютно точна, инспектор. Завещание было. То есть есть... странный, иначе его не назвать, документ, который Хэтти, супруга мистера Фарджиона, нашла среди его бумаг после его смерти.

— Какого рода документ?

— Насколько мне известно, он все еще находится у миссис Фарджион, и, я уверен, она будет счастлива отдать его вам. Он написан и подписан Фарджи.

Вмешаться взял теперь на себя Трабшо:

— Был ли он кем-либо засвидетельствован?

— Самой миссис Фарджион. Вкратце в нем говорится, что если с ним — то есть с Фарджи — что-нибудь случится, прежде чем он успеет начать съемки «Если меня найдут мертвой», тогда вместо него режиссером фильма должен стать я.

Последовал момент молчания, пока Колверт переваривал эту информацию.

Затем:

— Мне это кажется крайне необычным распоряжением.

— Абсолютно согласен, — хладнокровно сказал Хенуэй.

— Такого рода посмертное поручение или назначение, как вы его там ни определяете, обычная практика в кинобизнесе?

— Вовсе нет. Я в первый раз услышал о подобном. Когда возникает такая ситуация — например, режиссер умирает в разгар съемок или даже перед их началом, — то, полагаю, прерогатива решать, как они будут продолжаться и будут ли вообще, принадлежит исключительно продюсеру. Однако поймите, инспектор, это лишь мое предположение, так как я, право же, не припомню, чтобы такое когда-либо случилось в кинобизнесе.

— Так-так. Значит, вы сами были удивлены, узнав о существовании этого документа?

— Удивлен? Я был ошарашен. Не мог поверить своим ушам, когда Хэтти сказала мне.

Теперь спросил Трабшо:

— Мистер Фарджион когда-либо говорил вам, что опасается за свою жизнь?

— Конечно, нет. И вообще это не слишком похоже на Аластера Фарджиона, которого я знал.

— Если предположить, что он все-таки испытывал такой страх, с кем он мог бы им поделиться?

— Полагаю, если бы он поделился им, то только с миссис Фарджион. Но она ни разу ничего такого мне не говорила.

— Может быть, — сказал Трабшо Колверту, — нам также следует вызвать миссис Фарджион?

В этот момент, предварив свое вмешательство кашлем, сержант Уистлер доложил от двери:

— Она уже здесь, сэр.

— Что? Вдова Фарджиона в студии?

— Да, сэр. Я видел, как она подъехала. Минут двадцать назад.

— Да что она тут делает?

— По-видимому, она тут постоянно, — сказала Эвадна.

— Постоянно тут?

— Так нам сказала Кора. Когда Фарджион снимал свои фильмы тут, его жена всегда находилась в студии, сидела — и тоже вязала — в каком-нибудь уголке в полном одиночестве, никогда ни с кем и словом не обмениваясь.

— Но что она делает здесь сегодня? — не отступал Колверт. — Мистер Хенуэй, вы можете это как-то объяснить?

— Думаю, вяжет, как всегда. Но если вы о том, зачем она явилась на место съемок фильма, которые отменены, я понятия не имею.

Трабшо вновь обернулся к молодому инспектору.

— Какова бы ни была причина, раз уж она здесь, нам имело бы смысл задать вопросы и ей.

— Безусловно, — ответил Колверт. — Уистлер, пойдите узнайте, все ли еще миссис — Хэтти, так ведь — все ли еще миссис Хэтти Фарджион в студии. Если да, сообщите ей — со всей важностью, — что я хотел бы, чтобы она подождала, пока у меня не появится возможность поговорить с ней.

С энергичным «сию минуту, сэр» сержант покинул кабинет.

— Мистер Хенуэй, — вот что теперь сказала режиссеру Эвадна, — вы только что признались, что были удивлены, услышав о существовании этого нелегального документа, и это, разумеется, понятно. Но были вы, кроме того, обрадованы?

Прежде чем ответить на ее вопрос, Хенуэй, как заметили все, потянул время, чтобы тщательно построить миниатюрный индейский вигвам из своих сложенных ладоней и перекрещенных пальцев. Затем он сказал:

— Прошу прощения?

— Были ли вы обрадованы? Обрадованы, что Фарджион передал свой фильм вам?

— Ну, разумеется, — ответил он пресным голосом. — Разумеется, я был обрадован, что он, как вы выразились, передал свой фильм мне. Но только я предпочел бы слова «почтил меня». Это же величайший комплимент мне от человека, кем я не просто восхищался, но перед кем благоговел как перед художником, кого в личном плане считал своим ментором. Почти символическим отцом. А поскольку я всегда мечтал поставить фильм сам, и поскольку мне пришлось слишком долго ждать такой возможности, конечно, и вопроса не возникало, чтобы я от нее отказался, когда она мне все-таки представилась.

Я хочу, однако, чтобы вы поняли, что я был крайне близок с Фарджи, был его сотрудником и другом почти десятилетие, и его недавняя смерть явилась для меня колоссальным шоком — шоком, от которого я еще не вполне оправился. И, мне кажется, я могу со всей честностью утверждать, что мои честлюбивые помыслы никоим образом не могли вызвать у меня желания, чтобы он преждевременно умер, лишь бы мне представился случай снять мой первый фильм. Если таковой была подоплека вопроса, который вы сейчас мне задали — если вы, короче говоря, подразумевали, будто я был обрадован не просто тем, что фильм Фарджи перешел ко мне, но и тем, что Фарджи перешел в мир иной, то, должен сказать, меня это крайне возмущает.

— Ничего подобного, молодой человек, прошу, примите мои заверения, что я не приписывала вам никаких тайных побуждений. Однако скажите мне, — продолжала она, не дав ему почти никакого времени для умиротворения, — и, пожалуйста, не обижайтесь опять на то, как я это говорю, почему Фарджион выбрал вас, всего лишь ассистента, как замену себе, как своего наследника, а не умудренного опытом режиссера?

— Мисс Маунт, не думаю, что вы представляете себе, что значит быть ассистентом режиссера, Первым Помощником, как его называем мы. Например, я понятия не имею, есть ли у вас как писательницы ассистент или нет. Но если он все-таки у вас есть, полагаю, это должна быть очень компетентная барышня, которая пишет под вашу диктовку, печатает ваши рукописи, помогает вам в розысках сведений и, возможно, даже заваривает вам чай. По контрасту Первый Помощник в кинопромышленности являет собой правую руку режиссера. Он предлагает советы, рекомендует то или это, если в кадре что-то не залаживается, и даже сам руководит съемкой кадра-другого, если по той или иной причине режиссер временно отсутствует. Это очень ответственный пост, и я, как уже упоминал, занимал его при Фарджионе десять лет. Он абсолютно мне доверял, и остается

только предположить, что вследствие этого он мог доверить мне фильм более, чем кому-либо другому.

— Однако из того, что бедная милая Кора сказала нам, мне и мистеру Трабшо, доверие это выглядело поначалу незаслуженным. Вы оказались катастрофическим режиссером, разве нет, когда приступили к съемкам? Вы выглядели, как кажется, настолько беспомощным, что даже пошли разговоры во второй раз прекратить съемки. Не так ли?

Хотя он все еще предпочитал не вмешиваться, Колверт обнаружил, что ему не по себе от неисправимо брутальной прямолинейности романистки, и даже Трабшо, свикшийся с ее бульдозерным стилем, не мог не подумать, что она, пожалуй, преступила все границы.

Хенуэй, со своей стороны, остался непробиваемо спокойным.

— Так действительно и было, — ответил он. — Впечатление мисс Резерфорд соответствовало действительному положению вещей, как я готов признать первым. Ну, видимо, не первым, поскольку она меня опередила. Не буду отрицать, что первые дни на съемочной площадке были для меня кошмаром. Меня полностью подавлял пример, призрачное присутствие, аура, если хотите, великого Аластера Фарджииона. Я все время спрашивал себя: «Что сделал бы Фарджи? Что сделал бы Фарджи?» И чем беспомощнее я трепыхался, тем хуже шло дело. Съемочная группа, знаете ли, схожа со стаей диких животных. Они чувствуют неуверенность режиссера, и когда он, в свою очередь, понимает, что они ощущают его страх, ситуация выходит из-под контроля полностью. Честно говоря, я сам мог положить конец съемкам прежде, чем это сделала бы студия.

— Что же внезапно изменило все?

— Очень просто. Я перестал себя спрашивать «что сделал бы Фарджи?» и начал спрашивать, что следует сделать мне. Я сбросил его тень, будто поношенную одежду. Я знал, что обладаю всем для того, чтобы снять хороший фильм, и просто надо применить это все.

— Вы можете сказать нам, мистер Хенуэй, — спросил Колверт, вероятно почувствовав, что ему пора заявить о себе, — где точно вы находились, когда Кора Резерфорд была отравлена?

— А! Так это все-таки был яд! В утренних газетах об этом нет ни слова. Мы должны держать этот факт в секрете?

— Вовсе нет. В утренних газетах ничего не было, потому что я получил эти сведения только нынче утром.

— Понимаю.

— Так что разрешите мне повторить: где вы находились, когда это произошло?

— Где я находился? Сидел на своем стуле, следил за ней, как мы все. То есть следили за ней, а не сидели на моем стуле.

— У вас не было никаких подозрений касательно того, что должно было вот-вот произойти?

Хенуэй посмотрел на него с недоумением.

— Вы серьезно?

— Просто ответьте на вопрос, сэр.

— Конечно, никаких подозрений у меня не было. Ни малейших. С какой стати? Я был так же ошеломлен — и поражен ужасом, — как и все.

— А сама мисс Резерфорд? Как вы к ней относились? Лично к ней?

— К Коре? Ну-у-у...

На мгновение внимание режиссера отвлек вернувшийся сержант Уистлер, который сообщил Колверту о выполненном поручении просто утвердительным кивком. Затем молодой инспектор вновь обратился к Хенуэю:

— Вам она нравилась? Не нравилась? Поймите, я предпочел бы, чтобы вы были полностью откровенны.

— В личном плане я ничего против Кору не имел. Но и ничего в ее пользу. Поймите, инспектор, до того как мне была поручена съемка «Если меня найдут мертвой», я вообще не был знаком с Корой Резерфорд. Конечно, раза два я видел ее на сцене, но и только.

— А профессионально?

— Профессионально? Ну, со строго профессиональной точки зрения не стану отрицать, что Кора Резерфорд не была и никогда бы не стала моим первым выбором на эту роль. Я унаследовал ее, как унаследовал все до единого аспекты этого фильма.

— Кроме Леолии Дрейк, — неожиданно сказал Трабшо.

В первый раз возникло впечатление, что Хенуэй растерялся.

— Да-а-а... — ответил он наконец, помедлив, чтобы собраться с мыслями. — Совершенно верно. Но вы должны понять, что это конкретное решение было мне навязано обстоятельствами. Актрисой, которая первоначально получила эту роль, была Пэтси Шлютс, которая погибла вместе с Фарджионом в его кукхемском загородном доме. Так что, да, мисс Дрейк по необходимости была моим собственным выбором актрисы. Однако вы меня спросили, — быстро сменил он тему, — о моем отношении к Коре Резерфорд. Правду сказать, будь у меня право решать, она никогда не была бы приглашена на эту роль.

— О! — сказала Эвадна Маунт. — Могу ли я спросить почему?

Последовал резкий ответ:

— Мисс Маунт, я знаю, как близки вы были с Корой. Во время этой беседы, однако, вы были со мной очень откровенны. Даже агрессивны по временам, и не вижу, почему я не могу быть столь же откровенным с вами. Кора отчаянно добивалась этой роли, факт, о котором я уже знал от Фарджи, — и пошла бы на что угодно, лишь бы заполучить ее. Почему? Да потому, говоря уж совсем откровенно, что она выходила в тираж. Фарджи знал это, я знал это, сама Кора знала это, и, думаю, вы тоже это знали.

— Знала я или нет, это, конечно же, ничуть не умаляло ее таланта как актрисы.

— Простите, но я позволю себе не согласиться. По моему опыту, который, конечно, отнюдь не так велик, каким был опыт Фарджи, но это единственный опыт, позволяющий мне что-либо утверждать, — по моему опыту, актриса, столь отчаянно старающаяся заполучить роль, как Кора, именно та, которой ни в коем случае нельзя предлагать эту роль.

— Почему же?

— Потому что такая актриса до того изголодалась по этой роли, что она не устоит перед искушением выжать из нее больше, чем она на самом деле содержит. У меня было несколько предварительных бесед с Корой, и, клянусь, для нее этот фильм был важен только потому, что без него для нее не существовало бы ее роли в нем. С ее точки зрения, «Если меня найдут мертвой» служил главным образом ее возвращению на экран. Мой фильм был просто удобным средством для этого. А это, мисс Маунт, совсем не то, чего я ищу в актрисе. Я не хочу, чтобы кто-то изгалялся на экране, закупоривал его. Роль Кору, в конце-то концов, была второстепенной.

— Тем не менее, насколько я поняла, вы сами с удовольствием, во всяком случае охотно, ее расширили, «взбодрили», по собственному выражению Кору.

— Только, — без запинки перебил он, — только в предвидении того перегибания, преувеличения — одним словом, жестоким словом, того ломания, которое она скорее всего выдала бы мне, я и отвел ее персонажу больше времени на экране, чтобы как-то уместить, разжижить истерики и рисовку, которых боялся. Только это, уверяю вас, было одной и единственной причиной, почему я «взбодрил» ее роль.

— А когда вы наблюдали, как она играла в этом эпизоде за минуты до своей смерти, — негромко спросила романистка, — вы все еще считали ее игру ломанием?

Хенуэй довольно долго смотрел на нее, прежде чем ответил:

— Нет, не считал. Я ошибся... непростительно ошибся. Она была великолепна. Примите мое полное признание этого. И вы, и Кора тоже, если она меня сейчас слышит.

Наступил момент молчания, прежде чем Колверт его снова прервал:

— Последний вопрос, мистер Хенуэй, и я отпускаю вас.

— Да, инспектор?

— Как мне сообщили, Кора Резерфорд выпила из отравленного фужера сразу после перерыва. А произошло это потому, что непосредственно перед перерывом вы сами сообщили ей, что она должна будет это сделать, так как вас только что осенила идея улучшить эпизод. Вы понимаете, не правда ли, в какое скверное положение вас ставит эта последовательность событий?

В лице Хенуэя ничего не изменилось. Он знал, что этот вопрос будет ему задан.

— Инспектор, помимо того факта, что у меня не было ни малейшей причины убивать Кору — у меня, напротив, имелась не одна, а две крайне веские причины беречь ее жизнь, если я могу так выразиться. Во-первых, как я уже сказал, ее игра до того момента была великолепной, а во-вторых, ее смерть ставит под серьезную угрозу будущее фильма, а с ним и мое будущее. Но разрешите мне, помимо всего этого, дать на ваш вопрос следующий ответ. Неужели вы

действительно полагаете, что я, если бы хотел убить Кору, я бы попросил ее — у всех на глазах! — выпить из бокала, в который сам только что подсыпал яд?

— Простите, сэр... — начал Колверт, но Хенуэй еще не договорил.

— Позвольте, я продолжу, инспектор, поскольку мне кажется, я знаю, что вы собираетесь сказать. Вы собираетесь сказать, что подобный довод попросту не в счет, поскольку убивал я ее или не убивал, но все равно сказал бы именно это. Я прав?

— Да-а-а, примерно что-то в таком роде, — ответил Колверт, который невольно улыбнулся тому, как ловко его предвосхитили.

— Тогда со всем уважением я укажу, что вопрос этот вообще не нужно было задавать. Повторяю — со всем уважением.

— Touché³⁵, мистер Хенуэй, — сказал Колверт. — Но, прошу, взвесьте вот что. Кору Резерфорд не закололи, не застрелили, не задушили. Ее отравили. Мне пришлось расследовать немало преступлений, и я еще ни разу не сталкивался с тем, чтобы кто-то носил с собой яд в расчете на весьма гипотетический случай, что у него вдруг возникнет настроение совершить убийство. Отравить Кору Резерфорд мог только тот, кто предумышлял это преступление, кто-то, кто принес яд в студию, потому что он знал — он знал, мистер Хенуэй! — что вчера днем она должна будет пить из фужера. Простите, но я не нахожу никого, кто отвечал бы этому описанию, кроме вас.

— Не забываете ли вы одну деталь, инспектор?

— Разве?

— Да. Вы забываете, что это киностудия. И при ней есть лаборатория. А в этой лаборатории, если не ошибаюсь, вы найдете много образчиков так называемых промышленных ядов — цианисто-водородных соединений, так они вроде бы называются, — которые широко используются в фотографической и кинематографической промышленности. Кто угодно, кто работает в Элстри, подтвердит то, что я сейчас сказал. И, следовательно, кто угодно имел такой же легкий доступ к этим ядам, как и я. До лаборатории отсюда не более пяти минут неторопливой прогулки.

Колверт посмотрел на него, будто на насекомое под лупой. Затем:

— Retouché³⁶.

Щегольским кивком Хенуэй, в свою очередь, признал грустное колвертское признание своего поражения.

— И я полагаю, мистер Хенуэй, вы не упомянули свою идею о полунаполненном фужере никому до того, как сказали о ней мисс Резерфорд?

— То есть сообщил ли я кому-нибудь мою идею, прежде чем она пришла мне в голову? Ну, послушайте, инспектор!

— Да, сэр, учтено. Ну, благодарю вас за то, что вы уделите мне столько вашего времени. Если мне понадобится связаться с вами позже, я знаю, где смогу найти вас.

— Благодарю вас, инспектор, что вы сделали эту беседу такой безболезненной, такой относительно безболезненной.

Кратко поклонившись романистке и детективу одновременно, режиссер встал и широким шагом покинул комнату.

Несколько секунд все молчали. Затем, набивая табаком свою трубку, Трабшо сказал:

— Очень хладнокровный субъект.

Глава одиннадцатая

Памятуя, как озабочен был Бенджамин Леви, чтобы ведущих актера и актрису фильма не затрудняли более самого необходимого, Колверт решил, что следующим, кто подвергнется допросу, будет Гарет Найт, и тут же за ним Леолия Дрейк. Как и раньше, Найта сопровождал в кабинет Хенуэя сержант Уистлер и безмолвно подвел его к стулу для допрашиваемых. Кивнув сначала разом Эвадне Маунт и Трабшо, актер повернулся лицом к Тому Колверту. Затем, вынув портсигар из внутреннего нагрудного кармана своего пиджака безупречного спортивного покроя, он собирался спросить, разрешается ли ему курить, но тут, пока они с Колвертом примеривались друг к другу, произошло нечто неожиданное.

³⁵ Здесь: Вы правы (фр.)

³⁶ Здесь: Еще раз правы (фр.)

Хотя неопытный взгляд вряд ли подметил бы что-то неладное, для Трабшо все было как на ладони. Ему не просто показалось, будто он что-то заметил, нет, он безоговорочно заметил, что актер на мгновение чуть испуганно покраснел. Найт, бесспорно, узнал Колверта, и именно это узнавание и заставило его — используя слово Кору — «выдать».

Но вот узнал ли Колверт Найта? Это не выглядело столь же очевидным, когда молодой инспектор начал разговор с вежливо нейтрального, почти подобострастного захода.

— Я хочу горячо поблагодарить вас, мистер Найт, за согласие прийти сюда, а также заверить вас, что я собираюсь как можно меньше злоупотреблять вашим драгоценным временем в той мере, в какой это зависит от меня. Мне просто хотелось бы с вашего разрешения задать вам несколько вопросов об ужасном случае, имевшем место здесь вчера днем. Вы ведь не возражаете?

Неловко поерзав на стуле, Найт вдруг, заметно повосковев лицом, попытался закурить сигарету без намека на то изящество, какого ждешь от элегантного кумира серебристого экрана.

— Ничуть, ничуть. Я... я всецело в вашем распоряжении.

— Отлично. Ну, мне, собственно, не требуется спрашивать вас, кто вы и так далее. Человеку, столь знаменитому, как говорится, нет нужды называть себя. И мы перейдем прямо к... — Он не завершил фразу. — Послушайте, сэр, а мы не встречались прежде, вы и я? Я понимаю, мне следовало бы помнить, и тем не менее...

Найт прикусил нижнюю губу, но настолько украдкой, что опять-таки движение это было замечено одним только Трабшо, которого долгие годы практики научили вечно быть начеку, чтобы улавливать такие вот незаметные для других симптомы.

Однако, придя к выводу, что было бы и бессмысленно, и контрпродуктивно скрывать правду, актер ответил отрывисто:

— Да, инспектор, вы совершенно правы. Мы уже встречались.

— При исполнении моих служебных обязанностей, не так ли?

— Да, верно.

— Теперь припоминаю. Причина, почему я не сразу припомнил, где и когда мы встречались, заключается в том, что тогда вы носили другую фамилию. Я прав?

— Да.

— Вы не откажетесь сказать мне, под какой фамилией вас арестовали?

Найт, как до него Хенуэй, опасливо взглянул на романистку и старшего инспектора.

— Нет нужды беспокоиться, сэр, — сказал Колверт. — Все, что мы услышим, останется в этих четырех стенах. Ни гу-гу — если, разумеется, не выяснится, что это как-то связано с расследуемым делом.

— Спасибо, — сказал Найт, стараясь совладать со своими нервами. — Произошло это примерно полтора года назад. В День ВЕ — виктории в Европе, или День ВБ, как, по-моему, назвал его в честь известных заболеваний какой-то остряк. Меня арестовали два констебля на Лейчестер-сквер за... — он снова заколебался, прежде чем ринуться в объяснение очертя голову, — за домогательства в общественном туалете. Молодой... молодой джентльмен, с которым я, думалось мне, вел приятный и... э... многообещающий разговор, оказался — как вам известно, инспектор — полицейским в штатском. Должен сказать, что, на мой взгляд, это было некоторым перегибом полицейского долга, да еще в такой радостный праздничный день.

— Ну, конечно, мне жаль, что вы на это так смотрите, сэр, но для меня это было просто заданием, как всякое другое. Наша работа, в конце-то концов, заключается в том, чтобы оберегать людей от таких вот... — сказал Колверт. — Но продолжайте.

— Как я сказал, меня арестовали на Лейчестер-сквер и доставили в полицейский участок на Боу-стрит. К счастью, сержант там меня не узнал, и я смог назвать другую фамилию...

Колверт перебил его:

— Я поражен тем, как вы, не моргнув глазом, признаетесь в этом, мистер Найт. Вы же серьезнейшим образом нарушили закон.

— Вы не понимаете, инспектор. «Гарет Найт» — мой профессиональный псевдоним. По очевидной причине — иными словами, моя карьера была бы кончена, пронюхай пресса про этот арест, — я назвал мою настоящую фамилию.

— А именно?

Щеки Найта напряглись: казалось, произнести свое настоящее имя ему хотелось даже меньше, чем говорить о нарушении закона, которое он совершил.

— Коллеано. Луиджи Коллеано.

— Так-так, — сказал Колверт. — Луиджи Коллеано? Звучит не совсем, как Гарет Найт, верно? Значит, вы итальянец?

— Собственно говоря, я родился в Борнемуте. Мой отец, который эмигрировал перед Первой войной зарабатывал на жизнь, продавая мороженое и лимонад на набережной.

— А-а. Все вполне респектабельно, осмелюсь сказать. Но, э, разве вы, кроме того, не выглядели иначе?

— Я сбрил усы по случаю праздника. И был в очках. — Заметив на лице Колверта легкое неодобрение, он добавил: — Ничего преступного, по-моему?

— Я этого не говорил, сэр, отнюдь нет. Если не ошибаюсь, вас отправили в Уормвуд-Скрабс, верно?

— Три месяца каторжных работ. Во внимание были приняты мои военные заслуги. В Битве за Англию я был летчиком-истребителем. Сбил четыре «Мессершмита» и один «Дорнье». Награжден орденом «За боевые заслуги».

— Всего три месяца, э? — сказал Колверт. — Ну, мистер Найт, право не думаю, что у вас есть так уж много оснований, чтобы жаловаться. Могли получить два года, знаете ли.

— Да, конечно, — сухо согласился Найт. — Главное, в газеты это не попало, и моя репутация была спасена.

— Самому вам, возможно, хочется смотреть на это так. Для нас же, полиции, главное, конечно, то, что вы уплатили свой долг обществу. А потому не будем больше об этом. Перейдем к делу. Насколько понимаю, вы играли с Корой Резерфорд непосредственно перед тем, как она умерла?

— Совершенно верно. Мы вместе играли в нашем большом эпизоде.

— И какова была ваша реакция, ваша первая реакция, когда она упала?

— Моя первая реакция? Если быть абсолютно честным с вами — ужасно, что приходится говорить такое, — но первой моей мыслью было, что она выцентрируется.

— Выцентрируется? — сказал озадаченный Колверт. — По-моему, я этого слова не знаю.

— Это то, что французы называют «перетягиванием одеяла на свою сторону кровати», — объяснила Эвадна. — Верно, мистер Найт?

Найт повернулся лицом к ней.

— Да. Миссис...

— Мисс. Мисс Эвадна Маунт.

— Мисс Маунт. Да, я сказал бы, это очень точно выражает его смысл. — И снова повернулся к Колверту: — Это слово означает попытку отодвинуть партнера на задний план. И я теперь краснею, вспоминая, но, прежде чем я осознал, что случилось нечто смертельно серьезное, я подумал, будто Кора устроила нечто подобное.

— Значит, вы ее недолюбливали, так? — прищучила его романистка.

— Кору? Вовсе нет, — ответил он с выражением удивления. — Не стану притворяться, будто она никогда не заставляла меня скрипеть зубами своими истериками и тралялями, а особенно хроническим опаздыванием — не выношу непунктуальности, — но нет, в глубине души я питал к Коре теплое чувство.

Это признание слегка ошарашило Эвадну.

— Да? — сказала она, даже более удивленная ответом Найта, чем он был ее вопросом.

— Да, именно. Не могу сказать, что знал ее так уж близко, но, понимаете, за годы и годы мы случайно встречались в «Плюще», в «Капризе» и так далее.

— Насколько я понимаю, профессионально работать с ней вам не приходилось? — осведомился Колверт.

— Нет, приходилось. Один раз. В тысяча девятьсот тридцатом. Или в тридцать первом? Мы вместе играли на театральной сцене.

— Неужели? — заметила Эвадна. — Кора мне никогда про это не упоминала.

— Ну, я ее не виню. Не то, чем кому-нибудь хотелось бы похвастать. Пьеса Юджина О'Нила, но решительно одна из его слабейших. «Орфей Шморфей». Адаптировано с французского — Жан

Кокто, понимаете. Накрылась после пяти спектаклей. Ровно на пять больше, чем следовало бы, по-моему. О'Нил никогда не отличался воздушностью.

— Но Кора? — не отступала романистка. — Вы говорите, что она вам по-настоящему нравилась?

— Ну да. В общем и целом. Безусловно, когда я познакомился с ней лет пятнадцать назад, она была несравненной. Незабываемо ослепительной и наделенной особым обаянием. Не только на сцене, но и в жизни. Одна из тех актрис, кому не нужны огни рампы или софиты. Она не поглощала свет, а, казалось, сама его излучала.

— Точно сказано, молодой человек.

— Благодарю вас, мисс Маунт. И, кстати, благодарю вас за «молодого человека». Мы были одного поля ягоды, Кора и я. Она, конечно, была несколько старше меня. Но у нас у обоих имелось то, что она назвала бы «прошлым». Мы одинаково начали в театре, прежде чем со временем перебраться в фильмы. И мы равно поняли, что наше время проходит, когда перестали лгать о том, что сделаем, и начали лгать о том, что уже сделали.

Беда Кору, однако, была в том, что она так и не научилась приспосабливаться. Даже играя перед кинокамерой, она продолжала произносить свои реплики так, будто должна была донести их до последнего ряда галерки. И она продолжала держаться — не сдерживаться, — будто была звездой первой величины, какой эти несколько последних лет, увы, перестала быть. Тем не менее ей был свойственен класс, подлинный класс. Она не была похожа на пушистых фитюлек, с которыми приходится играть сегодня, которые не только не способны играть О'Нила, но никогда даже о нем не слышали. И вопреки всему ее сволочизму, который, должен сказать вам, я не раз испытывал на себе, она умела быть щедрой душой.

— Всем сердцем согласна с вами, — сказала Эвадна Маунт. — Именно это я говорила моему присутствующему здесь другу Юстесу. Кора была истинно свежим яйцом.

— Скажем уж скорее, болтуном, — пробормотал актер, галантно добавив, — но от Фаберже.

— Итак, — сказал Трабшо, не слишком обрадованный, услышав, как его прискорбное имя вновь беспечно прозвучало для непрошенных ушей, — вы не были против ее участия в фильме.

— Против? Конечно же нет. Собственно, это я убедил Фарджи, что она идеально подойдет на эту роль.

— Ах, вот как? — задумчиво сказал Трабшо. — Вот это интересно...

— Почему?

— Ну, как вы видите, сэр, у кого-то явно имелись причины желать, чтобы мисс Резерфорд была выведена из строя. И одним из способов избавиться от нее было бы отравить ее на съемочной площадке в окружении целой толпы. Теперь мы узнаем, что это вы рекомендовали пригласить ее сниматься в этой картине. Неужели вы не видите, к чему я клоню?

Гарет Найт обдумал его слова, затем сказал:

— Нет, правду сказать, не вижу. Вы как будто забыли, что в первоначальном сценарии ничего не говорилось о том, что Кора будет пить из фужера. Идея эта осенила режиссера на съемочной площадке и в самую последнюю минуту, как это случалось десятки раз с Фарджи. Неужели вы можете серьезно полагать, что я святым духом заранее знал, что Хенуэя вдруг осенит эта идея?

— Прямехонько в глаз, Юстес, — прямо-таки прокукарекала Эвадна Маунт.

— К тому же, — без запинки продолжал Найт, — повторяю, Кора мне нравилась. Нелепо намекать, будто у меня могла быть причина убить ее. И я не только этого не сделал, но просто не могу вообразить, зачем это кому-то понадобилось. Бывали моменты, когда я с восторгом придушил бы ее, но только не убил бы, если вы меня понимаете.

— Так-так, — сказал Колверт. — Но расскажите мне, мистер Найт, в течение примерно девяноста минут между тем, как все отправились перекусить, и вашим собственным возвращением на съемочную площадку, чем занимались вы? Куда ходили? И что делали?

— Все эти полтора часа я провел у себя в гримерной.

— Вы не пошли поесть в столовую?

— В столовую? Я вообще туда не хожу. Мой секретарь каждый день готовит мне второй завтрак и привозит его в Элстри из моей лондонской квартиры.

— А ваш секретарь? Она была с вами в гримерной какое-то время?

— Он, инспектор.

— Он?

— Мой секретарь мужского пола.

— А-а! Понимаю. Ну, так он был с вами какое-то время?

— Он был со мной все это время. Собственно говоря, мы поели вместе. Затем он помог мне проиграть новый эпизод. Он играл Кору. То есть он читал реплики Кору. Он, безусловно, все это подтвердит.

— Не сомневаюсь, сэр. Разумеется, подтвердит. — Изменив галс, Колверт сказал теперь: — Эта картина — «Если меня найдут мертвой», — на ней словно бы лежит проклятие, верно? Мисс Резерфорд умирает подобной смертью прямо на съемочной площадке, ну, и конечно, мистер Фарджион тоже умер несколько недель назад. Его смерть, наверное, явилась для вас большим шоком.

— Да, это был шок, да, — сказал Найт. — Профессиональный удар, я ведь, знаете ли, играл в нескольких фильмах Фарджиона. Фигурально выражаясь, я был членом его постоянной труппы.

— Профессиональный удар, вы сказали. Не личный?

Найт молчал. Было очевидно, что он спорит с собой, стоит ли ему отвечать или нет. Наконец он сказал:

— Инспектор, я не уступлю никому в моем восхищении Аластером Фарджионом как художником. Он был, само собой разумеется, истинным гением, одним из очень немногих поводов, все еще позволявших нам гордиться нашим, в основном прискорбно хиреющим, английским кино. Как человек... — Он пожал плечами.

— Вы, насколько понимаю, не были близкими друзьями?

— В том-то и дело, мы были близкими друзьями, — ответил актер с гримасой. — Это-то я и нахожу столь непростительно жестоким. Поймите, я...

— Да, мистер Найт?

— Ну, хорошо. Учитывая то, в чем я был вынужден признаться, не вижу, почему бы не осведомить вас о всей истории. Теперь, когда он умер, это больше не имеет значения. Когда меня арестовали, именно Фарджи я попросил внести за меня залог, связаться с моим адвокатом и так далее. Естественно, пришлось поставить его в известность обо всей неупотребленной истории. И столь же естественно, учитывая его извращенную личность, он мгновенно уяснил, чем это грозит моей карьере в дальнейшем.

— Тем не менее он продолжал занимать вас в своих картинах.

— Да, мисс Маунт, не спорю, продолжал. С другой стороны — а с Фарджи всегда была другая сторона, — он ни разу не позволил мне забыть о своей осведомленности. Что достаточно единственного его небрежного слова, и моя репутация погибнет, что у него всегда была слабость к чему-нибудь покрепче и что если он хватит лишнего, дает знать о себе его злополучная склонность становиться чуточку болтливым — а потому в моих интересах блюсти его трезвость, — и так далее, и тому подобное. Он изводил меня, и я начал думать, что сойду с ума. Поэтому, как видите, с моей стороны было бы лицемерием делать вид, будто я, услышав о его смерти, не испустил огромный вздох облегчения, хотя и искренне оплакивал потерю, которую с его смертью понесло английское кино. Если вернуться к тому, что вы сказали минуту назад, инспектор, возможно, тут вы правы. Вполне возможно, что на этом фильме лежит проклятие. Не хочу показаться кровожадным, но я невольно прикидываю...

— Прикидываете — что, сэр? — подтолкнул его Колверт.

— Прикидываю, чья очередь будет следующей.

Следующей очередью оказалась — но только в смысле ответов на вопросы — очередь Леолии Дрейк.

Она вошла в кабинет в тяжелом, на подкладке, кашемировом пальто, стягивая его на себе так туго, будто тут стоял лютый холод, который тут не стоял, или же будто под пальто она была голой, но голой она не была. Она последовала приглашению и села на стул напротив Колверта, одернула юбку на коленях так медленно, будто они высунулись наружу, но они абсолютно не высовывались, и приготавилась ждать вопроса.

Поскольку Колверт начал с тех же прелиминариев, как и с Хенуэем, и с Найтом, повторять их здесь нет смысла. Достаточно сказать, что актриса полностью подтвердила то, что ему уже сказала

Летиция Морли — что она действительно болтала с Гаретом Найтом, когда услышала про «новую суперидею» Хенуэя.

— В таком случае, мисс Дрейк, не могли бы вы сообщить мне, — сказал Колверт, — в тот момент, когда мисс Резерфорд выпила из отравленного фужера — наличие яда, кстати, было официально подтверждено, — где точно находились вы? Случайно, не на съемочной площадке?

— Да, там. Но все время в стороне от Кору, понимаете? Я стояла позади камеры. Ником образом я не могла бы...

— Почему, — спросила Эвадна Маунт, — вы вообще были на площадке, хотя в эпизоде не участвовали?

— О, ну просто потому, что Рекс ведь был до того жутко блестящ, что я просто оторваться не могла. Я предпочла остаться там рядом с ним, наблюдать, до чего он изобретателен. У меня по спине просто мурашки бегали, ну, просто необыкновенные.

— Я вижу, вы высокого мнения о нем как о кинорежиссере.

— Естественно, — ответила она, будто это само собой разумелось. — То есть мы ведь встречаемся.

— Это так?

— Ну, сказать вам правду, — она не удержалась и хихикнула, будто маленькая проказница, — мы уже встретились, если вы понимаете, о чем я. Мы то, что журналы называют «парочкой», знаете ли.

— И вот почему он отдал вам роль в этой картине?

— Что-о?

— Я спросила вас, не поэтому ли он дал вам роль в картине?

Вопрос вывел актрису из себя.

— Сказать такую гадость! — наконец вскрикнула она. — Не моя вина, что Пэтси Шлютс угодила в этот пожар. Инспектор, я не знаю, кто эта женщина, но я отказываюсь оставаться тут и выслушивать ее оскорбления.

— Да, мисс Маунт, — сказал Колверт, — я должен согласиться с мисс Дрейк. Не вижу оснований, почему вы систематически держитесь враждебно со свидетелями, которые, в конце концов, стараются как могут помочь нам. С вашего разрешения, с этой минуты вопросы задавать буду только я.

Романистка немо не снизошла до ответа, и он приступил к собственной линии допроса:

— Мисс Дрейк, каким было ваше личное отношение к Кору Резерфорд?

— Право, не знаю, что сказать вам.

— Просто скажите, что вы о ней думали. Все останется между нами.

— Она была не из тех, о ком я вообще что-то думаю, так или иначе. Рексу, вы знаете, ее навязали. Он ее для фильма не выбирал, и если бы у него была бы, ну, свобода выбора, не думаю, чтобы он ее оставил.

— Вполне может быть так. Однако в этой самой комнате всего лишь полчаса назад мистер Хенуэй сам добровольно сообщил нам, что ошибался. Что он был просто поражен изумительностью ее игры.

— Рекс сказал это?

— Да.

— Ну что же, — беззаботно ответила она. — Очень благородно с его стороны. И это так похоже на Рекса. Он человек щедрой души.

— Но на вас самих она впечатления не произвела?

— Я предпочту не отзываться плохо о мертвых, инспектор.

— Но отозвались, — пробормотала Эвадна Маунт себе под нос.

Последовало такое молчание, что, хотя оно и длилось только несколько секунд, молодая актриса сочла его неловко затянувшимся, и она волей-неволей почувствовала, что от нее требуется положить ему конец.

— Ну, по-своему Кора была вполне, если у вас такие вкусы. Но, честное слово, инспектор, давайте посмотрим правде в глаза. Я о том, что она была немножко, ну, далеко уже не немножко, по ту сторону. И, может, — закончила она мило, — может, то, что случилось, было, знаете, к лучшему.

— К лучшему?! — Эвадна уничтожительно фыркнула. — Уши меня обманули, ты... ты... или вы действительно полагаете, будто Коре следует считать себя счастливой, что ее убили? Ты это хочешь сказать?

— Да нет же, нет, нет, я вовсе не это имела в виду! По-моему, крайне нечестно с вашей стороны вот так передергивать мои слова. И вырванные из контекста. Разумеется, ужасно, что Кору убили, ужасно! Я только подразумевала, что... ну, у нее же на самом деле никакого будущего не было, верно, и потому это не так плохо, я хочу сказать, не в той степени плохо, как было бы, если бы кто-нибудь вроде... ну, кто-нибудь моложе и красивее... нет, вы меня полностью сбили с толку, и я совсем запуталась.

— Ничего, мисс Дрейк, — сказал Колверт, — ничего. Положение для вас очень трудное, я понимаю.

Чувствуя, что было бы бесполезно продолжать допрос, он протянул ей руку.

— И огромное вам спасибо, что вы пришли. Вы чрезвычайно мне помогли.

— Я старалась, инспектор, я правда очень старалась.

— Я знаю. И вы свободны уйти. Но... это просто формальность, пожалуйста, в ближайшее время не планируйте никаких поездок, не поставив сначала в известность меня.

— Да-да, я понимаю. В любом случае теперь, когда фильм вроде бы вылетел в трубу, я надеюсь в ближайшем будущем начать репетировать в постановке в Вест-Энде. В «Филадельфийской истории». Вы знаете, пьеса сэра Джеймса Барри?

— Правда? — дипломатично согласился Колверт. — Ну, желаю вам большей удачи в вашей театральной карьере, чем до сих пор было в кино. Еще раз благодарю вас. Всего хорошего.

— Всего хорошего и вам, инспектор, — пробормотала она почти в слезах. Затем, не взглянув ни на Трабшо, который за это время не сказал ни слова, ни на Эвадну, которая наговорила их слишком много, она снова стянула на груди свое пальто и почти выбежала из комнаты.

Секунду спустя Колверт повернулся к романистке и погрозил ей уккоризненным указательным пальцем:

— Право же, мисс Маунт, право же...

Глава двенадцатая

— Садитесь, прошу вас.

Без слова благодарности, крепко держа пышно украшенную смутно восточными узорами нелепую ковровую сумку, из которой торчала внушительная пара вязальных спиц, Хэтти Фарджион села на стул, к которому ее направил сержант. Поскольку она удостоила Эвадну и Трабшо лишь мимолетнейшим взглядом, прежде чем бессловесно отвернуться, Колверт на этот раз не счел себя обязанным принести уже привычные извинения за их неправомерное присутствие тут или даже представить их ей поименно.

Пятидесяти с лишком, в крутых завитках волос, низенькая, неопрятная, и к тому же — или так, во всяком случае, казалось — перманентно злобствующая Хэтти Фарджион, приходится признать, не была привлекательной женщиной. И тем не менее в ее физическом и менее всего элегантном облике было нечто, ставившее в тупик. Словно бы она прилагала особые старания, чтобы представлять себя миру в наименее авантажном виде. Правда, она никогда не заняла бы первого места на конкурсе красоты. Однако в голову невольно приходила мысль, а должны ли ее волосы быть такими неухоженными? Должна ли ее кожа быть такой пятнистой и крапчатой? Должна ли она действительно носить бутылочно-зеленый костюм, расползающийся по всем швам одновременно? И главное, должна ли она противопоставлять людям, своим братьям и сестрам — людям, которые, если их подбодрить, возможно, будут готовы встретить ее на полпути — такое оскорбительное отсутствие даже капли интереса?

Но, видимо, Хэтти была такой вот. Принимайте меня, какая я есть, или не принимайте, как вам угодно, казалось, говорил ничего не выражающий язык ее внешности, но не ждите, чтобы это меня так или иначе трогало.

— Мне хотелось бы поблагодарить вас, миссис Фарджион, — сказал Колверт с вежливой нейтральностью, — за согласие ответить на мои вопросы. Возможно, вы помните, что мы уже встречались прежде, когда виллу вашего покойного супруга уничтожил этот страшный пожар.

Никакого отклика от Хэтти.

— И... и, э, уверяю вас, я не отниму вашего времени больше, чем абсолютно необходимо.

И вновь никакого отклика.

Колверт почувствовал, что либо он задаст прямой вопрос безотлагательно — такой вопрос, отказ ответить на который уже нельзя будет просто приписать природной молчаливости, но придется расценить как подлинную провокацию, — либо так разнервничается, что вообще не сможет задать никакого вопроса.

— Вы Хэтти Фарджион, не так ли? — спросил он.

— Да.

— Вдова Аластера Фарджиона, кинопродюсера?

— Режиссера.

— А, да. Ха-ха, извините. Да, я правда, видимо, все время путаю. Для непосвященного вроде меня, специально не подготовленного, различие между тем и другим не так уж ясно, но, полагаю, для вас, причастных киноискусству...

Его голос замер. Молчание.

Пора было перейти к делу.

— Скажите мне, миссис Фарджион, почему вы каждый день являлись в студию?

— Простите?

— Я спросил, почему вы все еще регулярно появляетесь в павильоне. То есть я понимаю, что первоначально эта картина была задумана вашим мужем, но после трагического случая с ним, казалось бы, нет практической причины для вашего присутствия здесь. Или вы смотрите на себя как на... ну, как говорится, на Хранительницу Огня?

Тут же вспомнив огненные в буквальном смысле слова обстоятельства смерти Аластера Фарджиона, он понял, насколько неуместно прозвучала эта последняя его фраза.

— Приношу свои извинения. Боюсь, я выразился очень неудачно. Никакого намека в виду не имелось.

— И не было замечено, — ответила она брюзгливо. А затем опять погрузилась в молчание.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— Какой еще вопрос?

— Насколько я понял, миссис Фарджион, — сказал Колверт тоном, теперь настолько повышенным, что тон этот указывал не только на злоупотребление его терпением, но и на то, что терпение это стремительно истощается, — когда ваш супруг снимал свои фильмы здесь, в Элстри, вы сами всегда находились в студии. Но вашего супруга более с нами нет. Так почему же вы продолжаете ездить сюда, хотя фильм этот, «Если меня найдут мертвой», снимает кто-то другой?

— Аластер хотел бы этого.

— Аластер хотел бы этого от вас? Но почему он от вас этого хотел бы? Собственно, какой цели служит ваше присутствие?

Она испустила смешок, чуть отдававший запором.

— Я не жду, что вы поймете, инспектор, то, что я вам скажу, но Аластеру всегда нравилось иметь меня поблизости на съемочной площадке, вроде как талисман — он был чрезвычайно суеверным человеком, — и если я продолжала приезжать, то потому, что, по моему ощущению, я представляю безмолвную гарантию верности его замыслу. В конце-то концов, это срабатывало в прошлом. Так почему же это не сработает сейчас, пусть даже снимет фильм не сам Аластер.

Полновесный ответ и даже интригующий.

— А почему вы здесь сегодня? Съемки же прекращены.

— Да. До дальнейшего распоряжения.

— Должен ли я понять, что вы не верите в окончательность этого?

— Конечно, нет.

— Но убийство мисс Резерфорд?

— Тот факт, что Кора Резерфорд больше в нем не снимается, мало что меняет. Ее роль была относительно маловажной. В этой стране найдутся десятки актрис, которые сыграют ее не хуже. Если уж вам надо знать, то сегодня я приехала в Элстри главным образом для того, чтобы обсудить с Рексом Хенуэем, кому нам лучше всего ее предложить.

— А, понимаю, понимаю! — взорвалась Эвадна Маунт с обычной своей внезапностью. — Бедная Кора еще не в могиле, а вы уже думаете, кем ее заменить?

— Естественно, мы об этом думаем. Это же деловое предприятие. И мы несем обязательства по отношению к живым, а не к мертвым. В съемках «Если меня найдут мертвой» заняты шестьдесят человек с лишним. И куда более человечно попытаться сохранить для них работу, чем тратить ценные дни, даже недели, оплакивая смерть мисс Резерфорд, как она ни прискорбна.

— С вашего разрешения я сменю тему, миссис Фарджион, — сказал Колверт, ловко вмешавшись, прежде чем романистка успела взгромоздиться на своего любимого конька. — Насколько я понял, режиссирование фильма было поручено мистеру Хенуэю, потому что вы нашли некий документ в бумагах вашего супруга?

— Совершенно верно.

— Случайно, при вас этого документа нет, могу ли я спросить?

— Конечно, у меня с собой его нет. С какой стати? Когда я приехала сюда сегодня днем, мне и в голову не приходило, что меня будет допрашивать полиция. Но и в таком случае сомневаюсь, что я подумала бы захватить его.

— Однако, надеюсь, он по-прежнему у вас?

— Разумеется.

— И нет никаких сомнений, что он был написан вашим мужем?

— Ни малейших. Я знаю почерк Аластера.

— Когда вы просматривали его бумаги, то искали именно этот документ, или нашли его случайно?

— Как я могла его искать? Я даже не знала о его существовании.

— Так чего же вы искали? — спросила Эвадна Маунт.

Уничижительный тон Хэтти Фарджион, когда она ответила, создавал впечатление, что ее ничуть не затронула невежливость романистки, что она не снизошла до того, чтобы оскорбиться.

— Если вас это как-то касается, то я искала завещание Аластера.

— А! Его завещание... — сказал Колверт. — И вы его нашли?

— Да, нашла.

— Никаких неприятных сюрпризов, я надеюсь?

На этот раз намек зримо задел ее.

— Категорически нет. Аластер и я составляли его вместе. И могу я сказать, что нахожу такой вопрос неприемлемым, инспектор.

— Извините, он был задан без какого-либо умысла. Но вернемся к тому странному документу — судя по сообщенному мне, в нем говорилось, что в случае, если вашему мужу что-то помешает снять этот фильм, режиссура должна быть поручена Рексу Хенуэю. Такова суть?

— Это не только суть, а вообще все, что там есть. Только одно это распоряжение. И подпись Аластера, конечно.

— Хм. Ваш муж испытывал какой-то страх, миссис Фарджион? За свою жизнь, может быть?

— Что за нелепая идея!

— Но почему же в таком случае он выдвинул столь странную гипотезу?

— Честно говоря, инспектор, меня несколько не удивило бы, узнай я, что Аластер писал подобный документ перед всяким и каждым своим предыдущим фильмом. Естественно, я не могу этого утверждать категорически, так как он, без сомнения, рвал бы их после завершения фильма. Мой муж был блистательным человеком, но подобно многим блистательным людям просто не мог приспособиться к реальному миру. Он, как я вам уже сказала, был по-детски суеверен. И по личному моему мнению, запечатлевая такое заявление на бумаге, он, по сути, надеялся перехитрить Судьбу. Ну, так называемая реверсивная психология. Или, пожалуй, скорее реверсивное суеверие. Притворяясь перед Судьбой, будто он боится, что с ним может случиться нечто кошмарное, он надеялся, что Судьба, всегда, как мы знаем, действующая нам наперекор, непременно позаботится, чтобы этого не случилось. Я понимаю, как инфантильно это выглядит, но ведь во многих отношениях Аластер именно таким и был.

— Очень интересно, крайне интересно, — сказал Колверт, который не сумел замаскировать удивление перед столь подробным объяснением в ответ на его простой вопрос.

— Тем не менее, — сказал Трабшо, воспользовавшись наступившей паузой, — нам было бы полезно узнать, не имел ли ваш муж врагов? Или мне следовало бы сказать, учитывая его влияние и известность, не имел ли он много врагов.

— При всей детскости, на какую часто бывал способен Аластер, — сказала его вдова после краткого размышления, — он, во всяком случае, был достаточно умен, чтобы делать друзьями имеющих власть и врагами, ее не имеющих. — В ее голосе внезапно послышался слабый узкогубый намек на угрозу. — Я была единственным исключением из этого правила.

И на этой холодящей ноте разговор был окончен.

Хэтти Фарджион удалилась, и трое друзей переглянулись.

— Эта женщина, — в конце концов заметил Трабшо, — знает больше, чем готова открыть.

— Не удивлюсь, — сказал Колверт.

Колверт приступил к допросу Франсэ, как и со всеми предыдущими допрашиваемыми, в любезноразговорной тональности. Он заверил француза, что расспросы, которым он подвергнется, всего лишь формальность, что он просит его всего лишь поделиться любыми сведениями, какими бы тривиальными и пустячными они ему ни казались, об обстоятельствах смерти Кору Резерфорд.

— Mais, naturellement³⁷, я скажу вам все, что я знаю.

— Тогда разрешите мне сначала коснуться нескольких основных моментов. Ваша фамилия...

— Франсэ, Филипп Франсэ.

— И вы, насколько мне известно, кинокритик?

Франсэ сделал гримасу негодующего пожевивания.

— Извините, — сказал Колверт, — я ошибся? Но мне, безусловно, сказали, что вы кинокритик.

— О, это не, как вы выражаетесь, большая важность. Просто я предпочитаю определение théoricien. Как это по-вашему? Теорист?

— А! Ну, для меня это никакого значения не имеет. Но в чем, собственно, различие?

³⁷ Ну, разумеется (фр.)

— Различие...

Француз откинулся на спинку стула движением, зловеще угрожающим для всякого, кому уже приходилось слышать, как он плетет кружева на свою любимую тему.

— Я сказал бы, что различие между кинотеористом, который пишет для неширокого журнала, нет? И кинокритиком, тем, кто пишет в ежедневные газеты, — такое же, как между астрономом и астрологом. Вы comprenez³⁸? Первый создает теорию, чтобы описать кинематографический космос. Другой ограничивается звездами. Avec les vedettes, quoi³⁹, я думаю, особенно вы, инспектор, оцените...

— Собственно, — поспешно сказал Колверт, — мне бы хотелось...

— Нет-нет, вы, пожалуйста, должны разрешить мне докончить. Вы и я, мы, как пара горошин. А почему? А потому, что мы оба имеем теории n'est-ce pas⁴⁰? Ведь что такое детективы, как не критики преступления? А что такое критики, настоящие критики, теоретичные критики, как не детективы кино?

Пока можно было наблюдать, как губы Трабшо складывались в «чокнутый, совсем чокнутый», Колверт сделал еще попытку направить поток в нужное русло.

— Интересно... Ну, согласимся, что вы пурист и покончим с этим.

— Пурист, да-да, это правда, мы, французские теористы, мы все пуристы. Par exemple⁴¹, у меня есть коллега, который утверждает, что кино, оно умерло — оно умерло, вы понимаете, — когда оно начало говорить. Пф! Вот так, просто. У меня есть другой коллега, который такой пурист, что он смотрит только фильмы, сделанные в девятнадцатом веке. Для него mille neuf cent, тысяча девятьсот — это конец всего. Moi, я специализируюсь в oeuvre⁴² единственного cinéaste⁴³, великого Аластера Фарджиона.

Обрадованный, что Франсэ оказал ему услугу наконец-то добраться до сути, Колверт вцепился в эту фамилию.

— Аластер Фарджион, да, вот именно! Вы пишете книгу о его творчестве, если не ошибаюсь?

— Я? Да. Я изучаю его фильмы много лет. Он сделал много chef-d'oeuvres⁴⁴.

— Извините, я не совсем расслышал, — сказал Трабшо. — Он сделал много как вы сказали?

— Chef-d'oeuvres. Шедевров. Он был очень великий режиссер, величайший из всех английских режиссеров. Вы знаете, мы, французы, иногда говорим, что есть несовместимость между словом «английское» и словом «кино». Но Фарджион, он был исключением. Он делал фильмы, которые равны... qu'est-ce que je dis⁴⁵, которые более чем равны, много более чем равны, любому другому в мире. Рядом с Фарджионом другие настолько vin ordinaire⁴⁶.

— Мсье Франсэ, — сказал Колверт, — не могу ли я перейти к делу?

— А, да. Смерть — убийство мисс Резерфорд. Так печально.

— Очень. Вы, если не ошибаюсь, были тогда в павильоне.

— Это правильно.

— Значит, вы должны были видеть, как она пила из отравленного бокала?

— Да, я вижу как.

— И падение на пол?

— Это тоже. Это было ужасно, ужасно.

— Ну, а перед тем, как это произошло, не было ничего, совсем ничего, что вы могли бы заметить, чего-нибудь, что показалось бы вам, ну, необычным, странным, выходящим за рамки привычного? Подумайте хорошенько, прошу вас.

— Инспектор, у меня нет необходимости думать. Я не замечаю ничего такого рода, названного вами. Я здесь, чтобы наблюдать за съемкой. Я помещаю себя в углу и делаю заметки.

³⁸ понимаете (фр.)

³⁹ Здесь: Что касается кинозвезд, то (фр.)

⁴⁰ не правда ли? (фр.)

⁴¹ Например (фр.)

⁴² творчество (фр.)

⁴³ кинорежиссер (фр.)

⁴⁴ шедевры (фр.)

⁴⁵ что я такое говорю (фр.)

⁴⁶ ординарное вино (фр.)

— Для вашей книги о Фарджионе, нет? (Французское построение фраз, печально отметил про себя Колверт, оказалось заразительным.)

— Да. Последняя глава должна быть о «Если меня найдут мертвой». Это будет очень любопытная глава, совсем не в стиле остальной книги.

Когда его ответ замер довольно неисчерпывающе, Эвадна воспользовалась удобным случаем задать собственный вопрос.

— Мсье Франсэ, — начала она, — вы, я уверена, вспомните, что вчера мы перекусывали в буфете все вместе.

— Mais naturellement. Я очень хорошо помню.

— И вы рассказали нам во всех подробностях про вашу книгу о Фарджионе — об интервью, которые вы брали у него на протяжении многих лет.

— Да.

— И главное, про ваше восхищение его творчеством, восхищение, которое вы только что в очередной раз повторили.

— Это так.

— Но вы также сказали нам, практически спохватившись, что человек он был гнуснейший. «Свинья», если я могу вас процитировать. Я права?

— Да, вы... вы правы, — ответил он, с глазами в неразличимости за толстыми стеклами очков.

— Ну, так мой вопрос к вам таков: почему? Почему он был свинья?

— Но все знают почему. Это dans le domaine public. Это известно публично — его репутация — я повторяю: это известно о нем.

— Это неоспоримая истина, — продолжала Эвадна. — И тем не менее я ощущаю, очень четко ощущаю, что, когда вы говорили о нем, неистовость вашего осуждения питалась не просто тем, что знают все, но опиралась на какой-то частный, какой-то личный опыт.

Франсэ поразмыслил, потом пожал плечами.

— Qu'est-ce que ça peut me faire enfin?⁴⁷ — Его темные очки посмотрели романистке прямо в глаза. — Да, мисс Маунт, она питалась личным опытом.

— Вы не поделитесь им с нами?

— Почему нет? Вы видите, я посвятил мою жизнь Аластеру Фарджиону. Я изучал его фильмы, я смотрел их много-много раз, и каждый раз приносил новые открытия, новые и завораживающие детали, прежде мною не замечаемые, так богаты и необычны все его фильмы. И однажды я взял свою храбрость в обе руки, чтобы написать ему самому сюда в Элстри, и я предлагаю нечто абсолютно inédit — как вы говорите? — неиспытанное? Книгу о нем, но не монографию, нет-нет, книгу интервью. К моему изумлению, он соглашается. Я незамедлительно сажусь в поезд-паром до вокзала Виктория, и мы садимся вместе, не здесь, а в его великолепной вилле в Кукхеме, ныне, увы, несуществующей — и он говорит, и я слушаю. Он говорит и говорит, а я слушаю и записываю. Просто extraordinaire⁴⁸ то, что он говорит, это tout à fait épous-touflant⁴⁹! Я так счастлив, я начинаю думать, что опубликую величайшую книгу о кино, когда-либо бывавшую.

Его лысина блестела бисеринками пота.

— Но есть что-то еще. Внутри каждого критика кино есть творец кино, который вопиет, рвется наружу, вы понимаете? И я ничем от других не отличаюсь. Я так imprégné⁵⁰ творчеством Фарджиона, что я сам начинаю писать сценарий — держа в уме его стиль. Я тружусь над ним много месяцев, пока не чувствую, что он готов, чтобы он его прочел. Тогда я посылаю его ему с милым робким письмом в аккомпанемент. И я жду. Я жду, и я жду, и я жду. Но не получаю никакого отзыва, ровно никакого. Я не могу понять. Я думаю, может быть, я должен протелефонировать, получил ли он его? Затем я читаю в газете, что он готовит новый фильм. Его название «Если меня найдут мертвой». И тогда я понимаю — enfin⁵¹.

— Что вы понимаете? — негромко спросила Эвадна Маунт.

⁴⁷ В конце концов, мне-то что? (фр.)

⁴⁸ необыкновенно (фр.)

⁴⁹ совершенно потрясающе! (фр.)

⁵⁰ пропитан (фр.)

⁵¹ наконец (фр.)

Наступила краткая пауза. Затем:

— Мой сценарий, он называется «Человек в четвертом ряду». Он рассказывает о двух женщинах, которые идут в театр, и одна из них указывает на человека, который сидит перед ними, и она говорит своей подруге...

На этой точке его повествования и он, и Эвадна Маунт сказали хором:

— Если меня когда-нибудь найдут мертвой, то вот человек, который будет причиной...

— Стоп, — заключила Эвадна мрачно. Затем она добавила, пожалуй без надобности: — Он украл ваш сценарий.

— Он украл мой сценарий, да. Вот почему я говорю, что он гений, но он также и свинья.

— Любопытно...

— Что любопытно?

— В изложении Кору человек этот сидел в третьем ряду.

Франсэ позволил себе невесело усмехнуться:

— По крайней мере одно он изменил.

— Это, и еще название.

— И название, да.

— И вы ничего не могли поделать? — спросил Колверт.

— Ничего. Я не имел доказательств. Ни копирайта. Ничего. Я так жаден, чтобы Фарджион самый первый его прочел, этот сценарий, который я написал для него, что я не показываю его ни моим друзьям, ни моим коллегам и никому о нем не говорю. И все это, вы понимаете, я пишу в милом робком письме, которое я вкладываю внутрь сценария. Я был — как вы это говорите? — полный простак.

— Вы не можете себя винить, — объявила Эвадна Маунт. — В конце-то концов, откуда вам было знать, что он окажется таким бессовестным.

— Но да, мне было, откуда знать! — воскликнул Франсэ, сильно хлопнув кулаком по столу.

— Но каким образом?

— Это все есть тут — в его фильмах! Я вижу это снова и снова, но я не понимаю то, что я вижу!

— Знаете, — задумчиво сказала Эвадна, — мне бы надо попробовать самой ознакомиться с этими фильмами.

— Да? Вы любопытны открыть себе творчество Аластера Фарджиона?

— Ну конечно.

— Тогда вы должны разрешить мне сопровождать вас. Сегодня вечером, если вы свободны. Это будет большая честь.

— Сопроводить меня? Сегодня вечером? Господи, куда?

— В вашу «Академию кино». В полночь там будет всенощный показ его фильмов. Hommage⁵²[52]. Вы не знали?

— Нет, не знала. Ну, мне страшновато вспомнить, как давно я проводила целую ночь на ногах, но эта homage слишком важна, чтобы я ее пропустила. Мсье Франсэ, у вас есть спутница.

Последний допрос — Летиции Морли — был равно и самым кратким, отчасти потому, что она так впечатляюще сформулировала обвинение против себя накануне в буфете, а отчасти потому, что им всем она из пяти подозреваемых казалась наименее подходящей. Поэтому вопросы Колверта были главным образом повторением прошлых, как в не меньшей степени и ее ответы. Видела она то, что видели все остальные, и реагировала примерно так же, как реагировали все остальные. Что до Кору, Летиция просто повторила взвешенное мнение, которое уже высказала в прошлый раз. Собственно говоря, только когда процедура приближалась к своему антидраматичному финалу, она добавила нечто ценное к запасу сведений своих инквизиторов.

Однако непосредственно перед этим произошло маленькое побочное отвлечение. Эвадна Маунт находила монотонно повторяющееся чередование вопросов и ответов настолько нудным, что начала буквально клевать носом. «Клевать» было наиболее подходящим определением. Когда, к развлечению Трабшо, дремота переходила в безоговорочный сон, голова романистки склонялась налево или направо, прежде чем сразу рывком занять нормальное положение. Затем,

⁵² Дань уважения (фр.)

чуть позже, даже хотя она пыталась почти вручную поднять веки, все вновь повторялось с начала и до конца. А затем снова.

На четвертый раз она каким-то образом ухитрилась открыть глаза, прежде чем выпрямиться. И увидела в этот миг прямо перед собой мусорную корзинку, запрятавшуюся под письменным столом Рекса Хенуэя. Корзинка по самый край была набита всякими бумагами — предположительно, ненужными письмами, устаревшими контрактами, страницами отвергнутых сценариев и тому подобным. Однако поверх их всех из корзинки высовывался длинный обрывок бумаги, сильно обожженный с обеих сторон и явно оторванный от более широкого листа. Ее сыщицкий инстинкт пробудился при виде одного из тех пустячных, но, как неизбежно оказывалось, жизненно важных клочков бумаги, выброшенных, хотя до конца не уничтоженных, которые так часто фигурировали в ее собственных «Ищи убийцу!», и она выбросила вперед руку с ловкостью, с какой муравьед — свой язык, зажала бумажку между пальцами и потратила несколько секунд, чтобы изучить ее прежде, чем незаметно (как она воображала) опустить в свою сумку. Затем она выпрямилась на стуле и вернула все свое внимание Колверту и его вопросам.

— Однако, мисс, — услышала она его слова, — вы должны были, мягко выражаясь, испытать глубокое омерзение. Знаменитый кинорежиссер приглашает вас к себе на виллу, чтобы обсудить планы его новой картины, а затем, без малейшего предупреждения, пытается... ну, обесчестить вас. У какой порядочной женщины подобное предосудительное поведение не вызвало бы омерзения?

— Во всяком случае, в кинобизнесе, инспектор, — ответила Летиция, — омерзение испытала бы только очень глупая женщина. Последняя дуручка. Но я вижу ваше омерзение и, уверяю вас, вовсе не смотрю легко на изнасилование. Да, повторяю, изнасилование. Фарджион пытался изнасиловать меня, а не «обесчестить», как вы выразились. Он пытался изнасиловать меня точно так же, как, по моему убеждению, он попытался изнасиловать Пэтси Шлютс. Однако в отличие от бедной Пэтси я умею обходиться с мужчинами, особенно, когда, учитывая репутацию Фарджи, я, полагаю, полусознательно ожидала чего-то подобного.

— Так как же вы с ним обошлись?

— Вырвалась из его хватки, кстати, порвав при этом новое и довольно дорогое платье от Хартнелла, выбежала из виллы, нашла в Кукхеме полуприличный пансион, где провела ночь, зализывая свои раны, а утром на первом же поезде вернулась в Лондон. Более или менее в целости и сохранности.

Естественно, после моего отказа ему я не сомневалась, что с фильмом для меня покончено — я же была ассистенткой Рекса Хенуэя — и что мне лучше начать поиски другого места. Затем я прочла сперва о пожаре на вилле Фарджиона, а через три-четыре недели после — что именно Рексу поручено снимать «Если меня найдут мертвой». Я позвонила ему, и — что вовсе неудивительно, учитывая как долго и хорошо мы работали вместе, — он предложил мне мое собственное прежнее место.

Так что, нет, инспектор, отвечая на ваш первоначальный вопрос, я вовсе не была сокрушена, как вы выразились, смертью Аластера Фарджиона по причинам, которые только что изложила вам.

Откинувшись в своем кресле, Колверт смотрел на нее почти с нежностью.

— Ну, думаю, это все, что я хотел узнать. Позвольте еще раз поблагодарить вас, мисс Морли, что вы пришли сюда. Позволю себе сказать, что вы произвели замечательное впечатление на всех нас. Почти ошеломляющее. Могу только пожелать, чтобы все свидетели, которых мне приходится опрашивать, отвечали бы столь же ясно и здравомысляще, как вы. Надеюсь увидеть вас на суде коронера.

— Увидите. И я тоже благодарю вас инспектор.

Она встала и одернула юбку без всякой аффектации.

— Всего хорошего, мисс Маунт, мистер Трабшо. Познакомиться с вами было очень интересно. Я не преувеличиваю.

Едва она закрыла за собой дверь, как Трабшо сказал:

— Молодая женщина с головой на плечах. И правильно привинченной.

— Что есть, то есть, — сказал Колверт. — Она просто вызвала у меня восхищение. А что скажете вы, мисс Маунт?

— Что скажу я? Я скажу, что мне необходимо что-нибудь выпить. Особенно, если мне придется всю ночь смотреть фильмы в «Академии».

— В таком случае, дорогая моя Эви, — сказал Трабшо, — позвольте мне, во-первых, подвезти вас назад в город, *mais naturellement*, и, во-вторых, предложить парочку двойного розового джина в баре «Ритца».

— Оба предложения, мой милый Юстес, приняты с благодарностью.

— Отлично, отлично. А как вы, Том? Полагаю, подвозить вас не требуется?

— Нет, спасибо, у меня своя машина. Но просто позвольте мне сказать, как я благодарен вам обоим за согласие принять участие в этом моем маленьком эксперименте. А также и за ваши очень уместные и, — он не удержался и бросил на Эвадну лукаво-смешливый взгляд, — режущие вопросы. А теперь у меня к вам еще просьба. Поразмыслите надо всем, что вы слышали сегодня здесь и — если и когда — у вас возникнут новые идеи, которые, по вашему мнению, следовало бы сообщить мне, прошу вас без стеснения позвонить. Мой номер у вас есть. А я, в свою очередь, буду сообщать вам о дальнейшем ходе расследования.

— Собственно говоря, — сказал Трабшо с загадочной полуулыбкой, — мне кажется, у меня уже складывается новый интригующий взгляд на все дело. Однако, если не возражаете, я позволю ему настояться, прежде чем угостить вас.

Глава тринадцатая

Для начала по пути назад из Элстри в «ровере» старшего инспектора ни он, ни Эвадна Маунт словно бы не имели ничего сказать друг другу. Тем не менее, вопреки флегматичному темпераменту старшего инспектора вкупе с его нелюбовью открывать свои карты преждевременно — без сомнения, возникшей за годы его службы в Ярде, — Эвадна не могла не заметить в его облике еле сдерживаемое возбуждение, совершенно не вязавшееся с тем Трабшо, который, как она теперь чувствовала, был знаком ей с давних пор.

— Юстес, милый? — наконец спросила она, просидев рядом с ним в едущей машине минут двадцать.

— Хм?

— Вы жутко притихли. Есть что-то, что вы от меня скрываете, а?

— Да, — вынужден был он сознаться, — что-то есть. Однако, клянусь вам, «скрываете» не совсем то слово. Все будет открыто, когда мы доберемся до «Ритца». Я бы не хотел говорить об этом, одновременно управляя машиной. — Затем он добавил: — Но, Эви, а как насчет вас?

— Что насчет меня?

— Всего лишь то, что у меня есть причина верить, что вы тоже что-то скрываете.

— Неужели?

— Выкладываете.

— Да что выкладывать?

— Вы знаете что. Думали, никто не заметил, э?

— Будьте добры, перестаньте говорить загадками. Если вам есть что сказать, так, Бога ради, скажите же.

— А обрывок бумаги, который вы выхватили из мусорной корзинки Хенуэя? Да, вы были очень проворны, очень незаметны. Прямо-таки по-кошачьи. Но инспектора Копушинга вам не провести. Мы же партнеры, верно? Так по какой причине не посвятить меня в секрет?

— Никакой причины, — ответила она. — В отличие от вас я в прятки не играю.

Затем она открыла свою сумку, извлекла смятую бумажку и разгладила ее на коленях.

— Прочесть вам?

— Если хотите.

— Все, что она содержит — причем печатными заглавными буквами, — это SS ON THE RIGHT⁵³. Бывший полицейский пожевал их.

— SS ON THE RIGHT? SS ON THE RIGHT?.. Это вам что-нибудь говорит?

— Пока еще нет, — предусмотрительно ответила Эвадна.

— Чем это может быть? Ну хоть чем-то? Какой-нибудь шифр?

— Шифр? Елки всемогущие, Юстес! Вот уж не думала, что когда-нибудь скажу такое: вы слишком начитались детективных историй.

— Очень мило. Будь это одним из ваших «Ищи убийцу!», уж конечно, бумажонка эта механически — повторяю, механически — оказалась бы решающей уликой. Прямо так и вижу: «СС СПРАВА». Ну конечно, Бенджамин Леви! Поскольку Леви еле-еле сумел сбежать из нацистской Германии, совершенно очевидно, что СС, гестапо — то, что от них осталось — дышат ему в затылок.

Секунду-другую она осваивала эту нелепость. Затем:

— Юстес?

— Что?

— Сосредоточьтесь на дороге впереди, будьте так добры.

⁵³ СС СПРАВА (англ.)

* * *

Было самое начало шестого, когда они вошли в бар «Ритца». Он проводил ее к укромному столику, вдобавок к своему виски с содовой заказал двойной розовый джин, который, он полагал, заказала бы она себе (и в каком-то предположении не ошибся), достал трубку, устроил ее на пепельнице в одной из четырех узких выемок, и она возлежала там незакуренная, будто крохотная черная одалиска.

Затем, едва их обслужили, едва ее бокал звякнул о его бокал «чин-чин!», она повернулась к нему и сказала:

— Ну вот, Юстес. Время сообщить мне, что назревает.

— Эви, — сказал он, наклоняясь к ней, словно в решимости воспрепятствовать проходящим мимо официантам даже кратенько его подслушать, — по-моему, я нашел.

— Что нашел?

— Сегодня днем, слушая наших подозреваемых, я одновременно проигрывал все дело в уме, отмечая каждый существенный момент в том, про что они говорили, и внезапно на меня снизошло озарение, которое, думается, очень даже возможно, приведет к его разрешению так быстро, как нам и не грезилось.

— Ага! Значит, раздумывали у меня за спиной? Вижу, вижу!

— Ну, если вы вот так...

— Простите меня, просто шуточка. Значит, насколько я поняла, вы обнаружили какую-то первостепенную улику?

— Вот именно, — сказал Трабшо, которому трудно было скрывать тот упоительный трепет, что охватывает человека, готовящегося поразить собеседника какой-нибудь потрясающей новостью. — Ключ, который, как говорят в фильмах, должен распахнуть это дело. По меньшей мере он докажет Колверту, что даже мы, старичье, все еще прячем в рукаве пару-другую тузов.

— Ну, хорошо, — сказала Эвадна, — я вся слух. Так дайте услышать, что такое вы для них припасли.

— Ну, — начал Трабшо, — вы согласны, что логически только пять человек могли начинить цианистым калием фужер Кору?

— А не забываем ли мы самих себя?

— То есть как — самих себя?

— Мы с вами также, предположительно, подозреваемые, разве нет?

— Эви, — спросил он, принимая притворно торжественное выражение, — Кору убили вы?

— Нет, конечно, я ее не убивала.

— Как и я. Ну, так повторяю, нам известны только пятеро, знавших об изменении, которое Хенуэй внес в сценарий. Следовательно, только пятеро могли также знать о кратчайшей возможности незаметно убить Кору. А поскольку никто другой из этого фужера пить заведомо не стал бы, ни малейших сомнений в личности жертвы, избранной убийцей, не возникает, верно?

— Верно.

— Я снова повторяю: только пятеро могли убить Кору — и тем не менее, как мы убедились, расспрашивая их, ни у кого не оказалось хоть какого-то мотива.

— Погодите, Юстес, — перебила Эвадна. — Кто-то из них, если не все, мог иметь тайный мотив. Мотив, про который мы все еще ничего не знаем и о котором они, естественно, уведомить нас не пожелали.

— Да, я об этом подумал, — сказал Трабшо. — Тем не менее лично я убежден, что они все говорили нам правду — по крайней мере правду об отношениях или отсутствии отношений прошлых и сегодняшних с Корой. Почти все они, если помните, настаивали, что вообще не были с ней знакомы до того, как она явилась в студию для съемки в этом фильме. Только Гарет Найт знал ее с тех дней, когда они вместе выступали на подмостках, и, видимо, больше остальных был расположен к ней. Я говорю «видимо», поскольку, разумеется, он мог лгать, и опять-таки, не спрашивайте меня почему, но я ему поверил.

Если этого недостаточно, так у всех у них был сильнейший профессиональный мотив, чтобы, так сказать, не убивать ее, чтобы, как заметил сам Хенуэй, сохранить ее живой. Смерть Фарджиона уже нанесла «Если меня найдут мертвой» почти фатальный удар, а смерть Кору, весьма вероятно,

явится *coup de grâce*⁵⁴. Поскольку будущее всех до единого этих подозреваемых было связано с этой картиной, меньше всего им хотелось бы, чтобы над ней нависла вторая, даже еще более темная туча.

— Юстес, милый, говорить это мне не доставляет ни малейшего удовольствия, нет, правда, но пока вы не сказали ничего, кроме того, что я уже знала. Знаете, на что смахивает ваша последняя маленькая речуга? На велеречивый ломоть экспозиции в скверно спланированном «Ищи убийцу!».

— Будьте терпеливы со мной, Эви, — сказал Трабшо, с нечеловеческим усилием сохраняя собственное терпение. — Я ведь давно научился этому в общении с вами.

— Извиняюсь, извиняюсь. Продолжайте.

— Факт тот, что все ответы, которые мы слышали, либо заставляли нас кружить на одном месте, либо вели нас в никуда. Однако вопреки тому, что подавляющая часть всего ими сказанного никак к делу не относится, было нечто такое, что я долгое время ощущал, но не мог ни к чему привязать, — какая-то общая последовательность или подоплека, какая-то таинственная нить, прошивающая показания всех, кого мы допрашивали.

— Да? Так что же вы увидели? — спросила она почти на том же взводе, что и он сам.

— Я увидел, что нитью, пронизывающей все их показания, был Аластер Фарджион. Мы допрашивали их о Коре, а они хотели говорить только о Фарджионе. Будто Кора их вовсе не интересовала. Будто они не понимали, зачем, собственно, им задают вопросы про нее. Вот почему я говорю, что верю их утверждениям, что совершить это преступление у них не было ни малейшей причины. Как мы все, я слушал их заявления об их полной непричастности, и поймал себя на том, что все больше вслушиваюсь в каждом случае в ту почти небрежность, с какой они это заявляли. «конечно, — говорил нам каждый, — конечно, я не убивал Кору Резерфорд». Подразумевая, что в их жизни она была слишком малозначительной фигурой, чтобы ее стоило убить.

И вы заметили, — продолжал он, взывая на поднятой им же волне, — вы заметили, что никто из них словно бы не нервничал, не отводил глаз? А это, Эви, противоестественно, пусть даже ваши подозреваемые ни в чем не виноваты. Вы обязательно заметите намек на то, что мы в Ярде называли «сыскным синдромом». Люди, когда их допрашивают полицейские, нервничают. Почему? Потому что виновны? Не обязательно. Ну так почему? Потому что их допрашивают полицейские, вот почему. Для большинства людей допрос в полиции — это такое испытание, что кто угодно занервничает, и виновный, и невиновный. Совсем как кровяное давление.

— Кровяное давление?

— Врач не способен точно измерить кровяное давление пациента по самой элементарной причине: кровяное давление, когда его измеряют, автоматически повышается. Вот почему в Ярде у нас всегда большее подозрение вызывали те, кто относился к допросу невозмутимо, чем те, что потели, дергались и не переставали ерзать на стуле.

— Но, Юстес, если, как вы говорите, наши пять подозреваемых все реагировали спокойно, из этого по логике следует, что мы не должны доверять никому из них.

— Я это самое и говорю. Мы должны и мы не должны.

— Объясните.

— Касательно убийства Кору мы должны им доверять. Повторяю, как будто вопрос «Вы убили Кору Резерфорд?» — вопрос, который, согласен, мы не задавали прямо, но они все понимали, что именно подразумевал практически любой вопрос, который мы задавали — как будто подобный вопрос был настолько глуп, что не стоил серьезного ответа, ну, как если бы их спросили, не они ли отравили Гитлера в его бункере. Однако мы не должны доверять им сверх этого по той же самой простой причине, что, когда они начинали добровольно говорить об Аластере Фарджионе — а из них никто не удержался от соблазна поговорить о нем, — все они выдали кое-что о себе самих, что-то, что заставило меня понять, до чего они потенциально увертливы. Во всяком случае, один из них.

— И что же они выдали?

⁵⁴ Здесь: смертельный удар (фр.)

Старший инспектор заставил себя помолчать несколько секунд, чтобы ответ как можно сильнее поразил его слушательницу.

— ЧТО, ХОТЯ НИ У КОГО ИЗ НИХ НЕ БЫЛО ПРИЧИНЫ УБИТЬ КОРУ РЕЗЕРФОРД, У ВСЕХ У НИХ БЫЛА ПРИЧИНА УБИТЬ АЛАСТЕРА ФАРДЖИОНА.

— Аластера Фарджиона?! Но Фарджион же не был убит!

— Ах, Эви, — сказал Трабшо, не в силах подавить снисходительную улыбку, — вы меня разочаровали. Неужели вы никогда не читаете ваши собственные книги?

— Разумеется, нет. Зачем? Я же знаю, кто это сделал! — сердито огрызнулась она, прихлопнув свои слова прекрасно слышным восклицательным знаком. — Разрешите однако напомнить вам, — продолжала она, — ваш молодой протеже Том Колверт, «самый многообещающий новобранец в полиции, какого я только встречал», если мне будет дозволено сослаться на вашу собственную оценку его как полицейского, сделал заявление для прессы, в котором категорически исключил какую-либо преступную подоплеку пожара в Кукхеме. И, кстати, какое отношение мои книги имеют к цене на картошку?

— Послушайте, Эви, вы несправедливы. До убийства Кору у юного Тома не было никаких оснований подозревать преступную подоплеку. А что до ваших книг, мне просто хотелось бы напомнить вам, что будь это ваш «Ищи убийцу!», так называемая случайная гибель персонажа вроде Фарджиона, уж конечно, показалась бы читателям подозрительной. И Алексе Бэддели, само собой разумеется — хотя, конечно, и не усердному, трясущемуся от дряхлости инспектору Копушину, Копушину из Ярда.

— Прошу прощения, что наступаю вам на ногу, Юстес, — сказала Эвадна. — Но это не одна из моих книг. Это дело о реальном чертовом убийстве, убийстве, как вы, видимо, забыли, моей дорогой подруги. Человеческое сердце перестало биться, и я не могу не счесть безвкусным с вашей стороны приравнивать убийство Кору к того рода убийствам, о которых пишу я в «Ищи убийцу!» с единственной честолюбивой целью развлечь моих читателей.

— Если бы вы просто слушали меня, вместо того чтобы взбелениться, — ответил растерявшийся Трабшо, — вы поняли бы, что то, о чем я говорю, может помочь нам схватить убийцу Кору.

— Ну хорошо, — сказала романистка нелюбезно, — продолжайте свою экспозицию.

— Ну, так я высчитал, что у всех пяти подозреваемых мотив для убийства был, но только убийства не Кору, а Аластера Фарджиона, человека, которого никто из них, за исключением Хенуэя, не терпел, чего они и не заботились скрывать. И как раз перед тем, как мы покинули Элстри, я зашел в... «для мужчин» и нацарапал быстрый список, чтобы вы могли сразу увидеть, к чему я клоню.

Он вынул из кармана аккуратно сложенный лист линованной писчей бумаги и протянул его Эвадне Маунт.

Вот, что она прочла:

ВОЗМОЖНЫЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫЕ В УБИЙСТВЕ АЛАСТЕРА ФАРДЖИОНА И ИХ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ

Рекс Хенуэй. Смерть Фарджиона означала, что наконец-то он был свободен снять собственную картину, честолюбивая мечта, которую он, по его же признанию, лелеял много лет.

Филипп Франсэ. Фарджион присвоил его сценарий «Если меня найдут мертвой».

Летиция Морли. Фарджион пытался обесчестить ее у себя на вилле в Кукхеме.

Леолия Дрейк. Она знала, что у нее появится шанс сыграть главную роль в «Если меня наймут мертвой», только если убрать Фарджиона. (Или не может ли она быть просто сообщницей Хенуэя?)

Эвадна положила лист на стол между ними и собиралась заговорить, да только Трабшо, который не был бы человеком, если бы не испытывал некоторого самодовольства, ухитрившись отплатить ей ее же собственной монетой, опередил ее, подняв призывающую к молчанию ладонь.

— Прежде чем вы ответите, разрешите мне, — сказал он, — добавить еще один наиважнейший момент. Если, как я убежден, Аластер Фарджион был убит, тогда наконец-то мы получаем то, чего все мы тщетно искали с самого начала этого дела.

— Что именно?

— Мотив для убийства Кора.

И они сказали вместе:

— Потому что Кора обнаружила, кто убил Фарджиона!

— Потому что Кора обнаружила, кто убил Фарджиона!

— Стоп!

— Стоп!

— А теперь, — сказал Трабшо, упиваясь тем, что он счел хоть и запоздалым, но обращением романистки в его веру, — пора вам сказать мне, что вы об этом думаете.

Он расположился в кресле поудобнее и взял свой стаканчик с виски в ожидании неизбежных восхвалений.

Но голос Эвадны, когда она вновь заговорила, был не совсем таким, какого он ожидал.

— Ну-у...

— Да?

— ?..

— Что? Что вы пытаетесь сказать?

— Ничего, совсем ничего. То есть я...

— Выкладывайте, Эви.

— Ну, Юстес, откровенно говоря, я не знаю.

— В чем, во имя всего святого, проблема?

— Проблема, — сказала она, — в том, что моя задница чешется.

Трабшо уставился на нее, не веря своим ушам.

— Ваша задница чешется! — вскричал он так громко, что сидящие за соседними столиками обернулись в значительном числе и уставились на них обоих.

— Да, — повторила она полупшепотом, — моя задница чешется, а моя задница, Юстес, должна сказать вам, никогда меня не подводила.

— Что за... — невнятно залопотал он. Затем: — Даже от вас, Эви, — сказал он с тихим шипением, — это уж слишком.

— Нет-нет, разрешите мне объяснить, — возразила она с достоинством. — Когда бы я ни читала «Ищи убийцу!» кого-нибудь из моих соперниц и соперников — так называемых! — и наталкивалась на какой-нибудь ход, ну, не знаю — мотив, улику, алиби и т. д. — ход, которому я просто не верила, то, даже если я не могла тут же сформулировать для себя, почему я ему не верю, то давным-давно заметила, что в подобном случае моя задница начинает чесаться. Повторяю: она непогрешима. Если моя задница когда-нибудь меня подведет, вселенная утратит всякий смысл.

— А почему вы ни разу не упомянули про нее в ффолкс-Мэноре?

— Право же, Юстес! Моя задница не та тема, чтобы ее касаться в смешанном обществе. К тому же мы тогда только-только познакомились.

— Значит, вы говорите мне, что вы положитесь на свою... свою задницу, вместо того чтобы положиться на меня, а я ведь не просто друг — и друг, я надеюсь, близкий, — но еще и полицейский, который провел свою профессиональную жизнь, расследуя преступления такого рода?

— Да, Юстес, я понимаю, как странно это должно звучать. Все же, каким бы близким другом вы заведомо ни были, в конце-то концов моя задница мне все-таки ближе, и я знаю ее куда дольше, чем вас. Она бдит, даже когда я пишу мои собственные книги. Порой случается, что я чертовски устану, и отчаянно хочу закончить главу, и порчу ее по лени, применив какой-нибудь бородатый, готовенький сюжетный ход. И тут, будто неумолимый Рок, моя задница начинает

чесаться, и я понимаю, что просто должна начать с чистого листа и найти замену поумнее и пооригинальнее. Что, должна добавить, я неизменно и делаю.

— Пытаетесь меня одурачить, — буркнул впавший в угрюмость Трабшо.

— Насколько знаю, особенно пытаться мне не требуется, — небрежно парировала она.

Его лицо побагровело.

— Так-так. Теперь вы ехидничаете — ехидничаете удовольствия ради. Поберегитесь, Эви, поберегитесь. В эту игру могут играть и двое.

— Послушайте, — сказала она, — охотно соглашаюсь, что ваша теория привлекательна, нет, правда, очень привлекательна, и пока я не могу объяснить — кроме почесывания моей задницы, — почему она меня смущает.

— Вы, бесспорно, словно бы разделили мое волнение, когда я предположил, что по крайней мере она дает нам намек, из-за чего была убита Кора.

— Верно. Даже сейчас мне это кажется наилучшим аргументом в ее пользу. Но просто в отношении пяти подозреваемых, ну...

— Что?

— Да, у них у всех вроде были мотивы убить Фарджиона, не отрицаю. Но не могу не чувствовать, что некоторые из этих мотивов немного, скажем... слабоваты.

— О! И какие же?

— Леолия Дрейк, например. Неблагоуханная маленькая интриганка, бесспорно, но неужели вы действительно верите, что она была готова убить Фарджиона — и, вспомните, не только Фарджиона, но заодно с ними бедную Пэтси Шлютс, — потому что знала или просто предполагала, что в результате режиссура «Если меня найдут мертвой» будет поручена Рексу Хенуэю, а она безоговорочно полагалась на то, что его авторитета достанет, чтобы ей поручили ведущую роль? Должна сказать, мне в это абсолютно не верится.

— Ну-у-у, — оборонительно ответил старший инспектор, сознавая, что в данном случае почва у него под ногами зыбкая. — Я же добавил, что она могла быть сообщницей Хенуэя.

— Даже если так, Юстес, даже если так. И Летиция. Нет, я согласна, что она, как говорится, крепкий орешек. Но в конце-то концов, в своем гнусном намерении Фарджион с ней не преуспел.

— Не вижу, чтобы это что-то меняло. Не забывайте, если это была Летиция, у нее могло и не быть намерения убить Фарджиона. А просто перепугать его до смерти. Не удивлюсь, если здесь мы столкнемся с убийством по неосторожности.

— А Филипп? Французский кинокритик — и убивает? Я имею в виду буквально. Не лезет ни в какие ворота.

— Ах, пожалуйста, обойдемся без набивших оскомину обобщений. Поставьте себя на его место. Всю свою взрослую жизнь он жил и дышал Аластером Фарджионом. Да Фарджион и был его жизнью. В определенном смысле — единственной жизнью, какую он вообще знал. И вот, вместо того чтобы поклоняться ему издалека, он наконец приближается к нему, и не просто как поклонник, но, надеется он, как коллега. Он написал сценарий — идеальный для его обожаемого режиссера, как он верит. И идеальным он и был, не то Фарджион не стал бы его красть. А он его крадет, и все мечты Франсэ рассыпаются прахом. Вообразите же, что должен он был почувствовать, когда ему стало ясно, что всю свою жизнь он потратил на того, кто был совершенно не достоин его поклонения. По моему опыту, люди убивали за меньшее, куда меньшее.

— Может быть, и так... И тем не менее, знаете, Юстес, как вы сами указали, они все говорили по собственной воле и открыто про свое отвращение к Фарджиону. Зачем бы они так поступали, если бы подозревали, что сами, ну, подозреваются в том, что убили его?

— В том-то и дело! — прямо-таки закричал на нее Трабшо. — Они не подозревали! И их не подозревали. Мы расследовали убийство Кору. У них ни на секунду не было причины задуматься, а не следует ли им придержать язык, не распространяться о своем отношении к Фарджиону. В любом случае вы-то уж, Вдовствующая Герцогиня Криминала, должны знать: тончайший способ внушить, что вы кого-то не убивали, это заявить о том, как вы сожалеете, что не сделали этого.

Эвадна Маунт секунду поразмыслила, затем сказала просто:

— Не уверена, Юстес, не уверена.

— Почему же? Моя теория — единственная, которая хоть как-то объясняет, почему кто-то из пятерых мог отравить Кору. Больше нам исходить абсолютно не из чего.

— Не так уж абсолютно. А мой клочок бумаги?

— Да? Один из тех услужливых клочков бумаги, которыми замусорены ваши «Ищи убийцу!»? Будьте серьезны, Эви. Он вряд ли идет в сравнение с тем, что предлагаю я. Помните, что говорил Шерлок Холмс? «Когда вы исключите невозможное, то, что останется, каким бы неправдоподобным оно ни выглядело, должно быть истиной».

Она испустила резкое восклицание.

— Пф, Юстес, пф! Как ни предана я Конан Дойлу, вот эту конкретную максиму я всегда считала абсолютной чушью. В мире существует множество такого, что теоретически возможно, но вряд ли может оказаться «истиной». Сыграть идеальную партию в гольф, например, одним ударом пройдя восемнадцать лунок. Тот факт, что ваша теория пока единственная, этого отрицать нельзя — пока, Юстес! — которая адекватно объясняет убийство Кору, еще не делает ее истиной. Собственно говоря, — добавила она, — чем больше я о ней думаю, тем более несносной ее нахожу. Так что набейте это в свою трубку и выкурите. Если вы в конце концов решите закурить эту вашу грязную старую трубку.

Трабшо проигнорировал этот ничем не оправданный выпад против его пенковой любимицы.

— Несносной? — осведомился он. — Вы находите ее несносной? Эви, вы меня совсем запутали.

— Ну, подумайте сами. Вы ведь строите ее не только на том, что один из пятерых подозреваемых убил Фарджиона, но что затем Кора установила личность этого убийцы, угрожая ему или ей обращением с этими сведениями в полицию. Иными словами, она шантажировала убийцу и была убита за свои грехи.

— Нет-нет-нет! Теперь вы экстраполируете. И экстраполируете, тыча пальцем в небо. Я сказал только, что Кора узнала нечто, оказавшееся крайне опасным. И для убийцы просто узнать, что она знает, могло оказаться достаточным. Я даже не намекнул, будто она могла использовать этот секрет.

— Не на словах.

— Помните, с каким ликованием она сообщила нам, что каким-то образом устроила так, чтобы ее роль «взбодрили»? Помните, как она замкнулась, когда вы ее спросили, как она умудрилась это устроить?

— Вот, пожалуйста! — вскричала романистка, которая таки явно вспомнила кукарекающее самодовольство своей подруги. — Что вы подразумеваете, как не шантаж? Ну, этого я не потерплю, Юстес. Не потерплю ни единого слова против бедной милой мертвой Кору. Я требую, чтобы вы взяли назад ваши гнусные инсинуации.

— Послушайте, черт дери, Эви, мы же не вцепимся друг другу в глотки, правда?

— Это полностью зависит от вас. Я просто не позволю вам попирать память Кору вашими подбитыми гвоздями полицейскими сапогами.

Трабшо, однако, вместо того чтобы пойти на попятный, как поступил бы прежде, предпочел воспользоваться своим, как он считал, преимуществом.

— Прошу прощения. Я понимаю, как болезненно вы воспринимаете смерть Кору, но не позволяете ли вы дружбе затемнять ваш здравый взгляд? Я же, с другой стороны, свободен дать волю уму.

— Было бы чему.

— Ну, послушайте же, Эви, — сказал Трабшо со стальной решимостью. — Я достаточно хорошо вас знаю, чтобы знать, как вы не терпите, чтобы вас, пользуясь выражением Гарета Найта, «выцентривали». Ну, откровенно говоря, сам я чуточку устал, что меня все время зацентривают. Совершенно очевидно, вам поперек горла признать, что, против обыкновения, кто-то другой может быть прав или просто опередить вас. В своих книгах вы чертовски заботитесь, чтобы Алекса Бэддели всегда брала верх над бедным старым инспектором Копушингом, и вы внушили себе, будто так должно быть и в жизни. Будь это один из ваших «Ищи убийцу!»...

— Я предпочла бы, чтобы вы этого без конца не повторяли, — сердито перебила романистка. — Это моя реплика.

— Я прав. Я прав и касательно этого дела, и касательно вас тоже. Я знаю это и, по-моему, вы тоже знаете это, но только не можете заставить себя признать это. Классический «зелен

виноград»! Вы завидуете, Эви. Вы завидуете, так как на этот раз вперед вышел я, а не вы. И поэтому вы не нашли ничего лучшего, чем сидеть здесь и упрячиться по-ослиному.

Теперь настал черед Эвадны Маунт невнятно залопотать:

— Что... что... что за нахальство. Ну и нервы же у вас! — Она вперила в Трабшо злобный взгляд. — Завидую? Вам? Да будь во мне хоть крошка зависти, завидовала бы я никак уж не вам! Но во мне ее нет, слышите? Ни единой!

— Да?

— Да.

— Не согласен, Эви. Мы с вами знаем, что в мире есть минимум одна личность, кому вы завидуете. Самое ее существование заставляет вас дергаться от зависти.

— И кто бы это мог быть? — спросила она со всем апломбом, какой успела собрать за краткую секунду.

— Кто бы это мог быть? — передразнил он ее. — Я бы сказал, что это может быть Агата...

Продолжать ему не пришлось.

— Да как вы смеете, — зашипела она на него. — Как вы смеете! Я леди и не снизойду до того, чтобы повысить голос, но, должна сказать вам, Юстес Трабшо, это омерзительнейшая клевета, и мне будет трудно, крайне трудно когда-либо ее простить.

Только когда было уже поздно взять свои слова назад, старший инспектор понял, что зашел чересчур далеко, чересчур слишком далеко.

— Послушайте, — двинулся он напролом, — нет же ничего... я хочу сказать, нет ничего плохого в том, чтобы завидовать наилучшему? Я прав?

Молчание.

— Эви?

Молчание.

— Эви, пожалуйста. Я же вовсе не... в конце-то концов, я просто хотел...

Осознав, что он топчется на месте, старший инспектор смолк.

Так они и сидели минуту-другую: молчали, не пили.

Когда романистка затем все-таки ответила, ее голос был спокоен, противоестественно спокоен: безветрие, которое не предшествует буре, а следует за ней.

— Хорошо, Юстес. Я вижу, ваша теория внушает вам полную уверенность. Готовы ли вы подвергнуть эту уверенность испытанию?

— Безусловно, — ответил Трабшо, не понимая, куда она клонит.

— Отлично. Ну, не в моем характере биться об заклад. Однако я готова заключить с вами пари, если вы согласны.

— Какое пари?

— Я готова поспорить с вами, что раскрою это преступление прежде, чем вы.

— А если нет?

— В таком случае даю вам слово, что в посвящении моего следующего же «Ищи убийцу!» будет сказано: «Агате Кристи, неоспоримой Королеве Криминальной беллетристики». Затем — как это говорится — voilà⁵⁵!

Трабшо перевел дух.

— Вы сделаете это?

— Если проиграю, то да. Хотя я не проиграю. Ну, вы принимаете пари?

— Абсолютно, — ответил Трабшо, не колеблясь, и добавил: — А что должен буду сделать я, если проиграю? Хотя я не проиграю.

— Если вы проиграете, — ответила она, — то должны дать согласие жениться на мне.

— Жениться на вас??!!

И вновь старший инспектор заговорил так громко, что два вздрогнувших официанта, оба с подносами, перегруженными пустыми бокалами и стаканами, только-только что не налетели друг на друга посреди бара, где их пути скрестились. Сначала чешется задница, теперь предложение брака. Эти две милые окаменелости — прямо-таки слышно было, как по залу зажужжал этот шепот, — возможно, все-таки не совсем столетние, какими выглядят.

⁵⁵ вот (фр.)

— Вы сошли с ума?

— И не думала.

— Но почему, ради всего святого, вы хотите выйти за меня? Мы же весь этот день только и делаем, что ссоримся, как... как...

— Как давно женатые супруги? — сказала Эвадна Маунт, ловко закончив его фразу.

Внезапно, совершенно неожиданно, она взяла его руку и сжала ее.

— Признайтесь, Юстес. Вы одиноки. И, знаете, вы можете говорить начистоту, потому что уже говорили, и не один раз. Ну, теперь моя очередь выложить все начистоту. Я тоже одинока. Ужасно одинока, если уж хотите знать. Отчего, по-вашему, я каждый день заглядываю в этот идиотский отель? Да просто в надежде найти кого-нибудь, кого угодно, Юстес, кого угодно — чтобы поговорить. И когда все эти недели тому назад я, чтобы поговорить, нашла вас, то не могу передать, в какой восторг я пришла. В такой восторг, что дни и дни потом я надеялась — надежде вопреки, — что вы снова сюда заглянете. Нет, правда. Будто девичья фантазия — что вы притворитесь, будто зашли совершенно случайно, а я притворюсь, будто верю вам. А из-за того, что это было, как девичья фантазия, я вновь почувствовала себя юной, почти девочкой.

Ну, вы так и не зашли. Все эти дни, когда я сидела вблизи от двери, взглядывая на каждого, кто в нее входил, надеясь, молясь, чтобы на этот раз вошли вы, были потрачены впустую. Вы так больше и не появились. Вероятно, это вам и в голову не приходило.

Но меня ничто остановить не могло. О нет, это же был мой последний шанс и, точно Кора, я была готова сделать что угодно, унизиться, если придется, лишь бы вцепиться в него. И потому я более или менее терпеливо выжидала удобного случая, предложения, в котором нуждалась. И наконец он появился. Нежданно-негаданно мне позвонила Кора, пригласила меня в Элстри поглядеть, как она сыграет свой большой эпизод, а я пригласила вас.

И сейчас я вцепляюсь в этот шанс даже крепче, предлагая это пари. По моим расчетам, вы так чертовски убеждены, что раскроете это преступление — до того, что, не сомневаюсь, вы не захотите выставить себя трусом, отказавшись поднять перчатку. А если вы смущаетесь из-за... ну, понимаете, С-Е-К-С-А, так не надо. Мы оба слишком закоснели в своих привычках, не говоря уж о том, что слишком стары и скрипучи для подобной ерунды. Так что скажете, Юстес, милый? По рукам?

Трабшо слезно посмотрел ей в глаза:

— По рукам.

Он тут же спешно отвернулся от нее, сославшись на соринку в глазу — соринку величиной с весь «Ритц»! — и, притворившись, будто извлек ее, добавил:

— Но потому лишь, что знаю: выиграю я.

— В моем возрасте, миленький, я научилась быть не слишком разборчивой. Раз вы приняли пари, меня не слишком заботит почему.

Она бодро потерла ладонь о ладонь.

— Ну, так что вы дальше предпримете в своем расследовании?

— Дальше? — сказал Трабшо, допивая свое виски с содовой. — Дальше, думается, я отправлюсь охотиться на алиби. Проконсультируюсь с Томом Колвертом, и, может быть, если мы оба нахлобучим наши мыслительные котелки...

— Приятная перемена по сравнению с этим тартановым ужасом, который вы всегда нахлобучиваете.

— Если Том и я поразмыслим вместе, — повторил Трабшо сквозь стиснутые зубы, — может быть, мы узнаем, чем именно эти пятеро наших подозреваемых занимались в день кукхемского пожара. А вы?

— Я? — сказала Эвадна Маунт. — Я отправлюсь смотреть фильмы.

Глава четырнадцатая

Весь следующий день Трабшо провел, прослеживая свое наитие, в обществе Тома Колверта. Молодой инспектор был заинтригован его теорией, что в Кукхеме все-таки могло быть совершено преступление — заинтригован настолько, во всяком случае, чтобы сделать ряд полуофициальных визитов всем пяти подозреваемым в убийстве Кору Резерфорд. Результаты были, скромно говоря, поразительными, и теперь старший инспектор считал себя обязанным поставить в известность о них романистку. Это чувство долга, разумеется, подкреплялось его собственным жгучим любопытством узнать, что она успела затеять в этот промежуток времени.

Однако почти до самого вечера Эвадна была недостижима по телефону, и единственный намек на то, где она была и чем занималась, был обронен Летицией Морли, с которой он и Колверт беседовали в ее очаровательной, как драгоценная табакерка, квартирке в Пимлико. По-видимому, Эвадна позвонила ей рано поутру с вопросом, как выразилась Летиция, «нарочито неясным» о статистах, занятых в фильме: кто они и как были наняты. Незачем говорить, эти дразнящие капельки информации только пуще разожгли любопытство Трабшо.

Позднее, ближе к пяти, когда он уже вернулся домой в Голдерс-грин, расположился в любимом кресле с чашкой свежесваренного чая у локтя и только что начал читать некролог Кору в «Ежедневном часовом» — целых три богато иллюстрированные страницы были посвящены ее карьере, ее брачным злоключениям, ее безвременной кончине и, конечно, сенсационным обстоятельствам этой кончины — наконец зазвонил его собственный телефон. Он взвился из кресла, чтобы схватить трубку. Однако звонила не сама Эвадна, но Колверт, который сообщил даже еще более интригующие сведения о ее действиях. Полчаса назад она позвонила спросить, не может ли полиция убедить Бенджамина Леви устроить для них просмотр «потоков» (слово это было так же чуждо слуху Трабшо, как и языку Колверта), уже отснятых для «Если меня найдут мертвой!».

— О-ох! — простонал Трабшо. — Что еще втемяшилось Эви?

— Понятия не имею, — отозвался Колверт. — Она просто спросила меня, не использую ли я мое влияние.

— А она пояснила, зачем ей нужно посмотреть их?

— Нет. Я, как вы понимаете, ее, конечно, спросил, но она, так сказать, грудью закрыла свои карты. Ответила только, что крайне важно, чтобы я оказал ей эту услугу.

— А что вы ответили?

— Ну, мистер Трабшо, вы ведь помните, именно мисс Маунт в самый день убийства сумела вычислить, что проверять надо не сорок двух подозреваемых, а всего пять. И во время бесед, которые мы вели в кабинете Хенуэя, она, должен признать, задала несколько существенных вопросов — жестко, но уместно. И она написала все эти искусные «Ищи убийцу!» — не то чтобы я прочел хотя бы один, вы понимаете, но она без конца повторяет мне, как искусно они построены. И, в конце-то концов, она была близкой подругой Кору Резерфорд, и, конечно, вы с ней тоже друзья. А поскольку вы и я — посмотрим правде в глаза — продвигаемся не слишком быстро...

Нетерпеливый Трабшо перебил его:

— То есть вы говорите, что согласились.

— Честно сказать, мистер Трабшо, я не видел способа отказать. Однако меня поразило нечто довольно странное, сказанное ею. Я хотел удостовериться, что она, как я предположил, особенно хочет увидеть эпизод, во время которого была убита мисс Резерфорд. Вы и вообразить не сможете, что она ответила.

— Просветите меня.

— Она содрогнулась — когда ваша мисс Маунт содрогается, Господи помилуй, содрогается она очень звучно! — но, как бы то ни было, она содрогнулась и ядовито сказала, что ее на протяжении жизни много как называли, но она не упырь, и если есть место в фильме, которое она никогда и ни за что увидеть не захочет, так именно это. Тогда я ей сказал: «Ну, а какое же?» А она небрежно ответила, что ей все едино! Какие кадры фильма студия может ей показать, она с удовольствием посмотрит! Вы способны поверить?

— Когда дело касается Эви, — скорбно сказал Трабшо, — я научился верить практически чему угодно. Но это, как вы и сказали, странно. Тем не менее, вопреки ее безразличию к тому, что ей сервируют, вы согласились устроить просмотр.

— Объяснил ей, что обещать ничего не могу и решать Леви. Но по окончании нашего разговора я таки позвонил ему. Этот человек пугается, как ошпаренный кот, — все эти годы преследований в фашистской Германии, полагаю, — и сначала он очень не хотел. Сказал, что просто неслыханно, чтобы «потoki» фильма демонстрировались посторонним лицам. Это, честно говоря, я готов принять за чистую правду. Он спросил меня, какая, собственно причина за этим кроется, поскольку футаж (его выражение) Кору Резерфорд, пьющей из отравленного фужера, еще не отпечатан. Я сказал ему точно то же, что мисс Маунт сказала мне, — что совершенно не важно, что бы ей ни показали, — и даже хотя он был озадачен, как я сам, под конец он сдался. Думается, он опасался, что иначе у меня могут возникнуть подозрения.

И я договорился о маленькой открытой демонстрации завтра днем в одной из просмотровых студий. И подумал, возможно, вы захотите присутствовать там.

— Чертовски верно! — воскликнул Трабшо.

— А-а... — сказал Колверт, — значит, вы полагаете, что она может что-то нащупать, так?

— Пф!

— Что? Пожалуйста, погромче, сэр. На линии вроде бы помехи.

— Я сказал: нет. Просто Эви в ее духе. У нее в треуголке, как обычно, пчела жужжит. Но, должен сказать вам, Том, у меня есть настоятельнейшая причина, чисто личная, знать, куда ведет ход ее мысли. Я там непременно буду.

— Это я и надеялся услышать. Вот мой план. Мы встретимся в просмотровой в три часа. Мисс Маунт, разумеется, должна будет найти способ добраться до Элстри, но она сказала, чтобы я сообщил вам, если вы вдруг вздумаете связаться с ней по телефону, чтобы вы не беспокоились.

— Просто восхитительно с ее стороны, должен я сказать.

— Вместо этого она предложила, чтобы вы заехали за ней к ней на квартиру — в Олбани, верно? — в два часа дня, секунда в секунду. «СЕКУНДА В СЕКУНДУ» — это ее собственные слова, и она потребовала, чтобы я сообщил вам, что произнесены они были заглавными буквами. Сказала, что вы поймете.

— Я понял, — сказал Трабшо. — О, я понял.

— Отлично. Значит, мы все четверо встретимся в три.

— Все четверо? Вы, я и Эви. Так кто четвертый? Леви решил, что будет присутствовать сам?

— Видимо, он все еще в Лондоне, видимо, пытается как-то спасти то, что осталось от его фильма. Нет, по совету Леви я пригласил Летицию Морли. Я понимаю, она одна из пяти подозреваемых первого порядка, если у нас вообще есть право считать их такими, но она понаторела в киноделах и сможет провести нас по чащобам. Полагаю, у вас нет возражений против ее присутствия там?

— Ни малейших. Не вижу, чем это может повредить.

— Ну, так до завтра.

Только когда город остался позади них и они оказались в зеленом сердце сельских просторов, Эвадна Маунт осведомилась у Трабшо, как продвигается его расследование. Она, казалось, была в чудесном настроении и даже очень приподнятом. Да, конечно, смерть Кору все еще оставалась тучей на горизонте, но ее инстинкт плаща и кинжала, всегда чуть дремлющий, пробудился, и с процентами. Прямо-таки можно было видеть, как ее ноздри подергиваются, точно у гончей, улавливающей запах лисицы.

Трабшо тоже почти видел, как они подергиваются, и вот почему он предпочел хранить молчание, исключая редкие и нарочито банальные фразы.

В конце концов заговорила Эвадна.

— И снова по какой-то причине ваша нудная многословность вас оставила.

— Моя многословность? В вашем обществе? Курам на смех!

— Но вы должны знать, — продолжала она, — как отчаянно я хочу услышать, что вам принесли ваши розыски.

— Какие розыски?

— Пожалуйста, Юстес, не играйте со мной в глупые игры. Вы мне сами сказали, что намерены проверить, где находились все наши подозреваемые в день пожара на вилле Аластера Фарджиона. И когда я вчера говорила с Томом Колвертом по телефону, он подтвердил, что вы с ним целый день только этим и занимались.

— И кроме того, он сообщил вам, преуспели мы или нет?

— Да, сообщил.

— Тогда зачем спрашивать меня?

Она ласково похлопала его по колену.

— Бедный Юстес, я знаю, как разочарованы вы должны быть. Не в моем духе злорадствовать, не в моем духе говорить, я же вам говорила, но... если вы будете честны, вам придется согласиться, что...

— Вы же мне говорили.

— Вот именно.

— Знаете, Эви, — сказал Трабшо, — вы, может быть, правы, и вы, бесспорно, говорили мне это, но я просто не в силах не чувствовать, что что-то там да не так.

— Что вы подразумеваете?

— Ну, хорошо. Мы провели целый день вчера, расспрашивая их, всех пятерых, где они были во время пожара и с кем. И все до единого имеют алиби. Это попросту ненормально.

— А почему, собственно? Вы говорите про алиби, но говорит в вас полицейский. Таков парадокс Скотленд-Ярда. Чем непробиваемее чье-то алиби, тем подозрительнее оно кажется вам, сыскарям. Но когда вы говорите, что они все до единого имеют алиби, это означает только, что они все до единого находились в тот день в каком-то другом месте, так же, как и вы находились в тот день в другом месте — со мной, между прочим, — и я находилась где-то в другом месте — с вами, надо быть, — и моя покойная тетя Корнелия, Господь упокой ее душу, определенно находилась в другом месте, и миллионы, нет, десятки миллионов людей по всей стране находились в каких-то других местах. Почему алиби в принципе должно вызывать подозрения?

— Эви, — терпеливо ответил Трабшо, — я прослужил в Ярде сорок лет, и я вел расследования уж не знаю скольких, а вам и неинтересно, преступлений, и кое-какие — точно как это — с пятью-шестью разными подозреваемыми, и могу заверить вас, что ни разу — ни разу, слышите? — не случилось, чтобы у каждого подозреваемого было алиби. Просто так не бывает. Люди не припоминают, где они были в такой-то день, или в такую-то ночь. Или же они отправились за покупками, но предпочли никого с собой не приглашать, а почему бы и нет? Или они пошли прогуляться, чтобы освежить голову перед сном. Или решали кроссворды, или занимались уж не знаю чем. И просто ненормально, чтобы все пятеро подозреваемых смогли месяц с лишним спустя сообщить о своем местонахождении и занятии не только с полной точностью, но и со свидетелями, все это подтверждающими. Вот что, Эви: будь у меня ваша задница, она сейчас чесалась бы вовсю.

В задумчивом молчании Эвадна следила за дорогой впереди, некруто петлявшей между холмами, густо поросшими лесом.

— Ну, и что это за алиби, которые довели вас до такой точки?

— Дайте сообразить. Филипп Франсэ был у себя в отеле — в Блумсбери, — писал заметки для последней главы своей книги.

— Не очень похоже на несокрушимое алиби, по-моему.

— Боюсь, оно именно такое. Он был в баре отеля, а не у себя в номере. Оказывается, он так привык писать в кафе — нет, мне этих лягушатников никогда не понять! — что предпочитает работать среди суеты и шума. Бармен хорошо его запомнил. Клянется, что он весь день из-за столика не вставал. Обслужил его тремя черными кофе и сэндвичем. Сыр с пикулями.

— Хенуэй?

— Присутствовал на дворцовом приеме в саду, не больше и не меньше. И кого, по-вашему, он сопровождал туда?

— Леолию Дрейк?

— В точку с первой попытки, — сказал Трабшо. — И их не просто видели там, а и сфотографировали. И они были представлены их величествам. Правда, действие продолжалось почти три часа. Тем не менее мне что-то не верится, чтобы он или она могли ускользнуть из

Букингемского дворца, поехать в Кукхем, поджечь виллу Фарджиона и вернуться вовремя для обеда в «Капризе», где их также видели и фотографировали.

— Ну, а Гарет Найт?

— В клубе в Сохо с его так называемым секретарем. Он был в маске и не снимал шляпу — вроде бы очень широкополую и закрывавшую значительную часть его лица, но вроде бы нет ни малейших сомнений, что он был там.

— В маске? Что это за клуб?

— Клуб для одиноких мужчин — собственно, его давно уже следовало бы закрыть. *Thé dansant*⁵⁶ Айвора Новелло, хотите верьте, хотите нет. Вроде маскарада. Гостей просили одеться персонажами «Танцующих лет» и «Чарующей ночи». Когда владелец клуба усек, о ком мы наводим справки, он до того обрадовался, что Колверт прицеливается упрятать за решетку не его, что продал не только нашего чарующего Найта, но и парочку других киноактеров.

— Ах так? — сказала Эвадна, чьи глаза пылали нечистым любопытством. — Кто же это?

— Не важно кто. Будем держаться нашего собственного дела, ладно?

— Ну, хорошо. Выведаю это у вас попозже, глупая старая вы перечница. Ну, а Летиция Морли?

— Была в больнице.

— Что? Она захворала?

— Нет. Как раз в тот день ее мать легла под нож хирурга. Весь день Летиция провела у ее постели. Хотя медсестры не отрицают, что почти все время были на ходу, они все готовы поручиться за нее.

— Ну, и в каком же положении вы теперь?

Он покачал большой тяжелой головой.

— На пресловутой мели. У нас есть пять подозреваемых в одном преступлении, совершить которое у них у всех был удобный случай, но никакого мотива. И мы имеем тех же пятерых, подозреваемых в другом преступлении — по крайней мере я в этом искренне убежден, — совершить которое у них у всех был мотив, но не было удобного случая. Мне тяжело признать это, Эви, но опровергнуть одно, несколько или все их алиби под силу только Алексе Бэддели.

— Очень мило слышать это от вас. Не забывайте, однако, что в том, чтобы оказаться перед пятью разными алиби, есть одно преимущество.

— И какое же?

— Вам достаточно опровергнуть только одно, чтобы получить виновного.

Этот логический вывод, который Трабшо и в голову не приходил, очень его подбодрил. И пока они продолжали приятно катить в Элстри.

Уютно тесная, со стенами, обитыми звукопоглощающими панелями, просмотрная вмещала в целом только три ряда с четырьмя креслами в каждом. Когда Эвадна и Юстес вошли, слегка опоздав, Том Колверт и Летиция Морли уже были там и пытались поддержать разговор. Позади них находился кинопроектор в будке, а за проектором — киномеханик, готовый включить его по кивку Летиции. В самой глубине в одиночестве пребывал неизбежный вездесущий сержант Уистлер.

Как только остальные разместились в первом ряду, Колверт сказал Летиции:

— Может быть, мисс Морли, вы захотите объяснить, что именно собираетесь показать нам?

— Хорошо, инспектор.

Летиция встала перед белым экраном.

— То, что вы сейчас увидите, то, что мы профессионально называем «потокками», это разные кадры, дубли, иногда целые эпизоды, которые печатают ночью после съемки, чтобы режиссер мог просмотреть их на следующий же день. Чтобы получить хотя бы самое примерное представление, как продвигается фильм. Вам сразу же следует понять, что до прекращения съемок по сценарию «Если меня найдут мертвой!» было отснято крайне мало. И надеюсь, никто из вас не ожидает увидеть эпизод, когда Кора Резерфорд пьет из фужера, поскольку ни один кадр этого эпизода отпечатан не был.

⁵⁶ Вечерний чай с танцами (фр.)

— Мы прекрасно это понимаем, мисс Морли, — сказал Колверт. — Правду сказать, я уже просил мистера Леви отпечатать упомянутый вами эпизод — он может очень помочь мне в расследовании, — но мы знаем, что собрались здесь сегодня не ради него.

— Очень хорошо. Теперь, на случай, если кому-то из вас он неизвестен, разрешите мне кратко суммировать сюжет фильма. Все начинается в одном из театров Вест-Энда, и в самом же первом кадре две зрительницы, молодые женщины, одна из которых, указывая на мужчину в трех-четырех рядах впереди них — я должна подчеркнуть, что только его затылок виден, как ей, так и зрителям самого фильма, — шепчет подруге: «Если меня когда-нибудь найдут мертвой, вот человек, который это сделает». Едва эта фраза выстреливает, следует монтировка на квартиру этой женщины в Белгравии, где полиция уже расследует ее убийство.

— Выстреливает? Монтировка? — не удержалась неукротимая Эвадна. — До чего же убийственным языком пользуетесь вы, киношники.

Однако, сразу заметив, как мало успеха снискал ее выпад, она притворилась, будто съезжилась в своем кресле, бормоча:

— Извините... Извините.

После секунды — выждав, чтобы тишина подобно аплодисментам замерла — Летиция продолжила:

— Когда подруга жертвы, ее играет Леолия Дрейк, решает сама предпринять детективное расследование, она позднее по ходу сюжета случайно встречает на приеме с коктейлями красивого мужчину не первой молодости, который словно бы подходит по всем параметрам — это, разумеется, Гарет Найт. Она начинает флиртовать с ним и, не успев толком понять, что происходит, искренне влюбляется. Так это и продолжается с данного момента.

Суть в том, что по всяким практическим и бюджетным причинам мы в кинобизнесе редко снимаем картину в хронологическом порядке. Например, начальный эпизод, который я только что описала, вообще не снимался, так как мы предполагали снять его в Друри-Лейн, и надо было подождать, когда со сцены сойдет нынешний спектакль. И, собственно говоря, эпизод, который вы сейчас увидите, один из заключительных в фильме. То, что мы называем «обратным кадром», то есть краткое возвращение к более раннему моменту в сюжете, чтобы зрителям легче было понять события, которые привели к преступлению. Собственно, это эпизод убийства — тот, в котором молодую женщину, которую мы уже видели в театре, поражает ножом на пороге ее дома неизвестно кто. Затем он или она выхватывает ключ из пальцев убитой, быстро открывает дверь и втаскивает тело внутрь — только в съемках мы так далеко не продвинулись.

Вот, пожалуй, и все, что вам следует знать. Хотя, простите, еще одно. Это, как я сказала, «потoki». Иными словами, фрагменты, никак не завершенные фрагменты. Закадровой музыки нет, зато есть посторонние шумы и прочие недостатки, которые удаляют, когда съемка завершается. Киномеханик предупредил меня, что отпечатаны только два дубля эпизода с убийством. Рекс, собственно, снял шесть, но четыре были забракованы. Один из-за того, что актриса пошла слишком быстро, другой, — потому что в кадре была видна тень стрелы крана, третий... я уже не помню, в чем заключались остальные проблемы. Надеюсь, впрочем, что двух для ваших целей будет достаточно, — закончила она, удержавшись от соблазна добавить: «в чем бы они ни заключались».

Она взглянула на Колверта, который кивнул в ответ. Тогда она взглянула вверх на будку киномеханика и крикнула:

— О'кей, Фред, мы готовы, если вы готовы! — и опустилась в свое кресло, последнее в ряду.

Лампы потускнели.

На маленьком белом экране после нескольких секунд писка, взвизгов и мелькания закорючек перед ними возникла универсальная эмблема киносъёмочного процесса — хлопушка. Перед объективом камеры ее держал еле различимый член съёмочной группы, который крикнул: «Если меня найдут мертвой!», эпизод шестьдесят семь, дубль третий». После чего, четко захлопнув половинки хлопушки, он канул с экрана, унося с собой хлопушку.

Хлопушка же, как все они теперь увидели, заслоняла не только члена съёмочной группы, ее державшего, но и заснеженную, ночную, абсолютно безлюдную улицу жилого квартала, на которой несколько секунд спустя показалась молодая женщина в меховом мантио. Сперва слышались только ее собственные уверенные шаги. Затем постепенно на них начали налагаться

другие, более тяжелые, создавая особый эффект, будто два барабанщика выбивали дробь независимо друг от друга. Молодая женщина бросила первый тревожный взгляд через плечо, но поскольку вблизи не было фонарного столба, она не могла увидеть буквально ничего. Однако едва она ускорила шаг, вторые шаги зазвучали громче, а потому словно ближе. Теперь молодая женщина пустилась бежать. Она копалась в сумочке, предположительно нащупывая ключи, но только когда она оказалась перед своей дверью и на заснеженный тротуар упали губная помада и пудреница, ей удалось их вытащить. Дрожащей левой рукой она неуклюже пыталась стянуть с правой руки перчатку, меховая подкладка которой не позволяла ей крепко сжать дверной ключ. Однако было уже поздно. Высокий широкоплечий мужчина с лицом, скрытым за поднятым воротником пальто — во всяком случае, фигура выглядела мужской, — бесшумно подкрался к ней сзади. Прижав левую руку к ее губам, правой он вытащил из кармана пальто кинжал с ручкой из слоновой кости и загнал его глубоко ей в горло. Экран оголился.

Еще взвизги, еще закорючки. Хлопушка. Дубль пятый. Та же сцена повторилась тютелька в тютельку.

На протяжении первого просмотра — на протяжении первого «потока» — Трабшо уголком глаза следил за выражениями на лице Эадны не менее внимательно, чем за происходившем в самом фильме. Никогда еще он не видел ее столь увлеченной чем-то, как этой напряженной крохотной драмой, развертывавшейся перед ними. Однако только во время второго дубля он услышал, как она бормочет про себя — но, как обычно, достаточно громко, чтобы ближайшие соседи ее слышали:

— Я это знала! — И снова, когда эпизод завершался: — Ну, конечно! Конечно же, вот как это было сделано!

О чем, во имя всего святого, она говорит? Что за это она якобы знает? Вот как что должно было быть сделано? Убийство Кора? Но актриса в картине была заколота на пороге собственного дома на безлюдной улице, тогда как Кора была отравлена в кинопавильоне, полном людей! Ну какая, какая связь может быть между этими двумя убийствами? Где звено? Что, ну что увидела Эви, чего не увидел он? Черт бы побрал эту женщину!

Лампы снова зажглись. Все молчали. Затем Колверт, не менее Трабшо озадаченный смыслом просмотра, сказал:

— Ну, мисс Маунт...

— Ну, мистер Колверт...

— Я имею в виду, вам это как-то помогло?

— Разрешите представить это вам следующим образом, инспектор. Прежде я была уверена. Теперь я знаю.

— Теперь вы знаете — что?

— Теперь я знаю, — сказала она невозмутимо, — почему Кора была убита, как Кора была убита и кем Кора была убита.

Колверт не попытался скрыть свое скептическое недоверие.

— Мисс Маунт, со всем уважением, я был на редкость терпим к вашим неортодоксальным методам и приемам, но даже моему терпению есть предел. Если вы правда верите, что знаете личность убийцы, назовите мне его незамедлительно.

— Ну, — сказала Эадна, — тут есть небольшая проблема.

— Почему-то я так и предполагал, — пробурчал Трабшо себе под нос.

— Проблема в том, что я не могу здесь и сейчас доказать то, что я знаю. Повторяю: то, что я знаю.

— Боюсь, для закона, — холодно сказал Колверт, — эта проблема не небольшая, а скорее непреодолимая.

— Однако, — продолжала она почти так, точно он не сказал ни слова, — если вы, инспектор, готовы попотворствовать мне еще разок, обещаю снабдить вас всеми доказательствами, какие вы только можете пожелать.

— Еще один разок, э? — сказал Колверт настороженно. — Ну, и чего вы хотите от меня теперь?

— Я хочу, чтобы вы вызвали всех подозреваемых сюда завтра в это же время. Не в эту просмотрную, а на съемочную площадку. Я хочу, чтобы вы дали им четко понять, почему они вызваны, — что я, Эадна Маунт, знаю убийцу Кора и намерена открыть ее или его личность всем

им сразу. Под всеми ими я подразумеваю Рекса Хенуэя, Гарета Найта, Леолию Дрейк, Филиппа Франсэ и последней по очереди, но не по важности, присутствующую сейчас тут Летицию.

— Но не Хэтти Фарджион?

— Нет, не Хэтти Фарджион. И не Леви. Пожалуй, будет лучше, если вы вообще Леви про это не упомянете. Так вы окажете мне это последнее одолжение?

Колверт беспомощно повернулся к Трабшо. Их глаза встретились. Старший инспектор кивнул бровью.

— Ну хорошо, мисс Маунт, — согласился Колверт. — Я позабочусь, чтобы все подозреваемые снова были здесь завтра в три часа дня. Но вам лучше не промахнуться.

— Не промахнусь, инспектор, ни в коем случае.

И тут она обернулась к Летиции Морли:

— Просто для справки, Летиция, милая, убийцей оказывается персонаж Гарета Найта?

— Вы располагаете всей информацией, которая вам требуется, — хладнокровно ответила эта молодая женщина. — Вы сыщете. Сами и установите.

Глава пятнадцатая

— Если действительно существует такая штука, как реинкарнация, я убеждена, что возвращусь на землю овчаркой.

Эвадна Маунт расстелила это псевдоторжественное вступление, будто миниатюрную красную ковровую дорожку, которая, не сомневался Трабшо, рано или поздно будет выдернута из-под ног ее аудитории.

Вот снова они все: сама Эвадна и полукругом перед ней (как широко известно, в такой позиции каждое твое слово ловится на лету) Трабшо, Том Колверт и пятеро подозреваемых, созданные последним по ее просьбе. Вот они снова все на съемочной площадке «Если меня найдут мертвой». Декорации давно заброшены, но еще не убраны. Она взирала на них, как дородная учительница воскресной школы, сидя будто в седле по-дамски на высоком трехном табурете, заимствованном из бара, в окружении пустых бокалов из-под коктейлей и набитых окурками пепельниц: бутафории для главной сцены Кору — сцены, оказавшейся даже еще более главной, чем предвосхищала сама актриса. Высоко над их головами находился сложный осветительный помост, типичный для нынешних киностудий, весь в перекрещиваниях прожекторов и кабелей, труб и досок. А в каждом из четырех углов этого полного призрачных отзвуков ангара нес дозор полицейский в форме, тщась придать себе вид, будто он тут вовсе не для выполнения служебного долга.

Пока Эвадна по кивку Колверта не начала говорить, никто не обратился ни с единым словом, даже ничего не значащим словом, лишь бы скоротать время, ни к соседу, ни к соседке. Все протесты, главным образом формальные, были заявлены накануне, когда Колверт изложил идею кульминационного собрания, но категоричным отказом никто из пятерых ответить не осмелился.

Этот чуть жутковатый антураж дополняли еле слышные — с соседней съемочной площадки? Из буфета? — царапающие звуки граммофонной пластинки Веры Линн, поющей «Мы встретимся опять».

— Да, — подтвердила романистка, — овчаркой. Поскольку, правду сказать, ничто словно бы меня так не бодрит, как случай сбить в кучку стадо... нет-нет, мои дорогие, не обижайтесь, я не собиралась сказать «овец» — сбить в кучку стадо свидетелей и вернуть их на место преступления. Если быть с вами честной до конца, единственное, что мешает мне насладиться происходящим, как я могла бы при иных обстоятельствах, это тот факт, что жертвой преступления, ради раскрытия которого я здесь, была одна из моих самых давних подруг.

Но перейдем к нашим луковицам, как игриво выражаются наши друзья по ту сторону Ла-Манша. Не уверена, объяснил ли вам инспектор Колверт, что кроется за этим нашим маленьким собранием, но сама я готова ввести вас в курс дела без дальнейшего бэканья и мэканья. Вы, пятеро, сейчас здесь по той простой причине, что вы, пятеро, главные — вернее, насколько мне известно, вы единственно возможные подозреваемые в убийстве Кору Резерфорд.

Незачем говорить, что столь характерно безапелляционная констатация спровоцировала незамедлительный взрыв протестов.

— Это возмутительно, нет, просто возмутительно, — вскипела Леолия Дрейк. — В жизни меня так не оскорбляли!

— Инспектор, я настаиваю, — заявил Гарет Найт, — чтобы этому фарсу был немедленно положен конец.

Рекс Хенуэй тем временем пробормотал «реплику в сторону», обращенную к Колверту:

— Неужели это затрепанное бородатое клише, когда детектив берет за глотку подозреваемых на месте преступления? Инспектор, я знаю, как вы доверяете талантам мисс Маунт, но, право же...

— Успокойтесь, леди и джентльмены, успокойтесь. Если я сейчас определила вас как единственно возможных подозреваемых, то потому лишь, что мы — я имею в виду инспектора Колверта и присутствующего здесь моего друга экс-старшего инспектора Трабшо — пришли вместе к этому открытию с помощью элементарного, но победоносного метода дедукции.

Как вам всем известно, Кора Резерфорд отравилась, выпив шампанское из бутафорского фужера. Кора выпила из этого фужера, потому что как раз, когда съемочная группа и актеры

отправились перекусить, режиссер фильма, Рекс Хенуэй, по наитию предложил ввести этот тонкий штрих в эпизод, штрих, про который знали только восемь человек. Естественно, сам мистер Хенуэй, так как идея принадлежала ему. Кора, столь же естественно, поскольку ей первой было сказано про новый штрих. Летиция Морли, ассистент мистера Хенуэя, которой положено знать все его решения, едва он их принимает. Вы, мистер Найт, так как именно вам предстояло быть партнером Кору в этом эпизоде. Вы, мисс Дрейк, так как волей случая вы разговаривали с мистером Найтом, когда Летиция сообщила ему об изменении в последнюю минуту. И еще мсье Франсэ, старший инспектор Трабшо и я, так как мы закусывали в буфете с Корой, и она не удержалась от соблазна рассказать нам.

Насколько мне известно, больше никто не знал и не мог знать, что она вскоре будет пить из этого фужера, из чего следует, что больше никто не знал и не мог знать об удобном случае подмешать туда цианид. Вот почему я взвешено и беспристрастно говорю, что вы, а вернее мы — единственные подозреваемые. Как ни взглянуть на это дело, как ни прокрутить его в уме, деться от этого гранитного факта некуда.

Или есть куда? Вот вопрос, который начал преследовать меня, чем дольше я вела свое расследование. Я, как полагаю большинству из вас известно, автор несметного числа бестселлерных «Ищи убийцу!», и то, что я намерена сейчас сказать, можно, конечно, счесть не более чем профессиональным закидом, крайним следствием ловкости, с какой годы и годы мне приходилось жонглировать переплетенными сюжетными линиями, эксцентричными мотивами, хитроумными заключительными главами и даже пару раз вывертом на последней странице. Но если есть что-то, к чему я всегда относилась с глубоким скепсисом, так это оказаться, как вот сейчас, перед набором подозреваемых, из которых ни единый хотя бы на чуточку более подозрителен, чем другой.

Тут, полусъехав с табурета, она попыталась почесать задницу, движение, которое, при всей ее украдкости, было замечено ими всеми, хотя, естественно, только Трабшо понял его смысл.

— В моих собственных «Ищи убийцу!» такого не происходит никогда, — продолжала она, неуклюже, но полностью водворившись назад на табурет, — и почему-то мне не верится, что так может случиться в реальной жизни.

Ну, а битый-перебитый наименее подозреваемый? Однако уже давным-давно мы, авторы детективной беллетристики, поняли, что нам следует бросить этот примитивный трюк и искать новое. Мы поняли, что, если мы и дальше хотим зачаровывать наших читателей, нам всем следует завинтить наши фабулы покрепче на два-три оборота. Короче говоря, нам необходимо найти спасительный выход из порочного круга, который все больше губил привычные «Ищи убийцу!». В конце-то концов, если, как требует или требовала традиция, убийца — наименее подпадающий под подозрение персонаж, а читатель знаком с этой традицией и полагает, что она соблюдается, то наименее подозрительный персонаж автоматически становится наиболее подозрительным, и мы все — писатели и читатели равно — возвращаемся на первую клетку.

На несколько секунд она умолкла, чтобы перевести дух. Голос Веры Линн давно растворился в эфире, и единственным слышимым звуком было слабое поскрипывание на помосте вверх.

И в этот же момент Колверт, чье нетерпение нарастало, хотя ему и не хотелось перебивать, обменялся раздраженным взглядом с Трабшо, который в ответ только пожал плечами, будто говоря: «Да-да, я знаю, но для меня это не ново и, поверьте мне, рано или поздно она все-таки перейдет к делу». Истолковал ли Колверт пожатие инспекторских плеч именно так или нет, он в любом случае предпочел предоставить романистке еще немного свободы. Сам же Трабшо, как ни привык он к манере Эвадны далеко уходить от темы, тем не менее с озадаченностью, настоятельно требовавшей поскрести в затылке, подумал, что на этот раз она слишком уж перегибает палку.

Пятеро же подозреваемых, вероятно от облегчения, что она пока еще не добралась до того, чтобы ткнуть обвиняющим перстом в кого-нибудь из них, даже не пискнули.

— Как я говорила, изменение читательских вкусов понудило нас, авторов «Ищи убийцу!», взяться за этот жанр под новым углом. Возьмем для примера один из относительно недавних плодов моих собственных усилий «Убийство без легкости». Если вы его читали, то, без сомнения, вспомните, что в первой главе сомерсетская полиция после звонка кого-то из местных сквайров находит в его фруктовом саду труп лондонского хулигана. Оказывается, что он и его сообщник в

это самое утро были на ранней заре застигнуты в процессе ограбления дома. Разгневанный сквайр схватил первый попавший под руку дробовик и, сам того не желая, убил удиравшего молодого лондонского хулигана, чьи карманы действительно оказались набитыми пачками банкнот, забранных из стенного сейфа в библиотеке. Однако сообщнику удалось улизнуть с подлинным призом — бесценным Гейнсборо, предметом восхищенных пересудов в гостиных.

Как всегда в моих книгах, полиция, боюсь, проглотила сомнительные улики, которыми поболтали перед ее носом, не позаботившись даже хорошенько их нюхнуть, и принялась допрашивать обычный сброд лондонского Ист-Энда. И тоже, как всегда, Алекса Бэддели, моя сыщица, как вы знаете, почуяла неладное. А потому она хитро втирается в доверие к сквайру, узнает, что он часто наведывался во Францию в Ле Туке, где просаживал огромные деньги в баккара, и в конце концов устанавливает, что никакого сообщника не существовало.

Видите ли, это сам сквайр сбыв якобы украденного Гейнсборо скупщику краденного. Это сам сквайр нанял лондонского хулигана притворно ограбить дом, естественно, обещав поделиться с ним суммой страховки. И это сам сквайр хладнокровно застрелил злополучного юного негодяя, пока тот спасался запланированным «бегством».

Она обвела взглядом безмолвствующих подневольных слушателей.

— Так почему же я рассказала эту историю?

— Да, почему? — Трабшо, который пусть еще и не вышел из себя, но настолько дошел до предела, что это никакой разницы не составляло, не сумел удержаться от реплики.

— Я объясню вам почему, — загремела она под самый потолок. — Хотя в моем «Ищи убийцу!» полиция, расследуя, как она полагала, простейший случай грабежа, внушила себе, будто у них есть адекватный набор подозреваемых, только одна Алекса Бэддели сумела понять, что виновный принадлежал к совсем иной категории подозреваемых. Точно так же, стало мне ясно, должно быть и в данном случае.

Она подняла голос на одну-две зарубки, хотя в пустом павильоне он и без того гремел.

— В «Убийстве без легкости» преступник был не просто наименее подозреваемым из семи-восьми персонажей, которых полиция подвергла проверке. Наоборот, до кульминационной главы книги он вовсе даже не считался подозреваемым. И это тоже, полагаю я, характерно для нашего дела. Потому что в реальности вы, пятеро, были лишь пешками, ничего не ведающими пешками, хотя, как я полагаю, в одном индивидуальном случае — пешкой ведающей, в смертельной шахматной партии, которая разыгрывалась внутри этого павильона и за которой с самого начала стоял подлинный руководящий ум. Поэтому подошло время мне, как я и обещала, открыть вам всем личность этого руководящего ума, убийцы Кору Резерфорд.

Однако прежде чем она успела произнести следующее слово, Летиция Морли, чье жеребьячье лицо вдруг посинело, исказилось, вскочила на ноги и в безумном рывке бросилась на Эwadну Маунт. В первый момент остальные подозреваемые и детективы только выпучили на нее глаза. А она использовала эту секунду ошеломленного бездействия, чтобы схватить Эwadну за оба плеча сразу и дать ей такого яростного пинка пониже спины, что та растянулась на змеящемся кабелями полу павильона.

В следующее молниеносное мгновение молодая ассистентка откинула свою фигуру назад с той же стремительностью, с какой фигура немолодой романистки была выброшена вперед, и тут же с помоста рухнул огромный прожектор. Полностью сокрушив табурет, с которого романистка произносила свои тирады, он разлетелся тысячью сверкающих осколков.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем медленно, с трудом поднимаясь, сглатывая с себя фрагменты стекла и металла, сначала слишком ошеломленная, чтобы как-то среагировать, слишком задохнувшаяся, чтобы заговорить, Эwadна в недоумении уставилась на дымящиеся обломки.

— Черти полосатые в клеточку! — прохрипела она. — Он же предназначался мне!

Она обернулась к Летиции Морли. Та, больше всего похожая на малютку-девочку, которая только-только выскочила из ледяного океана и ждет, чтобы мама завернула ее в теплое мохнатое полотенце, стояла рядом с ней, бледная и дрожащая.

— Летиция, моя милая-милая девочка, вы спасли мне жизнь.

Не отвечая, Летиция указала дрожащей рукой на помост.

— Поглядите! О Господи, поглядите!

Запрокинув головы, они все увидели зрелище, от которого кровь стыла в жилах. В натянутой низко на лоб велюровой шляпе некое существо, с такой полнотой закутанное в длинный черный плащ — плащ безмерно широкий, не позволяющий узнать не только, кем оно является, но даже его пол, — пыталось с бешеным напряжением зверя в ловушке проложить себе путь через сложную паутину канатов и досок.

— Вот ваш убийца, инспектор! — вскричала Эвадна.

— Действуйте! — немедленно рявкнул Колверт на своих подчиненных. — Ну же, ну же, ну! Проверьте, все ли двери заперты! Нельзя допустить, чтобы этот преступник проскользнул у нас между пальцами.

И четверо полицейских в форме уже готовы были кинуться исполнять его распоряжение, но вдруг наводящий ужас звук разом остановил их всех четверых, как и остальных, кто находился в павильоне.

Это был вопль. Вопль, подобного которому никто из них в жизни не слышал. Гермафродитный вопль, парадоксально и basso, и falsetto⁵⁷.

Индивид в черном плаще застрял одной ногой в узкой щели между металлическими балками и пытался высвободиться, дергая ногу, дергая снова и снова, сильнее и сильнее, отчаяннее и отчаяннее, а затем последнее неимоверное усилие все-таки освободило ступню, но также заставило само существо одно мучительнейшее мгновение беспомощно закачаться над их задранными головами, а затем, раскинув руки, будто крылья гигантской летучей мыши, оно окончательно потеряло равновесие и со вторым, даже еще более кошмарным воплем рухнуло вниз на них.

Все кинулись врассыпную, и оно шмякнулось на цементный пол бесформенной грудой хрустящих костей.

Летиция Морли закричала. Филипп Франсэ побелел, Леолия Дрейк только-только что не упала в обморок на шею Гарета Найта.

Всего несколько секунд спустя Колверт и Трабшо вместе приблизились к безмолвной бесформенной куче. Заметив, что Колверт на миг заколебался, Трабшо один опустился на колени над ней. Стиснув зубы, он осторожно перевернул тело лицом вверх. Однако даже он, хорошо знакомый с ужасами, неотъемлемыми от рутинной полицейской службы, невольно отпрянул от зрелища, открывшегося его глазам.

Лицо, на которое он смотрел, такое приземление с такой высоты превратило в кашу из костей и крови. И все же не могло быть ни малейших сомнений в том, кому прежде принадлежало это лицо.

⁵⁷ бас и фальцет (*ит.*)

Глава шестнадцатая

— Аластер Фарджион! — воскликнул Трабшо. — Каким образом, Эви, во имя всего святого, вы установили, что убийцей был Фарджион? Не говоря уж о том, что он жив?

Утром в этот день Кору Резерфорд похоронили на Хайгейтском кладбище. Своим присутствием похороны почтили несколько светочей сцены и экрана, присутствовавшие также на благотворительном гала-представлении в «Королевском театре», завязке всего дела, а также и все четыре экс-мужа Кору, включая графа, из этой графы исключенного, поскольку он был не в счет. Великолепно скорбное событие, и сама актриса, хотя и мертвая, каким-то образом была его душой и жизнью. Эвадна под траурной вуалью пролила обильные слезы, но даже Трабшо пришлось извлекать соринки из глаза.

Вот так романистка и полицейский, описав полный круг, вновь оказались в «Плюще»: правда, теперь в обществе Летиции Морли, Филиппа Франсэ и юного Тома Колверта. Слухи о триумфе Эвадны Маунт уже облетели лондонский Театроленд, и сама она по прибытии в ресторан поспособствовала интересу к их компании, содрав с головы треуголку и запустив ее через зал прямо на один из причудливых крючков-завитушек на высокой дубовой вешалке для шляп. (Этот трюк она без усталости отработывала дома еще много лет назад, и если бы ее подначили проделать с этой шляпой какой-нибудь другой трюк, то у нее ничего не получилось бы. Тут она напоминала какого-нибудь проказливого шутника, который, менее всего пианист, тем не менее задолбил один-единственный из шопеновских ноктюрнов.)

Вместо того чтобы ответить Трабшо на его вопрос, Эвадна сказала только:

— Сначала мне хотелось бы предложить тост.

Она подняла свой фужер с шампанским.

— За Кору.

Потом, когда все повторили ее слова, старший инспектор обратился к дружественной немезиде, которая в очередной раз превзошла его.

— Мы все ждем, Эви. Так каким образом вы пришли к верному выводу?

— Ну... у, — романистка заколебалась, — но с чего мне начать?

— С начала? — подчеркнуто рекомендовала Летиция.

— С начала? — повторила она задумчиво. — Да, милочка, обычно это наиболее разумный выбор. Но встает вопрос, с чего, собственно, начинается наша история? Проблема этого преступления заключалась в том, что в отличие от убийства в ффолк-Мэноре, где имелась, хотя бы по видимости, уйма подозреваемых и мотивов, здесь крайне долго не было ни тех, ни других. И только когда мы с Юстесом сделали несколько шагов назад во времени, мы наконец сделали значительный шаг вперед, если вы понимаете, о чем я. И только с этого момента дело начало обретать смысл.

Это проблема, которая тяготеет над многими «Ищи убийцу!», — продолжала она, не обращая внимания на тоскливую надежду своих слушателей, что хотя бы раз она соблаговолит придерживаться темы, — даже, признаюсь, над горсткой из моих. В реальной жизни семя буквально каждого серьезного преступления, и не только убийства, бывает посеяно задолго до его совершения. Однако одно из нерушимых правил «Ищи убийцу!», главнейшая статья контракта между писателем и читателем, требует, чтобы убийство было совершено — или хотя бы состоялась его попытка — в пределах первых двадцати — тридцати страниц книги. Отложить его до середины было бы серьезным испытанием терпения читателя. Правду сказать, случись такое в каком-нибудь моем «Ищи», мои читатели к сотой странице, вероятно, засомневались бы, что убийство вообще произойдет, оправдывая иллюстрацию на обложке.

Более того, — добавила она, — самой мне никогда и в голову не пришло бы сделать убийцей ближайшего друга и наперсника детектива, кого-то, с кем читатель может идентифицировать себя, как выражаетесь вы, критики. — Она обернулась к Филиппу Франсэ: — Ну как дать главную роль в фильме знаменитой звезде и убить ее в первых же кадрах? Так не положено, решительным образом не положено. Даже Фарджион не посмел бы принять такой вызов.

Но хватит обобщений. Вернемся к убийству Кору как таковому. Если мы предположим, как сначала и предполагали, будто оно — начало нашей истории, то оно оборачивается абсолютно бессмысленным преступлением. Даже хотя пятеро присутствовавших на съемочной площадке — Рекс Хенуэй, Леолия Дрейк, Гарет Найт, разумеется, вы, Летиция, и вы тоже, мсье Франсэ — получили удобный случай начинить ее фужер ядом, ни у кого из них... ни у кого из вас не было того, что хотя бы отдаленно могло сойти за мотив.

Нет, мне скоро стало очевидно, и Юстесу тоже, — поспешила она добавить, — что Кора, если я могу так выразиться, вошла ненароком в разгар реального преступления, ну, как мы все входим в кинозал, когда фильм давно начался.

Собственно говоря, Юстесу первому пришла в голову идея, что между смертью Кору и смертью Фарджиона может существовать некая связь. Он даже пошел дальше, предположив, что Кора была ошибочной жертвой. Иными словами, если предположить, что смерть Фарджиона не была следствием несчастного случая, как все изначально предполагали, то становится ясно, что каждый из тех же пяти подозреваемых, которых я назвала, имел куда более весомый мотив убить его, чем ее.

Хенуэй — потому, что он почти наверное получил бы шанс стать режиссером фильма. Леолия — потому, что она была любовницей Хенуэя, посулившего ей главную роль в любом фильме, какой ему доведется режиссировать. Найт — потому, что, как он сам нам сказал, Фарджион практически шантажировал его из-за его злополучной встречи (тут она не удержалась, чтобы не одарить Колверта злокозненным взглядом) с молодым привлекательным бобби. Вы, Летиция, — потому, что Фарджион пытался изнасиловать вас. А вы, Филипп? ...кстати, можно мне называть вас Филиппом? учитывая все, что нам довелось пережить вместе?

— Но да, — ответил критик с галльской галантностью. — Я буду весьма почтен.

— Благодарю вас и продолжаю. Вы, Филипп, — потому, что Фарджион хладнокровно украл у вас сюжет «Если меня найдут мертвой».

Она смочила губы еще одним глотком шампанского.

— Просто, как дважды два четыре — во всяком случае, так казалось. Но только, как вскоре предстояло обнаружить бедному Юстесу, у каждого из этих подозреваемых было алиби на время предполагаемого убийства Фарджиона.

И тут вы наталкиваетесь на главный парадокс этого дела. Те же пятеро, у кого был удобный случай убить Кору, но не было мотива ее убивать, все имели мотив убить Фарджиона, но не имели удобного случая. Так что это никуда не привело.

И все же хитроумное прозрение Юстеса, каким заблудшим оно ни оказалось, послужило одной полезной цели.

— Ну, благодарю вас за это, Эви, — ловко ввернул старший инспектор.

— Оно натолкнуло меня на то, что в конечном счете оказалось верным направлением. Оно заставило меня осознать, что начало истории имело место, как я говорю, задолго до убийства Кору.

Пока мы вели свое расследование, имя, на которое мы постоянно натыкались, было Аластер Фарджион. Все словно бы так или иначе вращалось вокруг него. И что еще любопытнее, дело по сути начало обретать сходство с его фильмами — в особенности для Юстеса и меня. По воле судьбы в вечер, когда в Хеймаркете давали мой розыгрыш на тему «Ищи убийцу!», мне выпала тягостная обязанность сообщить Коре о его смерти — прекрасный пример «выкрутасного начала», излюбленного самим Фарджионом.

Аластер Фарджион... — пробормотала она. — Это имя... имя, которое нам толком и известно-то не было до того, как Кора заговорила с нами о нем, под конец начало проникать во все пустые карманы наших жизней «Фарджи то», «Фарджи это», «Фарджи третье» — ничего кроме мы будто и не слышали, когда взялись за расспросы наших подозреваемых. Как указал мне Юстес, у них у всех находилось, что сказать нам о Фарджионе, куда больше, чем о Коре, тому факту вопреки, что их подозревали в убийстве Кору, а не Фарджиона. Меня все больше одолевало ощущение, что, если я хочу узнать подноготную убийства Кору, мне необходимо понять психологию индивида, с которым я никогда не встречалась, но чье имя с такой регулярностью возникало в процессе наших расследований. Тем не менее пока я все ближе знакомилась с этим человеком, пусть

посмертно, — с его грубостью, с его ожирением, его неимоверным тщеславием, — одна сторона его натуры оставалась мне прискорбно неизвестной. Я не видела ни единого его фильма.

Почему это показалось мне столь важным? Ну, мне лучше, чем многим, известно, что не существует более сильной сыворотки правды, чем творческие выдумки. Хотя романисты — а я уверена, что и кинорежиссеры тоже — могут искренне верить, будто все в их произведениях чистый продукт их фантазии, правда — правда о их психике, их внутренних демонах имеет обыкновение просачиваться в текстуру произведения, в его оригинальность, точно так же, как вода всегда отыщет самую узенькую щелочку в половицах, самую крохотную дырочку, чтобы начать капать с потолка нижней квартиры.

Сама Эвадна теперь упоенно наслаждалась своими рассуждениями, буквально купалась в них. И таким звучным был ее голос, что, даже если она воображала, будто беседует исключительно со своими сотрапезниками, нетрудно было заметить, как ножи, вилки и ложки в руках обедающих за соседними столиками застывали на половине глотка, пока державшие их жадно подслушивали каждое ее слово. Вскоре весь «Плющ», включая официантов и кухонный штат, должен был начать следовать ходу ее рассуждений, пункт за пунктом.

— И вот, — продолжала она, так как никто не хотел или не смел ее перебить, — когда Филипп сказал мне, что «Академия» устраивает всенощный просмотр фарджионовских фильмов, я тут же поспешила с ним на Оксфорд-стрит и посмотрела их столько, сколько успела, пока меня не сморил сон.

— И к какому заключению вы пришли? — осведомился Том Колверт.

— Это, должна сказать вам, была крайне познавательная ночь. Поверхностно каждый фарджионовский фильм может показаться сходным со множеством фильмов того же порядка. Однако во всех них, будто водяной знак на банкноте, сквозит то, что я могу назвать только автопортретом их создателя.

И каким изобретательным, каким дерзким создателем он был! В «Загипсованном американце», например, есть потрясающий эпизод, от которого мороз дерет по коже, когда герой, юный янки (он прикован к инвалидному креслу и потому может только слышать происходящее в комнате над ним) начинает прикидывать, что может вытворять его зловещий верхний сосед. Ну, так что делает Фарджион? Оштукатуренный потолок в комнате янки внезапно становится прозрачным, будто огромная стеклянная панель, так что мы в кинозале видим то, в чем он подозревает соседа.

Или «Как умирает вторая половина» — по словам Филиппа, фильм этот считается чуть ли ни самым блистательным его триллером. Вы знаете, он снял три отдельных варианта сюжета? Я сказала «отдельных», но на самом деле эти три фильма абсолютно идентичны, за исключением последних десяти минут, когда убийцей оказывается один из трех подозреваемых, но в каждом финале другой. И каждая из трех разгадок столь же логична, как и две остальные.

И потрясающий эпизод в его шпионском триллере «Поживем — увидим», эпизод, который умудряется быть и отвратительным, и смешным одновременно, что, кстати, если подумать, характерно для его творчества вообще. Полдюжата археологов позируют фотографу на руинах, к раскопкам которых они готовятся приступить, и фотограф просит их всех сказать «чииз» или какой-нибудь египетский эквивалент, и тут же ныряет под, ну, вы знаете, такое черное покрывало, брошенное на треногу. И они все стоят, улыбаются, и улыбаются, и улыбаются, пока... Но только через три-четыре минуты мучительно долгого ожидания, и не только для археологов на экране, но и для зрителей в зале... Пока камера — накидка, тренога и прочее — не опрокидывается прямо перед ними, и они обнаруживают, что фотограф мертвый, как пресловутая хватка, пронзен кинжалом между лопатками!

И тут она сама пронзила лепешку из крабов, ловко разрезала ее на четыре равные четверти, вилок отправив одну четверть в рот, несколько секунд жевала, запила шампанским, сглотнула и была готова продолжать.

— Посмотрев несколько картин Фарджиона от корки до корки, я обрела куда более живой его образ, чем создали все интервью, которые мы брали у тех, кто предположительно мог иметь мотив, чтобы покончить с ним. В первую очередь я увидела, какое удовольствие он извлекал, придумывая все более изощренные методы убивания своих персонажей, методы, которые выглядели почти розыгрышами, жестокими бездушными шалостями. Зло словно

гальванизировало его мозг — только тогда он испытывал истинное вдохновение. В создании сцен насилия, убийств, даже пыток — его любимого репертуара — потягаться с ним не мог абсолютно никто.

— А! Но у вас есть причина говорить то, что вы говорите, мадам! — возбужденно вмешался Франсэ, будто актер по сигналу к выходу. — В моей книге я называю это «штрихом Фарджиона». Его камера подобна перу, нет? Подобна, как мы говорим — стило?

— Стило? — с сомнением повторила Эвадна последнее слово, брезгливо поморщившись на иностранную фразеологию. — Ну, может быть. Хотя, пожалуй, это значит — как мы говорим? — зайти слишком далеко.

— Но, видите, мадемуазель, — сказал Франсэ, покачивая головой (и не в первый раз) на интеллектуальный консерватизм англичан, — за наилучшими идеями надо заходить очень далеко.

— В любом случае, — продолжала она, как всегда не терпя перебиваний, если уж она воспарила, — следом за ночью в «Академии» я попросила Тома, здесь присутствующего, устроить для нас просмотр нескольких «потоков», как их называют, из «Если меня найдут мертвой». «Потоков», как удачно сложилось, эпизода, в котором юную подругу героини убивают на пороге ее квартиры в Белгравии.

— Должен сознаться, Эви, — сказал Трабшо, — что вот тут-то вы совершенно сбили меня с толку. Вы смотрели этот эпизод не просто глазами, но всем телом, и я никак не мог понять, почему собственно. Кору же в конце-то концов отравили на полной людью съемочной площадке, а женщину в фильме закололи на безлюдной улице. Я всю ночь ломал голову, стараясь уловить связь, которую вы пытались установить между этими двумя преступлениями. Может, теперь вы объясните?

— Объяснять тут нечего, — невозмутимо сказала Эвадна. — Никакой связи я не устанавливала.

— Но вы же вглядывались в это убийство так сосредоточенно, так напряженно, точно оно дало вам какой-то ключ к убийству Кору.

— Ничего подобного. Я вовсе за убийством не следила. Оно было ни при чем.

— Вы не следили за убийством? — вскричал Трабшо, и его лоб собрался в недоуменные морщины. — За чем же вы, во имя всего святого, следили?

— Я следила за камерой, — раздался неожиданный ответ.

— За камерой? Какой камерой? Там не было никакой камеры.

— Никакой камеры? Юстес, милый, о чем вы говорите? — ответила она испустив странное подхихикивание. — Ну как вы можете говорить, — продолжала она так терпеливо, словно обращалась к несмышленому младенцу, — будто никакой камеры не было, хотя без камеры фильма вообще не существовало бы?

— Ну, тут, — неохотно уступил полицейский, — я спорить с вами не стану. Однако же на экране-то ее не было. Ведь, черт бы все это побрал, из нее фильмы попадают на экран. Так что, по определению, она не то, за чем можно следить.

— В буквальном смысле — конечно. Однако если вы научитесь смотреть фильмы так, как смотрела их я, вы, безусловно, начнете видеть присутствие камеры. Это можно уподобить собиранию картинок из кусочков. Покончив с картинкой из ста кусочков, невольно на краткий миг ощущаешь, что и мир состоит из кривых, закорюченных, подогнанных друг к другу кусочков, будто мозаичная картинка. Так вот, посмотрев горстку фарджионовских фильмов, я волей-неволей увидела мир, каким его видел он.

Так что, пожалуй, вы все-таки были правы, Филипп. Пожалуй, кинокамеру следует приравнять именно к перу.

Слушая ее, француз вытащил из нагрудного кармана своего пиджака собственное перо и теперь принялся отчаянно царапать загадочные заметки на льняной скатерти.

— Вы иметь в виду, — сказал он, в нарастающем возбуждении произнося слова все с большим французским акцентом, — режиссер фильма вроде — как вы говорить? — отуур? Как отуур книги?

— Автор книги? Да-а, полагаю, это можно выразить и так, — ответила романистка с предусмотрительной осторожностью, — хотя звучит это более убедительно в ваших устах, Филипп, ведь вы же француз. Но да, действительно, режиссер, вернее этот режиссер, покойный

Аластер Фарджион, равно оплакиваемый и не оплакиваемый, поистине был автором своих фильмов.

Совершенно так же, как ваши преступники, Юстес, Фарджион всегда прибегал к одним и тем же методам, всегда демонстрировал одни и те же штучки и мучки, каверзы и дрючки, каким бы ни был сюжет. Вот почему меня не так уж занимали характер и содержание «потоков», которые нам должны были показать. И почему когда я смотрела этот эпизод из «Если меня найдут мертвой», то, что я видела — то, что уверяю вас, я просто не могла не видеть... нет, пойду дальше и скажу, что я видела только это, — было не само убийство — откровенно говоря, не думаю, что смогла бы детально изложить вам, как оно было совершено, а ведь я славлюсь остротой моей наблюдательности, — повторяю, не само убийство, но стиль, в котором оно было снято.

Взвесьте, например, манеру, с которой камера следует за молодой женщиной на пустынной темной улице. Бесспорно, нечто подобное мы все видели во многих других триллерах, но здесь тонко, почти неуловимо темп эпизода начинает меняться, едва мы слышим другие шаги, и с восхитительно тошнотворным комом в горле осознаем, что улица внезапно уже не столь пустынна, какой только что была, не столь успокоительно безлюдна. Камера — камера, столь же зоркая и переменчивая, как человеческий глаз, — перед нашими собственными глазами постепенно, зримо и так искусно превращается в убийцу. И вот, когда женщина нервно оглядывается в первый раз, мы с внутренним стоном — а если говорить про меня, то с наружным стоном — понимаем, что она смотрит не просто в объектив камеры, но в лицо своего будущего убийцы. Будто она узнает камеру, будто в конце концов ее убьет сама камера.

И в этот момент я поняла, что в мире мог быть только один человек, способный срежиссировать данный эпизод в этом особом стиле — присутствовал ли он сам на съемочной площадке или нет, когда эпизод снимался, находился ли он сам или нет в прямом контакте с актерами или кинооператором, — снова повторяю: был только один человек во всем мире, способный сотворить данный эпизод, и этим человеком был Аластер Фарджион.

— То есть... — сказал Том Колверт голосом, который был в сравнении с шепотом тем же, чем шепот был в сравнении с криком.

— То есть Фарджион был жив. Он не погиб в огне пожара в Кукхеме, и, уж конечно, он не был убит. Мне очень жаль, Юстес, ваша теория была милой аккуратной теорией — милой аккуратной теорией в теории, так сказать, — но, боюсь, она просто не соответствовала истине. Аластер Фарджион был не жертвой убийства, а совершил его. Это он убил Пэтси Шлютс, так же, как позднее убил Кору — через посредника, как мы увидим, — а вчера днем пытался убить меня.

Первым заговорил Том Колверт.

— Моя дорогая мисс Маунт, я от всего сердца поздравляю вас.

— Весьма благодарна вам, молодой человек, весьма и весьма, — ответила романистка с улыбкой. — Но, пожалуйста, называйте меня Эви.

— Эви. Однако скажите мне, вы, знающая все, вы никогда не взвешивали возможность, что Хенуэй просто имитировал стиль Фарджиона?

— Никогда. Если я чему-то научилась за мои тридцать лет знаменитого автора, то тому, что стиль художника не может искусно симитировать никто другой. Никогда, никогда, никогда. Очень многие пытались, все потерпели неудачу.

— Так кто же на самом деле погиб в кукхемской вилле — то есть вместе с мисс Шлютс?

— О, едва я догадалась, что Фарджион жив, сообразить, как он сумел подделать свою смерть, было детской игрой.

— Поскольку среди нас нет ни одного ребенка, — пробурчал Трабшо, — вам придется растолковать это по буквам.

— Один из его двойников, разумеется.

— Его двойников? — осведомился Колверт. — Каких еще двойников?

— Первое, о чем Кора рассказала нам с Юстесом про Фарджиона, было про его эго, до того непомерное, что он непременно вводил в свой фильм эпизод, в котором двойник — то есть кто-нибудь, например статист, абсолютно на него похожий — мелькал камейно. Своего рода самоупоенный знак отличия, в обоих смыслах слова, который его поклонники начали выискивать в каждом фильме.

Двойники... статисты. Эти два слова не выходили у меня из головы. Меня так заинтриговала идея, что тут мог быть замешан двойник Фарджиона, лишний Фарджион, что я незамедлительно решила узнать все, что сумею, об этих его заменах.

И от присутствующей здесь Летиции я получила адрес вест-эндского агентства, которое специализируется на найме статистов для фильмов. И в надежде выяснить, не пропал ли в последнее время кто-то из этих двойников Фарджиона, я промаршировала по неблагоуханной улочке в Сохо, по одному из тех винтящихся тупиков, где дома словно бы свешиваются из собственных окон.

И, представьте себе, действительно оказалось, что некая Мэвис Харкер, жена или экс-жена Билли Харкера, я толком так и не поняла, последнее время допекала агентство, справляясь о своем муже. Не то чтобы она тосковала по бедному олуху, но призналась, что прочно сидит на мели и нуждается в скорейшем поступлении наличности.

Билли, видимо, начал свою карьеру в шоу-бизнесе как жонглер в мюзик-холлах. Затем, перед тем как всерьез растолстеть, он заново воссоздал себя в виде Великого Кардомаха, арабского неваляшки, что бы это ни значило. Затем, когда война обернулась закрытием большинства театров мюзик-холльного порядка, он, подобно многим его типа, начал кое-как зарабатывать на кусок хлеба статистом в кино. Вот тогда, к зубоскребующей скорби миссис Харкер, он и пропал с лица земли.

В архиве агентства имелась его фотография — фотография, на которую они разрешили мне взглянуть одним глазком. Конечно, я заранее знала, чего ожидать. И все же, когда я оказалась лицом к лицу с пухлыми брылями, выпяченным ротиком и трехслойным подбородком вы знаете кого, даже и пресловутого перышка не понадобилось бы, чтобы сбить меня с ног. Сходство просто наводило жуть. Харкер был вылитый Фарджион, за которого мелькал в «Идеальном преступнике» и «Фокус-покусе», и, как мне сообщили, очень надеялся быть снова занятым в «Если меня найдут мертвой».

— Так что же, — спросила Летиция, — по-вашему, произошло в Кукхеме?

— Всю правду мы узнаем, только когда миссис Фарджион, которая, как я продемонстрирую, усердно участвовала в исполнении этого плана, будет допрошена в Ярде. Но, полагаю, произошло это примерно так.

Аластер Фарджион, выдающийся фильмотворец и известный ходок по женской части, высматривает Пэтси Шлютс среди хористок самого последнего ревю «Свихнутой шайки» и решает дать ей роль в своем намеченном фильме. Естественно, юная Пэтси, новичок в кинобизнесе, чувствует себя на седьмом небе. Она же выбрана сыграть главную женскую роль в первостепенном фильме одного из самых именитых режиссеров мира. Буквально шанс, выпадающий раз в жизни, и она — во всяком случае, так полагал Фарджи — безумно благодарна, что ей его предложили. Рассчитывая попользоваться этой благодарностью, великий режиссер затем приглашает эфирную крошку в свою кукхемскую виллу на субботу.

У нас нет возможности точно узнать, что произошло там, но, думаю, логично предположить, что он сметает пыль с кушетки отбора артисток, угощает Пэтси изысканными яствами и вином и в конце концов переходит к делу, только чтобы обнаружить, что благодарность его протее отнюдь не простирается до... ну, думаю, мне нет надобности разъяснять, верно? Поэтому он впадает в ярость — его припадки бешенства жутко знакомы всем, кто имел несчастье пойти ему наперекор. Возникает борьба, и то ли без намерения, то ли с намерением — еще одна часть истории, которая, возможно, никогда не увидит света дня, — но Пэтси убита.

В ужасе перед тем, что он натворил — его будущее рушится, его ждет тюрьма, если не виселица, — Фарджион тут же телефонирует жене, которая, как обычно, бросает все и мчится к нему.

Ну, все мы были склонны считать Хэтти Фарджион, как ее описала сама Кора, воплощением многострадальной жены-мышки, которая в одиночестве таится дома, пока ее мерзавец-супруг ловеласничает направо, налево и посерединке. Но, хотя Том, ведя свой допрос, гроша ломаного от нее не добился, мое внимание остановили несколько фраз, которые проскользнули в ее ответах, фраз, словно бы указывавших, что это Фарджион был у нее под каблуком, а не наоборот.

Правда, как ее вижу я, сводится к тому, что Фарджион, каким бы блистательным режиссером он ни был, о жизни, реальной жизни, имел представление не больше, чем развитый не по

возрасту трехлетний ребенок. И в зрелых годах он оставался практически тем же малышом, которым когда-то был, одним из тех зловредных крошек, обожающих обрывать крылья у насекомых. И как любой ребенок, хороший или плохой, едва попав в переделку, он тотчас звал на выручку мамусю, а точнее жену, которая, впрочем, в его случае играла примерно ту же роль. Что до Хэтти, она, по моему заключению, воспринимала его донжуанство достаточно спокойно, так как хранила твердую уверенность, что по сути оно никакой опасности для их брака не представляет. А еще потому, что обычно Фарджион в своих поползновениях терпел неудачу, учитывая его вкус к женщинам вдвое его моложе и в одну четверть его веса. И, конечно, в студию она каждый день являлась, чтобы безжалостно принуждать его сосредотачиваться на съемке, но вообще-то они были подлинной парой, и оба знали это, связанные друг с другом на долгий срок.

И вот в панике он звонит ей, она ближайшим же поездом отправляется в Кукхем, и они вместе созерцают крах его блистательной репутации. Ну, поскольку я же только предполагаю, вы понимаете, хотя все словно бы укладывается в тюлечку в тюлечку, то не могу сказать, кого из них осеняет идея — вероятнее всего, самого Фарджиона, поскольку, в конце-то концов, вся его карьера была посвящена изобретению убийств, так кому и карты в руки? Значит, скажем, Фарджиона осенила замечательная идея поджечь виллу, чтобы уничтожить улики убийства Пэтси.

Поскольку вилла была построена только из дерева, не было ничего проще, чем уничтожить ее огнем. К тому же ее уединенность означала, что опасности распространения пожара дальше не было практически никакой. И наконец, вилла была выгодно застрахована. Поскольку Хэтти положено было получить страховку, даже если «покойный» Аластер Фарджион этого и не мог, солидная премия должна была смягчить удар.

Однако, и очень весомое «однако», при неджентльменской готовности Фарджиона фотографироваться со своей последней пассией, всем было известно, что он пригласил Пэтси провести субботу и воскресенье на вилле. Следовательно, и речи быть не могло, чтобы на пожарище нашли только ее труп. Полиция — и, конечно, желтая пресса — мгновенно и вполне оправдано — сразу почуют, что дело неладно. И вот тут-то, подозреваю, милая, тихая и расчетливая Хэтти воспользовалась ниспосланной Небом (или ниспосланной Адом) возможностью с этих пор заполучить своего мужичка-толстяка в полную свою власть и положить раз навсегда конец этим его адюльтерчикам, сумев убедить его, что он тоже должен «погибнуть» в пламени.

— Он, безусловно, вляпался в чертовскую лужу, — перебил Трабшо, — но такое решение выглядит все-таки слишком-слишком.

— А! Но не забывайте, если бы разразился скандал, его карьере так ли, иначе ли, но пришел бы конец. И он бы его не пережил — вот почему он, вероятно, решил, что не переживет его в буквальном смысле. И он телефонирует Билли Харкеру. Почему Харкеру? Потому что среди всех, кого он обычно задействовал в свои двойники, только Харкер разошелся с женой, жил один в однокомнатной квартирке где-то в Ист-Энде и крайне нуждался в единовременном заработке. Фарджион (полагаю я) говорит Харкеру, что хотел бы обсудить «кадр с двойником» в своем новом фильме, даже предлагает ему упаковать пиджаму с бритвой и немедленно приехать в Кукхем. Бедняга Билли, уж конечно, решил, будто наконец-то удача ему улыбнулась. Не просто работа, достаточно высоко оплачиваемая, чтобы расплатиться с самыми неотложными долгами, но приглашение переночевать у Мэтра! Уверена, вы легко себе представите молниеносность, с какой он принял приглашение.

— Как, по-вашему, его прикончили? — спросил Том Колверт.

— Право, не могу сказать, — ответила она задумчиво. — Скорее всего так, чтобы не было никаких внешних признаков, если бы огонь не уничтожил все улики подчистую, как они надеялись. Думается, яд. Или, если яда под рукой не нашлось, то удушение. Верный ответ мы узнаем, когда Старенькая Мамочка Фарджион признается во всем, как я абсолютно уверена.

— Эви, — сказал Трабшо, — вы, как обычно, доказали свою сверхкомпетентность, не отрицаю. Но, хоть убейте, я не могу понять, каким образом Аластер Фарджион «режиссировал» фильмом. О чем вы упомянули. То есть как практически?

— Ну, — сказала Эвадна Маунт, — согласимся, что Фарджион почувствовал себя вынужденным принять доводы жены, что ему необходимо «погибнуть» в огне вместе с Пэтси. Однако, думается, он никак не хотел допустить, чтобы и новый фильм погорел из-за его «смерти».

Помимо всего прочего, имелась еще и финансовая причина обеспечить продолжение съемок. И они с Хэтти решают состряпать фальшивый документ о том, что в случае, если с ним что-то произойдет, снимать «Если меня найдут мертвой» вместо него должен Рекс Хенуэй.

— Этот Хенуэй, — сказал Франсэ, — вы говорите, что он тоже был частью плана?

— Абсолютно. Он немедленно согласился стать, как выразились бы мои присутствующие здесь друзья-детективы, соучастником после события преступления. Не будем забывать, что Хенуэй был бешено честолобив, и никакая законопослушная щепетильность не могла помешать ему взяться за фильм. Он годы и годы ждал такого шанса и не собирался допустить, чтобы смерть Пэтси Шлютс — тем более что Фарджион, уж наверное, убедительно сослался на несчастный случай, — вырвала бы этот шанс из его жадных грязных лапок.

Но теперь, — продолжала она, — возникла неожиданная помеха. Хэтти все так же являлась в павильон каждый Божий день, будто картину снимал сам Фарджион, не ради того лишь, чтобы блюсти финансовые интересы своего мужа, как предположила Кора, но также и его творческие интересы. Она была его шпионкой, «кротом», и ее обязанностью было ежедневно сообщать ему о работе Хенуэя. Но в том-то и заключалась проблема. Работа Хенуэя была вареной жвачкой. Сценарию Фарджиона он следовал рабски, но Фарджион забыл, что почти все самые лучшие идеи и, бесспорно, самые оригинальные, всегда осеняли его в самую последнюю минуту, чаще всего уже на съемочной площадке. А Хенуэй попросту таким талантом не обладал. Вполне компетентный ремесленник, но без йоты гения своего ментора. И вот настает момент — вы помните, Юстес, что нам сказала Кора? — настает момент, когда вопрос о продолжении съемок повисает на волоске.

Смириться с этим Фарджион никак не может. Он был тщеславным высокомерным нарциссизмом, и не мог, не желал упустить шанс еще раз похвастать своей блистательностью перед подобающе пораженным миром, пусть даже и через посредника. Уже как раз тогда, когда он сам приступал к съемкам фильма, дурацкая неувязка — без сомнения, он в таком роде объяснял себе смерть Пэтси — воспрепятствовала ему продолжать.

Чтобы столь дорогой проект накрылся вторично из-за чьей-то некомпетентности? Нет-нет, для субъекта его типа это было бы неприемлемо.

И вот этот фильмотворец, этот художник, этот гений, принимавший один неслыханный вызов за другим — уложивший одного из своих героев спать в Клеркенвелле и разбудивший его в Скалистых горах, а другой свой фильм втиснувший в переполненный лифт, — принимает решение принять и этот сверхвызов. Подобно влюбленным, которые поцеловались через посредство маленькой девочки в единственном эпизоде «Если меня найдут мертвой», съемку которого мы с Юстесом наблюдали, он будет вести съемки фильма через посредство кого-то другого.

И вот внезапно Хенуэй чудесным образом обретает под ногами творческую почву. Никто не может понять, каким образом он, как прежде Фарджион, начал обретать эти поразительные идеи прямо на съемочной площадке — идеи, достойные — по причине, которую вы сейчас все поймете — достойные самого Аластера Фарджиона!

Собственно говоря, модус операнди нам, сам того не зная, открыл Хенуэй в кабинете Леви на следующий же день после убийства Кору. Вы помните, когда я попросила его объяснить, каким образом он так внезапно обрел уверенность в себе во время съемок, его ответ сводился к тому, что он перестал спрашивать себя, что сделал бы Фарджи. Он был более честен, чем мы подозревали. Если он больше не спрашивал себя, что сделал бы Фарджи, то потому лишь, что теперь Фарджи указывал ему, что надо сделать! Фарджион попросту использовал Хэтти, чтобы скормить Хенуэю все внезапно осеняющие его идеи и последнеминутные изменения, которые всегда придавали уникальность его фильмам.

— Почему он просто не звонил Хенуэю? — спросила Летиция.

— Слишком рискованно. Его голос, этот сочный похоронный голос, неминуемо был бы узнан телефонисткой студии, которая, несомненно, слышала его прежде несчетное число раз. Нет, было куда безопаснее, чтобы Хэтти тайком относил подробные заметки-указания своего «покойного» мужа в кабинет Хенуэя, где по прочтении они тут же уничтожались. Так и было, за исключением вот этого единственного клочка бумаги, — при этих словах она запустила обе руки в свою сумку, нащупала остаток указания и разгладила его на столике перед ними, — который я спасла из его

мусорной корзинки. Хотя я, естественно, понимала, что это могла быть одна из тысячи и одной заметки-напоминания, никак с этим делом не связанной, меня насторожил тот факт, что ее не только порвали в клочки, но и пытались сжечь. Совершенно очевидно, это был клочок сообщения, которое получивший его хотел надежно скрыть от посторонних глаз, и, обдумывая, почему это было так, я впервые задумалась, а не может ли этот так называемый «вундеркинд» быть все-таки не более чем куклой чревовещателя?

Как видите, поскольку большая часть листика сгорела, для исследования нам остались только эти двенадцать уцелевших букв: «SS ON THE RIGHT». И Юстес всегда на *qui vive*⁵⁸ выдвинул нелепую неправдоподобную теорию, что SS каким-то образом могут быть связанными с бегством Бенджамина Леви в последнюю минуту из нацистской Германии.

— Ну уж, Эви! — сказал Трабшо, краснея. — Вы же прекрасно знаете, что я просто пошутил.

— С другой стороны, я, — продолжала она, — и вопреки моей репутации неисправимой выдумщицы, немедленно направила мои мысли по более практичному руслу. Отыскав мой старый словарь рифм, я исследовала столбец за столбцом слова, оканчивающиеся на «ss», пока в размышлении не застопорилась на «kiss»⁵⁹. Потому что слово это сразу напомнило мне об эпизоде «Если меня найдут мертвой», про который я упомянула несколько минут назад, — тот, в котором Гарет Найт и Леолия Дрейк одновременно целуют девочку в левую и правую щеки.

Вот и подумайте, не могли бы «SS ON THE RIGHT» быть прежде частью фразы, которая в целом читалась: «Dreik gives her a kiss on the right cheek, Knight on the left»⁶⁰[60].

Они дружно уставились на нее. Мир, который последние три четверти часа был опрокинут вверх тормашками, теперь медленно перевернулся в нормальное положение тормашками вниз.

— Черт подери! — буркнул Трабшо.

— Ох ты! — вскричала Летиция. — Ну, вы самое оно!

— Какой я тупица! — восторгался Франсэ. — Это же прыгает в глаза! Чистейший Фарджион!

— Моя дорогая Эви, — благоговейно сказал Колверт, — в средние века вас обязательно сожгли бы как ведьму.

— Благодарю вас, Том. Вы так добры.

— Однако есть один ключевой вопрос, на который вы не ответили.

— И какой же?

— Почему Фарджион убил Кору Резерфорд? Вернее, как вы только что дали понять, почему он устроил, чтобы ее убили?

До этого момента романистка, настолько опьяненная силой своей логики, даже и не вспомнила, что фокусом этого дела в конечном счете было убийство ее очень дорогой старой подруги.

— Ах, да, — сказала она скорбно. — Кора, бедная Кора... боюсь, она сочла себя жутко хитрой. Однако ахиллесова пята многих хитрых людей заключается в склонности игнорировать тот факт, что другие тоже бывают хитрыми, причем похитрее них.

Как подтвердит Юстес, она однажды объявила нам, что ее роль в фильме, очень маленькая по сценарию, неожиданно стала куда больше и сочнее. Таинственным образом «взбодрилась», по ее выражению. Чтобы узнать правду полностью, нам опять-таки придется подождать признаний Хэтти Фарджион, но ставлю про заклад мой последний доллар, Кора, которая так и не рассталась с возмутительной привычкой беззаботно совать нос в частные дела своих знакомых, явилась поговорить с Хенуэем, нашла его кабинет пустым, начала по своей врожденной склонности рыскать и шарить и наткнулась на какую-то инструкцию Фарджиона, возможно, ту самую, которую я спасла из мусорной корзинки.

Она мгновенно узнает его почерк, почерк, который распознала бы даже в заглавных больших буквах благодаря всем тем грубым отказам, которые получала от него, пока он в конце концов не согласился дать ей эту рольку. И столь же мгновенно уловив скрытое и важнейшее значение этого текста, понимает, что держит в руках непробиваемый козырь, чтобы поторговаться.

— То есть, — сказал Трабшо, — она шантажировала Хенуэя?

⁵⁸ Здесь: начеку (*фр.*)

⁵⁹ поцелуй (*англ.*)

⁶⁰ «Дрейк запечатлевает поцелуй на ее правой щеке, Найт на левой» (*англ.*)

— Ну, — уклончиво ответила Эвадна Маунт, — «шантаж» такое некрасивое слово.

— И вполнину не такое некрасивое, как само преступление.

Не дав себя сбить, она продолжала:

— Ну, просто скажем, она объяснила Хенуэю, что не видит весомой причины, почему бы ей не представить такую губительную улику полиции. Скажем еще, что Хенуэй, соображая на ходу, указал ей на ту вескую причину, которую она и выцоганивала. И наконец, скажем, что, если он действительно предложил подкормить или «взбодрить» ее роль в фильме, боюсь, Кора в ее отчаянном стремлении вернуться на экран, просто не могла устоять и заключила сделку с Дьяволом.

То, как она поступила, было дурно, крайне дурно, и, Бог знает, она поплатилась за это. Но она была моей самой старой подругой, а я всегда стою за моих друзей и не собираюсь отвернуться от нее теперь, пусть она и покойница.

— Браво, Эви, — сказал Том Колверт.

— Благодарю вас, Том, ответила она.

Затем голосом несколько осипшим (столь долгим и многословным был монолог, даже для нее) она сказала:

— Да, бедная подружка Кора, ей и в голову не приходило, что она противопоставила себя субъекту, не меньшему исчадию зла, чем любой персонаж в его фильмах. И она никогда не принадлежала к тем, кто умеет держать рот на замке. Фарджион и Хенуэй знали, что не могут на нее положиться. Так же, как шантажист всегда является потребовать еще, что могло воспрепятствовать ей — я просто слышу, как они задают себе этот вопрос — потребовать главную роль во втором фильме Хенуэя? И в его третьем? И в его четвертом? Нет, нет, нет, ей необходимо было заткнуть рот сейчас же.

Метод убийства почти наверное родился в собственном воспаленном мозгу Фарджиона. Уже подсунув своему протезу несколько последнеминутных изменений в сценарии, он, вероятно, рассчитывал, что введение этой его новой идеи, чтобы Кора выпила полфужера шампанского, не вызовет на съемочной площадке никаких подозрений. Хенуэй будет увенчан лаврами, с Корой же между делом будет покончено.

Кто же выполнил грязную работу непосредственно, слямзив яд из лаборатории и отравив лимонад? Ну, меня нисколько не удивит узнать, что сделала это Хэтти, наша Мадонна с вязальными спицами, на которую никто никогда особого внимания не обращал.

— Эви, — сказал Трабшо после секундной тишины, — вы, без сомнения, правы во всех этих ваших предположениях, но вчера вы чуть не позволили себя убить, что было бы сокрушающим ударом для нас всех. И в первую очередь для меня, — не удержался и добавил он.

— Юстес, а я уже начала сомневаться, что вас это тронуло по-настоящему.

— Не надо, не надо! — парировал он ворчливо. — Вы прекрасно знаете, что я имею в виду... и чего не имею. Однако, черт дери, почему вы не поделились вашими подозрениями со всеми нами, вместо того чтобы в одиночку подвергать себя риску?

— Неужели, мой дорогой, вы не видите, что я этого никак не могла, просто не могла. Все, что я знала, или думала, будто знаю, оставалось лишь гипотезами, карточным домиком, который в суде не устоял бы и секунды. Все опиралось на один-единственный факт (то есть фактом его считала я, но только я одна) — на тот факт, как я говорю, что Фарджион был все еще жив. Однако факт, доказать который я абсолютно не могла.

Попробуйте вообразить, как я в Олд-Бейли прошу судью просмотреть эпизод убийства из «Если меня найдут мертвой», а затем взываю к нему: «Милорд, я утверждаю, что движение камеры, которое мы все только что наблюдали, является неопровержимым доказательством не только того, что Аластер Фарджион не погиб в пожаре, который уничтожил его виллу, но также, что он ответственен за смерти Пэтси Шлютс и Кору Резерфорд»? Пф! Меня вышвырнули бы из зала суда задней частью вперед!

Нет, мне необходимо было представить единственную улику, доказывающую мою правоту, — Аластера Фарджиона самолично. Я должна была выманить его на свет, и единственным способом было сделать из себя приманку. Вот почему я настаивала, чтобы вчера днем все собрались в павильоне, включая даже того подозреваемого, то есть Рекса Хенуэя, который, как я уже догадалась, был сообщником. И вот почему я обещала, что открою личность убийцы. Мне

требовалась уверенность, что там будут все, и если кто-то вознамерится помешать мне назвать имя, то им будет сам Фарджион. И я была убеждена, что он попытается остановить меня по той простой причине, что у него в конце-то концов имелось идеальное алиби. Он был мертв!

— Я навсегда останусь у вас в долгу, Эви, — сказал Колверт, добавив: — И конечно, у вас, мистер Трабшо.

— Ну, я... — сказал Трабшо, — не чувствуйте себя обязанным благодарить меня. Как всегда, я был просто инспектором Копушингом, злополучной мишенью всех шуточек сыщика-любителя.

— Чуть! Вы вместе образовали замечательную пару. И, кстати, о парах, насколько я понял от присутствующей здесь Эви, не пройдет много времени, как я принесу вам поздравления совсем другого порядка, э, Юстес?

— Цыц! — пробурчал Трабшо. — Вы что-то много стали себе позволять!

— В любом случае, мой дорогой, — вмешалась Эвадна, — вы можете испытать или не испытать облегчение, но у вас будет небольшая передышка, прежде чем мы завяжем узы.

— О! И почему же? — спросил Трабшо.

— Сперва я должна написать мой новый «Ищи убийцу!».

— Вы собираетесь написать новый «Ищи убийцу!»? — спросила Летиция.

— Всеконечно. Роман будет посвящен памяти Кору, а не... — она многозначительно посмотрела на своего будущего супруга, — повторяю, а не Агате Кристи.

— Но это же восхитительная новость, Эви! Смею ли спросить, о чем он?

— А как вы думаете? — парировала романистка, словно ответ был очевиден. — История, в которой мы все были действующими лицами. Мы, авторы, скопидомы, знаете ли. Никогда ничего не тратим зря, никогда ничего не выбрасываем.

— Черти полосатые в клеточку! — вскричал Трабшо, не веря ушам. — То есть ты собираешься писать о Коре, Фарджионе и Хэтти и остальных и упихнуть их всех в книгу?

— Так, и не иначе. Естественно, я не использую их реальные имена. В конце-то концов, я писательница, художница. Мне придется придумать кучу новых. Но не беспокойся, Юстес, не рви на себе кушак. Ты тоже будешь в ней. Собственно говоря, вы все в ней будете.

— *Sacré bleu*⁶¹! — воскликнул Филипп Франсэ, заводя глаза к небесам. — Это же — как это по-вашему говорится? — конец!

⁶¹ Черт подери! (фр.)

